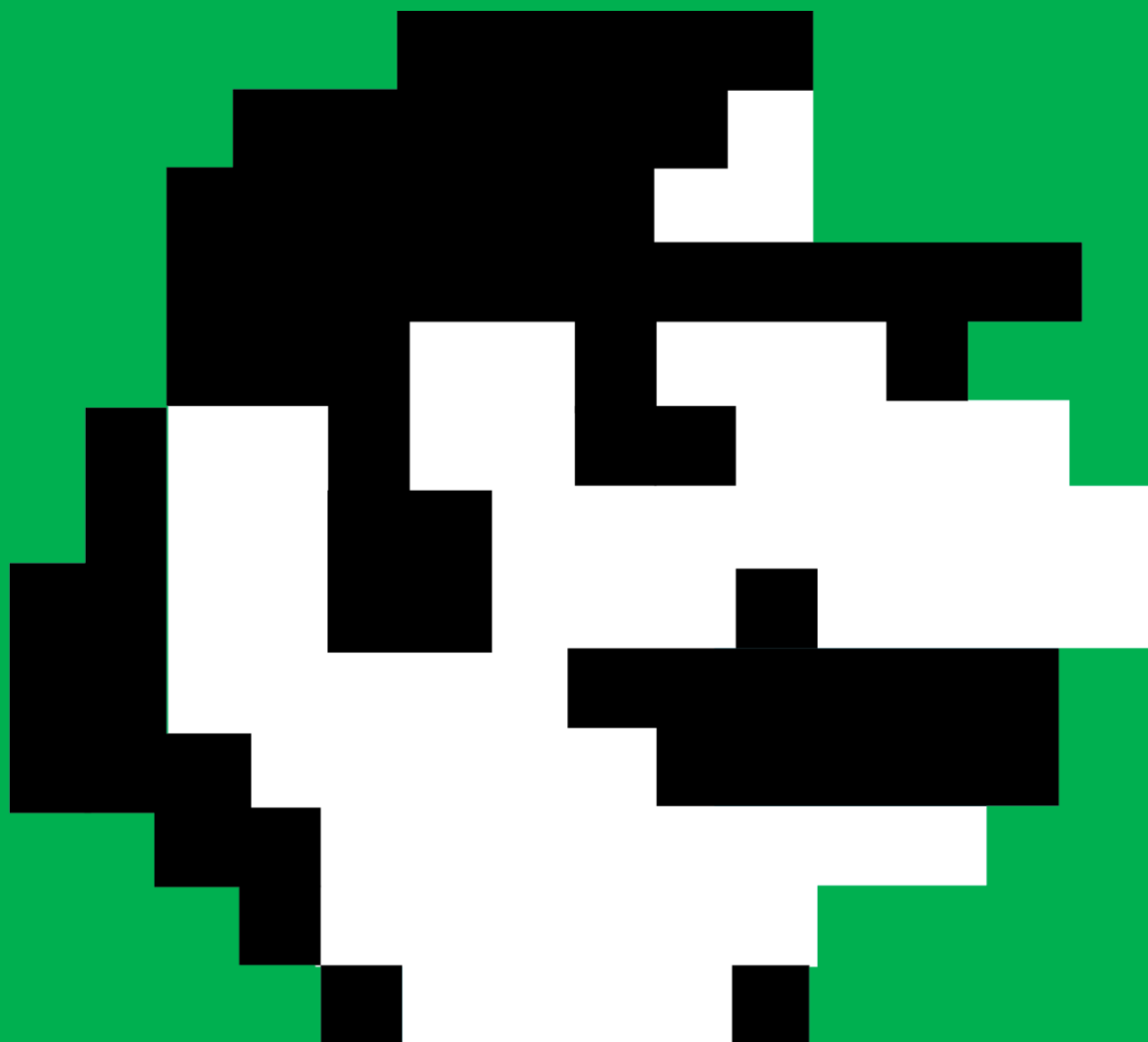

ГЕНЕЗИС

ТЕМА НОМЕРА

Реальное виртуального / виртуальное реального

КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА

Michael R. Heim

Virtuality

Электронная версия
журнала

ON-LINE ВЕРСИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Бредихин

anocenter74@mail.ru**НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР**

Сергей Логиновский

genesis@genesis-magazine.ru**ШЕФ-РЕДАКТОР**

Елизавета Щетинина

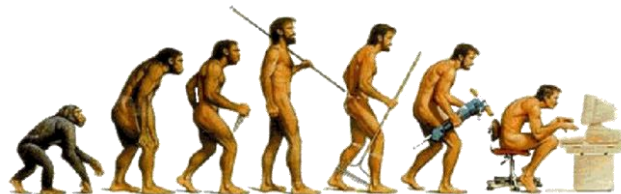
schetininaev@ya.ru**БИД-РЕДАКТОР**

Владимир Помелов

ДИЗАЙН И ИЛЛЮСТРАЦИИ

Евгений Диксон

Редакция журнала выражает огромную благодарность всем коллегам за помощь в подготовке номера; без вашей готовности к безвозмездной и с полной отдачей работе, искренней веры в успех и поддержки номер бы не мог состояться.

Вопрос о том, что есть виртуальность – это вопрос и о том, что есть реальность. Совершенен ли наш мир, обладает ли он качеством онтологической завершенности или напротив есть в нем неистребимая ущербность и вечное стремление к восполнению ее в различных формах дополнительности? Одним из таких дополнений и является виртуальная реальность. Она ворвалась в жизнь человечества совершенно неожиданно – в полном соответствии с гипотезой черного лебедя и вместе с тем всегда незримо (а как же еще может существовать виртуальность?) присутствовала в жизни человека. Разве сновидения, мечты, фантазии не есть та же виртуальность, воплощенная в машине человеческого разума?

Вместе с тем существование этого запредельного и нереального мира ничего не говорит о нем самом. В самом деле, если мы наблюдаем нечто это не значит, что это нечто существует. Хорошим примером «запредельного» являются компьютерные игры, в которых геймер неизбежно натывается на незримые границы дальше которых пройти невозможно (игровой мир далее не прорисован и не запрограммирован). Остается лишь иллюзия возможного продолжения.

С другой стороны, никто не может поручиться за то, что виртуальное не существует именно как виртуальное и тогда ему нет дело до обладания собственно реальностью – оно обладает виртуальностью, которая вполне может оказаться превосходящей саму реальность как таковую. И не возникает ли тогда искушения уйти в эту виртуальность предварительно запрограммировав всю свою жизнь в ней – не стоим ли мы на пороге открытия земли обетованной – виртуального Рая...

Экспансия виртуального и эффекты реального; сакральное в виртуальном; виртуальная мутация труда; искусство за гранью реального... это лишь часть вопросов дискуссии по которым мы бы хотели открыть вторым номером «Генезиса», следуя одной из его идей: «Генезис», это не журнал, а среда.

СОДЕРЖАНИЕ

1 РЕДАКТОРСКИЙ РАЗДЕЛ

- 1 Обращение к читателю
4 Принципы прогрессивного журнала «Генезис»

5 КЛЮЧЕВАЯ ТЕМА

- 6 *Michael R. Heim* – Virtuality

12 РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЧЕЛОВЕК

- 13 *Хоружий С. С.* – О матрице управления виртуальными практика и трендами
21 *Огаркова П. В.* – «Православное целительство» отца Вадима в контексте религиозной антропологии

34 РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. КУЛЬТУРА

- 35 *Вертушинский А. С.* – Опыт невозможного: о связи видеоигр с реальностью
40 *Евдокимова Л. С.* – Фонд имени Конрада Аденауэра в виртуальном пространстве
45 *Лаврова А. Г.* – Специфика комплексного продвижения видео-контента

52 РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. РЕЛИГИЯ

- 53 *Абсаямов К. К.* – Формы женского монашества в буддизме Тхеравады
64 *Щетинина Е. В.* – Кибер-религия как феномен современной религиозной культуры
68 *Павлова Е. Ю.* – Христианство в работах К.С. Льюиса. Ответы вызовам современности

78 РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ОБЩЕСТВО

- 79 *Иванов Д. В.* – Виртуализация общества как цивилизационный тренд
96 *Белова Л. И., Садылко Д.В.* – Действие феномена «спирали молчания»
103 *Бредихин С. С.* – Виртуальные медитации

109 СПЕЦИАЛЬНЫЕ РУБРИКИ

- 110 Рубрика «Интервью»: 20 лет кружку «Философия истории» Интервью С.С. Логиновского с основателем и руководителем кружка с Павлом Борисовичем Уваровым

117 АВТОРЫ НОМЕРА

118 К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Человек всегда находится в оковах экономических, политических и социальных, но науку могут делать лишь те, кто силой истины готов разбить их внутри себя и дать волю всепобеждающему духу свободы.

Если Вы разделяете наши принципы и готовы принять участие в работе журнала — присоединяйтесь!

*С уважением,
редколлегия прогрессивного журнала «Генезис»*

НАШИ ПРИНЦИПЫ ПРОСТЫ И ПОНЯТНЫ

ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Мы не принимаем на веру никаких суждений, а потому приветствуем полноту аргументаций, опору на реальность и независимость от любых идеологических установок. Мы не приветствуем любого суесловия, особенно в форме псевдонаучности

ЖИЗНЕННОСТЬ

Материалы статей, публикуемые в нашем журнале не должны быть пустыми абстракциями или наукой ради самой науки. Они должны быть обращены к реальной жизни, включаться в ее поток, овладевая им силой свободного и критичного разума

АКТУАЛЬНОСТЬ

Быстрая смена парадигм, столкновение идей, подходов и методов делают современную науку динамичной, а потому быть вне актуальных научных трендов - значит быть вне науки

ДОСТУПНОСТЬ

Высокий качественный уровень на наш взгляд не означает недоступность материалов для других. Не замыкаться в узком круге специалистов, а стремиться к широкому распространению идей — вот на наш взгляд задача ученого, — лишь тогда идея становится действительной, когда она воплощается в других и побуждает их к действию

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОДХОД

Времена линейного холодного разума стремительно проходят, и сегодня интеллект подразумевает и эмоциональный, и эстетический, и этический компонент, а также личное участие. Их отражение в работе ученого на наш взгляд необходимо

КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА

Michael
Heim

Virtuality

The paradox of virtuality runs through twists and turns in the history of language. The “virtual” for first-century Romans indicated manly strength and straightforward power (Latin *vir*), what Italian courtiers would in the Renaissance dub *virtu*. Medieval thinkers downshifted the meaning of the Roman word as scholastics like Thomas Aquinas (circa 1250) distinguished a power existing in something “inherently” or *virtualiter* as opposed to essentially (*essentialiter*) or actually (*actualiter*). Here the virtuality of a thing is no longer its power to be present straightforwardly with strength. The strong but now less visibly intrinsic power fades even more in the fourteenth century English term which was borrowed from the French *virtuel* by which “virtual” came to mean something that is implicit but not formally recognized, something that is indeed present but not openly admitted - something there virtually but not really or actually there. This weaker, nearly invisible virtuality would blossom into a new semantic flower as the need for a computer-based aesthetics arose in the 1980s. Computers began to simulate digitized objects as recognizably vivid phenomena. The newly digitized phenomena were visible with many of the characteristics of primary realities and needed a new descriptive term. The virtual object was now a functional object - even reproduced as a three-dimensional object - but now generated in a digital environment. The historical linguistic paradox - strong presence dimmed to near invisibility followed by subtle presence - parallels the broader general paradox of contemporary virtuality.

The paradox: Virtuality succeeds by disappearing. At its diaphanous best, virtuality vanishes into sheer transparency. Once software flows smoothly throughout the contours of human gestures, needs, and desires, there is a feeling of unmediated activity. One deals with the things themselves, not with software or virtuality as such. As VR advocates claimed in the 1980s and 90s, the computer will eventually disappear, and so will virtuality itself. With cultural adaptation, the realities themselves exist in the virtual, and as wrinkles smooth out, old habits and entire economies assume new a configuration. The high profile of standalone virtuality fades into an early stage of epochal re-alignment.

Virtuality is at first highly visible. Prior to routine digitization, a Platonic yearning wants to carve out a separate uncontaminated space, an independent realm of pure computer control.

Thus idealized, *Virtual Reality enjoys hermetic properties and stimulates speculative imagination. For Ivan Sutherland (1968) virtuality was a set of floating light cubes perceived through boom-style monitors. For Myron Krueger (1975) virtuality was a “smart environment” where bodily movements evoke real-time computer responses perceived by simultaneous users who physically share the same artificial setting. For Jaron Lanier (1989) VR was a data glove and goggles that manipulate a cornucopia of three-dimensional objects which can outrun the symbols of spoken language.

Decades later, mobile micro-computing would replace the holy grail of "full-blown" VR with mundane smartphones, digital office tools, and a wide variety of electronic toys for the home. Virtuality recedes as it becomes ubiquitous, a subconscious component of everyday life. What was once a transcendent research goal merges with everyday activities as they float suspended in the cloud of inter-nested computer networks. The semantic need fades for a specialized vocabulary to isolate "virtual worlds," "avatars," and "telepresence." The semantic remnants of the terms now scatter across every field of routine activity.

Two major phases of virtuality mark its evolution:

- VR as portal to a private world of simulation where physical senses are immersed in sensory data passed through prosthetic devices where users temporarily "forget" their primary sensory world (1980-2000);
- VR as a convenient communication tool where human contact transcends the constrictions imposed by limited sensory data transmitted by electronic networks (2000-present).

Straddling both phases is the computer gaming industry where compelling action reduces the need for full-scale visualization and where commercial design continually pushes the envelope for richer graphics and cinematic production values. Of the two phases, the second phase dominates as human contact and commerce expand exponentially on computers. This second trend overcomes sensory constrictions by supporting shared connectivity under the changing conditions of mobility and convenience. To some, virtuality is an alternate universe; to others, it is simply an additional layer in the given conditions of human interaction. Immersive VR elevates the holy grail of realism to metaphysical heights. The pursuit of realism can push beyond the aesthetic *trompe l'oeil* to project a new mission for humanity: Uploading mind, body and cultural world to an artificial plane free from the restrictions imposed by nature. The final fantasy of Transhumanism is to release carbon-based mind-bodies from temporal and spatial forms, enabling escape from planet Earth in the search for other solar habitations. This transhumanist or utopian teleology faces serious problems of data conversion.

The contemporary workplace, where most people spend much of their time, shows a reluctance to adopt full-blown virtual reality. An instinctive resistance to VR may signal a healthy psychological need to counter-balance technology trends. Office workers today who work, paradoxically, from home, tend to develop mixed versions of telepresence rather than using integrated virtual worlds.

They tend to use:

- mobile access to shared data on the Web
- avatars composed of selected photo fragments
- instant messaging and shared desktops
- webcasts for company meetings rather than in-world events
- telephone voice conferences with shared desktops

A loose and inventive approach to using the computer grid may indicate a collective movement away from the single-minded pursuit of virtuality. The single mind can envision deeply immersive systems, but the mind is inevitably engaged in a socially constructed world that lifts the visions of "reality for one" into the broader network of social communication (see ONLINE WORDS, SOCIAL NETWORKING).

The paradox of virtuality prompts a look at past speculative trends, how they change, and how the present trend now unfolds toward possible futures. The terms that once beamed a numinous radiance are now stamped into the everyday coins of commerce: "Avatars" can suggest a wide range of composited aesthetic elements; "virtual worlds" and "virtual reality" are spread tenuously and used loosely. Social adoption brings new uses for old things. The new normal comes from things once held strange and wonderful. "The Street," as cyberpunk Gibson puts it, "finds its own uses for things—uses the manufacturers never imagined" (quoted in Benedikt 1993: 29).

Idealized virtuality can sketch abstract artifacts that change under conditions of actual usage. Twentieth-century philosophy, led by Heidegger and Wittgenstein, criticized the modern tendency to disengage models or paradigms from their at-hand applications. The disengaged and external vantage point is an abstraction that lacks the give-

and-take of applied experience. Both Heidegger's *Lichtung* and Wittgenstein's *Lebensform* point to the need for a repeated re-grounding of ideals in the grit of human activity where things are "defined" more by existential practice than by the imaginings of a disengaged speculative mind. The normalization of technology, its "street use," suggests that, rather than construct theories about virtuality, it is more fruitful to attend to the many very particular practices that currently infiltrate everyday activities. Contemporary life is replete with virtuality in different shapes and forms, and there is little need to construct a special model to understand virtuality. The "Street" continues to surprise, delight, and refute any and all ideas of what virtual reality is or can be. The term "virtual" belongs to the heyday of a creative digitization that will soon look and sound quaint. The normalization of technology is the other side of Wittgenstein's motto to the *Philosophical Investigations*: "Progress always seems larger than it really is." A careful look at past speculation can help adjust the illusions that appear in the rear-view mirror as the drive to progress steers ever forward.

References and Further Reading

Barfield, Woodrow, and Thomas A. Furness, eds. 1995. *Virtual Environments and Advanced Interface Design*. New York & Oxford: Oxford University Press.

Benedikt, Michael L., ed. 1991. *Cyberspace: First Steps*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

Bracken, Cheryl Campanella, and Paul D. Skalsi, eds. 2010. *Immersed in Media: Telepresence in Everyday Life*. New York & Abingdon, Oxon: Taylor & Francis.

Burdea, Grigore, and Philippe Coiffet, eds. 2003. *Virtual Reality Technology*, 2nd ed. New Jersey: John Wiley & Sons. Cahill, Kevin. 2006. "The Concept of Progress in Wittgenstein's Thought." *The Review of Metaphysics* 60: 71-100.

Coyne, Richard. 2001. *Technoromanticism: Digital Narrative, Holism, and the Romance of the Real*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Ellis, Stephen R., Mary K. Kaiser, and Arthur C. Grunwald, eds. 1991. *Pictorial Communication in Virtual and Real Environments*. New York and London: Taylor & Francis.

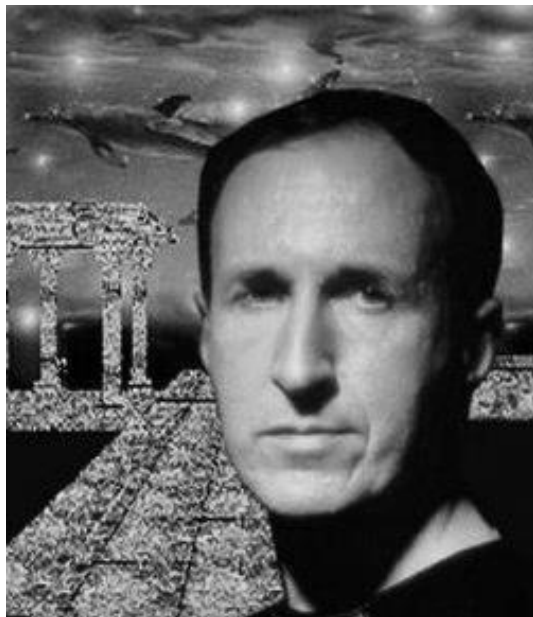
Gibson, William. June 15, 1989. "Rocket Radio." *Rolling Stone*.

Hayles, Katherine. 1999. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press.

Heim, Michael. 1999 [1987]. *Electric Language: A Philosophy Study of Word Processing*. New Haven: Yale University Press.

Heim, Michael. 1993. *The Metaphysics of Virtual Reality*. New York: Oxford University Press.

Heim, Michael. 1998. *Virtual Realism*. New York: Oxford University Press.

Майкл Р. Хейм (родился 1 августа 1944 года), американский философ. В настоящее время занимает должность профессора в Университе-

те им. Св. Марии в Лос-Анджелесе, а также является приглашенным профессором в ряде других университетов США.

М. Хейм известен прежде всего своими новаторскими работами по теории виртуальной реальности. Книгу М. Хейма «*Electric Language: A Philosophical Study of Word Processing*» (Yale University Press, 1986) можно считать первой работой о виртуальной реальности монографического характера, выполненной к тому же профессиональным философом. Классическими считаются и две другие монографии Хейма по данной проблематике: «*The Metaphysics of Virtual Reality*» (Oxford University Press, 1993), и «*Virtual Realism*» (Oxford University Press, 1998).

Благодаря своим инновационным исследованиям М. Хейм стал известен под прозвищем «философ киберпространства».

Статья «Virtuality» была специально предоставлена профессором Хеймом для участия во втором номере прогрессивного журнала «Генезис».

РАЗДЕЛ 1

ЧЕЛОВЕК

Хоружий С. С. – О матрице управления виртуальными практика и трендами

Огаркова П. В. — «Православное целительство» отца Вадима в контексте религиозной антропологии

О матрице управления виртуальными практика и трендами

Хоружий С. С. — советский и российский ученый, философ, доктор физико-математических наук, профессор Московского государственного университета, Москва, Россия

1. Реальность современного мира испытывает радикальные изменения, не только в динамике своего развития, но и в самой своей природе, фактуре. Закономерности этих изменений, их дальнейшие перспективы и сценарии почти еще не раскрыты, но одна из основных линий в поисках их понимания ведет нас «в сторону человека»: многие корни изменений оказываются возможным проследить на антропологическом уровне. В современной реальности Антропологическое и Социальное встают в новые отношения и образуют новую конфигурацию, которая характеризуется их тесной взаимной переплетенностью и взаимозависимостью. В подходе синергийной антропологии для описания этой новой конфигурации служит прежде всего понятие антропологического тренда. Антропотренд определяется как связный комплекс антропопрактик, который со временем наращивает свою массовость и распространенность, приобретает растущую значимость на социальном уровне и становится существенным фактором в социальной реальности. Т.о., это антропологический феномен, который одновременно принадлежит социальной реальности и непосредственно транслирует воздействие и влияние антропологического уровня на социальный.

В своей совокупности антропотренды формируют область глобальной реальности, явления которой равно наделены антропологической и социальной природой; мы называем эту область интерфейс «антропологического и социального» или для краткости, АС-интерфейс. Насколько значима и важна эта область? Когда человек существенно

не меняется и антропологическая реальность относительно стабильна, статична, тогда набор антропологических трендов невелик, эти тренды мало влиятельны, и АС-интерфейс не играет особой роли в глобальном развитии, которое в подавляющей мере определяется социальными процессами. Напротив, когда с человеком идут активные и резкие изменения, соответствующие тренды глубоко сказываются и на социальном уровне, на глобальной динамике; АС-интерфейс возрастает и может приближаться к масштабам всей совокупной антропосоциальной реальности.

Именно такова наша современность. Изменения, происходящие с человеком, беспрецедентны и необычны, они затрагивают не только взгляды, сознание, поведение человека, но и саму биологическую основу человеческого существа, его соматику и генетику, направляясь к тому, что Фукуяма назвал «наше постчеловеческое будущее». Эти изменения явно сказываются на всех основных аспектах социальной реальности – растущую роль антропологических факторов в культурных, политических, экономических процессах отмечают сегодня постоянно. В наших терминах, это означает, что в современной реальности АС-интерфейс играет решающую роль, и соответственно, для изучения этой реальности может быть эффективно использован наш аппарат антропологических и антропосоциальных концептов. Происходящие изменения глобальной реальности синергийная антропология описывает, отправляясь с антропологического уровня и в первую очередь прослеживая самый крупномасштабный процесс на этом

уровне – а именно, смену доминирующих антропологических формаций. Каждая из этих формаций определяется некоторой парадигмой конституции человека; в свою очередь, каждая из таких парадигм соответствует определенному способу размыкания человека в предельном опыте. Следом за продолжительной эпохой, когда доминирующим было онтологическое размыкание (размыкание навстречу иному образу бытия, «онтологическому Другому») и дальнейшим периодом доминантности онтического размыкания (размыкания навстречу «онтическому Другому», который подобно самому человеку принадлежит наличному бытию, как например бессознательное), в конце минувшего века наступает период доминантности размыкания виртуального, которое осуществляется в выходах в антропологическую виртуальную реальность – таких например, как пребывание в киберпространствах. Три эти формации именуется, соответственно: Онтологический Человек, Онтический Человек и Виртуальный Человек.

Сегодняшней задачей является, таким образом, изучение практик, трендов и АС-интерфейса Виртуального Человека. Здесь надо отметить, что современный дискурс виртуальных практик, разбитый на множество частных сфер (виртуальность компьютерная, в эргономике, в психологии и т.д.), оперирует, как правило, с весьма размытыми представлениями о виртуальности как таковой, не имея цельной общей трактовки этого ключевого понятия. В отличие от этого, в синергийной антропологии развита последовательная философская концепция виртуальности. Она учитывает опыт основных этапов истории понятия, начиная от его истоков в основаниях механики – т.е. в «виртуальных перемещениях», что рассматривались Галилеем¹, И.Бернулли, Эйлером, – а также в

монадологии Лейбница², и суммирует этот опыт в понятии виртуального как «неполно актуализованного». В свою очередь, такое понятие позволяет характеризовать виртуальное размыкание как род «привативного размыкания» в смысле Хайдеггера (ср.: «Страх размыкает присутствие преимущественно привативным образом»³). На базе нашей концепции мы обратимся к анализу трендов, формирующих виртуализованный АС-интерфейс.

С этой задачей сразу соединяются, однако, задачи контроля и управления данными трендами, задачи их коррекции или преодоления. Причины вполне очевидны: современный мир расценивается как «общество риска», и в его развитии изобилуют опасные тенденции и негативные явления. Отношение к ним не может ограничиваться чистым наблюдением и простой дескрипцией, мы необходимо ставим вопросы о возможности воздействия на них, а затем и о практических стратегиях такого воздействия. Рассматривая эту проблематику в рамках синергийной антропологии, мы нашли, что в современной реальности тесное сопряжение антропологического и социального уровней приводит к новой постановке темы, которая соединяет в себе опыт антропологических практик себя и политических практик революционного действия. Мы отправлялись от аналитического рассмотрения, в котором осуществлялась «антропологическая диагностика» антропосоциальной ситуации, т.е. идентификация наличных в ней антропотрендов и установление того, какими антропологическими формациями порождаются эти тренды. Стадия диагностики проводит своего рода *антропологическое означивание* глобальной ситуации, устанавливая ансамбль всех присутствующих антропотрендов и связывая каждый из

¹ Ср.: у Галилея «доказательство того, что центробежная сила суточного вращения не в состоянии отбросить от поверхности Земли никакое тело ... ведется путем сравнения двух несуществующих, но потенциально возможных движений». А.В.Ахутин. Эксперимент и природа. СПб., 2012. С.381. Принцип виртуальных перемещений (они же «возможные», «потенциально возможные», «кинематически возможные» и т.п.) был ранним прообразом вариационных принципов механики (таких как принцип наименьшего действия), по сей день остающихся в ее основе. Аналогично, прямую связь с виртуальностью имеет математическое понятие вариации, лежащее в основе вариационного исчисления. Эти ранние страницы истории понятия дают бесполезные ориентиры для формирования современного философского концепта виртуальности. Но

наибольший вклад в это понятие вносит, как я показывал, концепция виртуальной частицы в квантовой теории поля.

² Ср. напр.: «53. ... В идеях бога есть бесконечное множество миров, из которых осуществиться может лишь один ... 54. ... Каждый возможный мир имеет право требовать для себя существования по мере совершенства, которое он заключает в себе» ... 57. ... Вследствие бесконечного множества простых субстанций, существует как бы столько же различных миров, которые, однако, суть только перспективы одного и того же, соответственно различным точкам зрения каждой монады». Г.В.Лейбниц. Монадология // Он же. Избранные философские сочинения. М., 1908. С.352-353.

³ М.Хайдеггер. Бытие и время. Пер. В.В.Бибихина. М., 1997. С.141.

них с определенной антропологической формацией. На этой базе далее можно выделить комплекс тех трендов, которые нуждались бы в коррекции, а возможно, и в блокировании, устранении.

Наш подход к проблеме управления трендами возникает на пути обобщения весьма гетерогенного исторического опыта. Как мы заметили¹, по сути одна и та же схема или парадигма управления была открыта В.И. Лениным в сфере политических практик и описана (независимо от Ленина) М. Фуко в антропологии, на примере позднеантичных практик себя. В первом случае задача управления требовала достичь определенного изменения социополитической реальности – осуществить смену государственно-политического строя; во втором случае эта задача требовала достичь определенного изменения антропологической реальности – осуществить заданную трансформацию сознания и всего человека (адепта практики себя). Вычленив единую парадигму в этих двух областях, столь взаимно далеких, мы дали ей название «матрицы управления Ленина-Фуко». Данная матрица есть структура, включающая три взаимосвязанных уровня, или плана:

концептуальный план – план оснащения – операционный план.

Каждый из этих планов представляет собой некоторый комплекс практик. В практиках концептуального плана создается теоретический фонд, который должен содержать понятия и идеи, дающие освещение ситуации, выделяющие ее тренды и доказывающие необходимость их определенного изменения. Операционный план содержит те практики, которые непосредственно осуществляют само требуемое изменение реальности – соответственно, социополитической или антропологической. И очевидно, что для этих двух уровней необходимо связующее звено, которое указывало бы путь и способ перехода от теории к практикам реального действия. Это – ключевое звено, именно оно превращает всю структуру в действенное единство, выполняющее задачу управления. Мы дали ему название «оснащения», следуя Фуко.

Функция его очевидна: она заключается в том, чтобы преобразовать, перевести теоретический фонд в прямые инструкции и установки, в оружие для практических действий. Но для исполнения такой функции нет и не может быть общих, универсальных рецептов; напротив, выстраивание оснащения предельно зависит от конкретного содержания других планов матрицы.

Основная задача данного текста – выяснить специфические особенности матрицы управления в сфере виртуальных практик. Главное внимание мы уделим плану оснащения, постаравшись отчетливо представить его содержание и строение. Для этой цели мы сначала вкратце опишем обе уже известные репрезентации матрицы управления. Начнем с политической репрезентации – с «матрицы Ленина», до боли знакомой всем, у кого есть опыт советской жизни.

Концептуальный план – теоретические основы революционного марксизма в ленинской редакции и с ленинскими дополнениями. Существенный элемент этого плана – учение о революционной партии как «авангарде пролетариата».

План Оснащения. То, что способно сделать указанный Концептуальный план основой и руководством для практических действий в социополитической реальности, – не что иное как *идеология*. Препарируя и упрощая теоретический фонд, она превращает его в связную, логически полную систему убеждений. Убеждения должны быть предельно ясны и просты, а система должна непременно содержать также набор оценок и установок, нацеливающих к определенным реакциям и действиям. Наряду с идеологией как таковой, в план оснащения следует включить и революционную партию: она обеспечивает внедрение идеологии и инструктаж по ее применению. Вкупе эти две составляющие плана оснащения делают его полностью соответствующим своему названию: воспринявшие его становятся законченно оснащенными для действия; и коль скоро речь идет о революционном действии, то это оснащение есть, даже не очень фигурально, их боевое снаряжение, вооружение.

Операционный план – последовательность революционных социальных практик, которые осуществляет полностью оснащенная (с помощью революционной партии) социальная группа (про-

¹ С.С.Хоружий. Управление антропологическими трендами: подступы к проблематике // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2011.№7. С.13-28.

летариат). Весь комплекс практик направляется к заранее заданной цели смены государственно-политического строя.

Антропологическая репрезентация, или же «матрица Фуко» реализуется в практиках позднеримского стоицизма, эпикурейства, кинизма, согласно их реконструкции в «Герменевтике субъекта» Фуко (1982). По Фуко, эти практики представляют собой практику себя – последовательное самопреобразование интегрального человека, направляющееся к заранее заданной цели, «телосу» практики себя. Реконструкция Фуко позволяет интерпретировать данную практику себя как осуществление управления антропологической реальностью (хотя и не какими-либо антропотрендами, ибо в данном случае рассматривается чисто индивидуальная практика, протекающая полностью на антропологическом уровне, без выхода на уровень социальный). Матрица управления принимает здесь следующую форму.

Концептуальный план – это вновь некоторый фонд понятий и идей, который в данном случае заключен в форму так называемых «истинных речей», обращаемых к адепту практики его учителем. Содержание фонда является, вообще говоря, всесторонним, как и в «матрице Ленина», но преимущественно направляется на развитие личности адепта, посвящаясь темам познания мира и человека, его разума и сознания, а также ориентации человека в окружающей действительности, в обществе и last but not least в собственной жизни.

План оснащения – упрощающе-нацеливающая переработка Концептуального плана, которую осуществляет адепт в ходе усвоения «истинных речей» учителя. Само понятие оснащения (греч. *paraskeue*, лат. *instructio*) Фуко находит в лексике позднеантичных практик себя и подробно анализирует, выделяя в его смысловой структуре такие важнейшие моменты. Прежде всего, формирование оснащения – это выборка, отбор избранных речей, которые усваиваются по-особому, накрепко: адепт их «повторяет на память, произносит вслух, записывает и переписывает»¹. Таким путем он должен не просто усвоить и запомнить их, а впитать внутрь, чтобы они вошли в его плоть и кровь, «проникали бы внутрь человека и направ-

ляли бы его... став его мышцами и нервами»². Элементы оснащения должны быть такою подмогой человека, что постоянно, без специального зова, у него присутствует под рукой. Далее, что касается принципов отбора, то они в главном таковы же как в случае политических практик и идеологии: оснащение должно быть четкой системой простых, убедительных положений и мотиваций к действиям. «Эти речи... суть элементы такой рациональности, которая одновременно высказывает истину и предписывает, что нужно делать... Они – убедительные в том смысле, что не только убеждают, но и побуждают к действию»³. В итоге, возникает суммарная дефиниция: «*Paraskeue* – это способ непрерывного преобразования истинных речей, глубоко укорененных в субъекте, в морально приемлемые принципы поведения»⁴. И стоит указать еще один явствующий отсюда аспект. Оснащение сближает, сводит воедино утверждения истины (истинные речи, образующие Концептуальный план) и выражения долженствования, т.е. этические суждения; так что «*Paraskeue* – это среда, стихия преобразования логоса в этос»⁵. Применительно к «матрице Ленина» это значит, что идеология революционного действия несет в себе собственную, имманентную революционную этику (на чем всегда и настаивали истые революционеры).

Операционный план – это антропологические практики, которые, руководствуясь оснащением, осуществляют самопреобразование человека к телосу практики себя. В качестве телоса, согласно реконструкции Фуко, служит «истинная самость» (*le soi*) человека, такое состояние, в котором он стал «истинным собой», стал «сообразным истине». Продвижение к телосу совершается посредством системы упражнений разного рода, умственных, нравственных, поведенческих и др., для которых Фуко применяет собирательный термин «духовные упражнения». Упражнения охватывают все аспекты человеческого существования, которые в античности разделялись, согласно Фуко, на три обширные сферы: диететика, экономика, эротика. Наиболее разработанную является система упражнений римского стоицизма, основные

² Там же. С.353.

³ Там же. С.351.

⁴ Там же. С.354.

⁵ Там же.

¹ М.Фуко. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. С.350.

упражнения которой получили широкую известность: «досмотр души», предвосхищение несчастий (*praemeditatio malorum*), размышление о смерти.

2. Обращаясь к репрезентациям матрицы управления в виртуальной реальности, нужно прежде всего указать основные виды виртуальных практик, по отношению к которым может ставиться задача управления. Как мы говорили, в современной реальности формация Виртуального Человека начинает доминировать, и это выражается в необычайном увеличении множества и разнообразия виртуальных практик. К тому же, надо иметь в виду, что по нашей трактовке¹ всякий виртуальный феномен есть недовершенная, неполная актуализация некоторого актуального феномена и поэтому с любой актуальной практикой априори ассоциируется бесконечное множество виртуальных практик – ее недоактуализаций всевозможного рода. По этим причинам, едва ли возможно дать обозрение всего спектра виртуальных практик или же их детальную классификацию. Сейчас мы укажем лишь несколько основных примеров – достаточно широких классов виртуальных практик, играющих существенную роль в современном мире.

Главной сферой антропологической виртуальной реальности остается компьютерная реальность, с создания которой и началось победное шествие Виртуального Человека к роли доминирующей формации. Выходы в киберпространство, в пространство Мировой Паутины – предельно массовая, всеобщая практика, ставшая одной из важнейших отличительных черт современного человека и общества. Во всех ее существенных аспектах у нее устойчивая динамика роста: продолжает постоянно возрастать ее всемирная, поголовная распространенность, постоянно же возникают все новые ее формы, киберпространства приобретают все более сложное и богатое устройство и неуклонно возрастают продолжительность, интенсивность, насыщенность пребывания человека в этих пространствах. Есть важная черта не только человека, но всего живого: любое пространство для него – среда обитания, и пребыва-

ние в нем – это освоение, обживание. Притом обитание в киберпространстве проще, легче, удобнее и для многих интереснее, чем в актуальном жизненном пространстве. В результате, выход человека в киберпространство стал ширящимся и углубляющимся обживанием киберпространств. Пребывание в виртуале все больше затягивается и неудержимо затягивает человека, так что уже нередко оно успешно конкурирует с жизнью в актуальном пространстве, оттесняет и вытесняет ее. Достаточно сказать, что сегодня в виртуальную сферу уже на львиную долю перешла такая базовая, конститутивная активность человека как общение. Налицо бесспорный и мощный антропологический тренд, который можно назвать *трендом прогрессирующего киберпогружения*. Как много уже обсуждалось в литературе, его бесконтрольное усиление влечет разрушение и деградацию отношений человека с окружающей актуальной реальностью – в сфере общения, в аспектах ориентации в реальности, эффективности действий в ней, обеспечения надежности и безопасности существования и др. Соответственно, он несет в себе значительные угрозы и риски, так что проблема управления им, сдерживания его является весьма актуальной.

Прогессирующее киберпогружение – индивидуальная, чисто антропологическая практика. Чтобы показать огромное разнообразие виртуальных практик, крайне различную их природу, мы выберем другие примеры из числа практик, связанных и с социальным уровнем. Так, выход в виртуальную реальность имеет место и в массовых культурных действиях, поп- и рок-«сейшнах» (*sessions*). Это коллективные события-собрания, в которых специальными сильнодействующими музыкально-художественными средствами осуществляется перцептивная и эмоциональная атака, приводящая к установлению специфической стихии массовой экзальтации. Это именно «действия» – они во многом родственны религиозным ритуалам экстатических сект и хотят быть не обычными культурными практиками, а практиками, где достигается подлинная, актуальная полнота самовыражения, полнота личностной самореализации. Однако подобная полнота предполагает целостную принадлежность определенной духовной практике и традиции, и в описываемых «дей-

¹ С.С.Хоружий. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Он же. О старом и новом. СПб., 2000. С.311-352.

ствах» она принципиально не может быть достигнута. То, что достигается в них, есть лишь некоторая ее не осуществленная до конца актуализация – иначе говоря, именно виртуализация, виртуальная замена (или подмена). Заметим теперь, что для каждого класса виртуальных практик, их важнейшая характеристика – не только способ выхода в виртуальную реальность, но и складывающиеся в них отношения с актуальной реальностью, или, другими словами, баланс отношений между виртуальной и актуальной реальностью (ибо, разумеется, никакие виртуальные практики не осуществляют совершенного порывания всех связей с актуальной реальностью). В практиках прогрессирующего киберпогружения этот баланс, как мы указали, по мере углубления виртуализации приобретает негативные и опасные черты. Аналогичная ситуация и в данном классе виртуальных практик, хотя в них выходят на первый план уже другие негативные особенности. Сохраняющиеся связи с актуальной реальностью здесь включают в себя некий безотчетный образ *актуальной* полноты самовыражения и самореализации, который предносится сознанию как истинная искомая цель и заставляет считать достигаемую *виртуальную* полноту недостаточной, ущербной. Отсюда возникают острые эмоции надрыва, фрустрации, которые, как мы показывали¹, находят выход на двух взаимно дополнительных путях, в парадигме бунта (виртуального), либо в парадигме карнавала (виртуального же). Они же приводят и к тому, что практики масскультурных действий вплотную смыкаются с психоделическими, наркотическими практиками. Развязываются разрушительные стихии, и в итоге, задача коррекции трендов должна ставиться и решаться также и здесь.

Вплотную примыкают сюда виртуальные феномены в практиках так называемого актуального искусства, новейшей формации пластических искусств. Эти практики очень разнородны, но можно в них выделить один большой класс, в котором практики выстраиваются под знаком *тотальности*. В разных сферах искусства возникает одно и то же, один базовый импульс: устремление к тотальности, под которой понимается предельный,

всеобъемлющий и всепоглощающий творческий акт. Многочисленные примеры можно найти в акционизме, в театре – там, где театр продолжает линию Арто и Гротовского (в системе Гротовского цель театральной практики обозначается как «тотальный акт»). Сегодня в России есть направление актуального искусства «Тотарт», театральное направление ТОТ и др. Если разобрать осуществляемые здесь опыты тотальности, то мы неизбежно обнаружим в них выход в виртуальную реальность, ибо тотальный творческий акт – задание абсолютное и недостижимое, художественные же практики производят лишь его инсценировки разного рода, т.е. недоактуализованные версии, виртуализации. Можно сказать в свете этого, что практики актуального искусства – это практики виртуальной тотальности; и можно заметить, пожалуй, что само название «актуальное искусство» выражает порождающий конфликт, если хотите, первородный грех этой формации: художник жаждет актуальности, но может творить лишь виртуализации.

Последний класс практик и трендов, который мы рассмотрим, относится к политической реальности, соответствующей Виртуальному Человеку. По отношению к социополитическим трендам схематическое решение задачи управления представляет вышеописанная «матрица Ленина». Мы попробуем наметить ее репрезентацию в сфере виртуальных практик. Для этой цели надо прежде всего рассмотреть, в чем же выражается виртуализация социополитической реальности. Как проявляются специфические особенности Виртуального Человека в политической сфере? Для ответа стоит сначала пристальней рассмотреть сам способ существования Виртуального Человека. Как выше уже отмечено, это существование отнюдь не протекает всецело в виртуальной реальности. *Виртуальный Человек – амфибия*, его существование разделяется между виртуальной и актуальной реальностью, но при этом, по самому определению, его конституция виртуальна, его базовые антропологические и личностные структуры виртуализованы. Это означает, что некоторые базовые элементы основоустройства человека остаются недоактуализованы и отсутствуют; а за счет их отсутствия, заведомо нарушаются свойства взаимосвязанности, единства и полноты этого основоустройства в

¹ Он же. Человек: сущее, трояко размыкающее себя // Он же. Очерки синергийной антропологии. М., 2005. С.43–44.

целом, а равно и основоустройства сознания и разума. Сознание и разум Виртуального Человека не усваивают и тем паче не создают никакой единой связной системы представлений, «картины мира», вместо этого они содержат набор отдельных несвязных блоков.

Отсюда уже раскрываются и свойства политической реальности, которую выстраивает Виртуальный Человек. Актуальная политическая реальность выстраивается и структурируется соответственно спектру политических позиций, которые в свою очередь определяются убеждениями; при этом, зрелая, прочная позиция возникает на базе *цельной системы убеждений*, которые порождают у человека состояние полной и твердой *убежденности*. Однако у Виртуального Человека нет и не может быть такой системы, а равно не может быть совершенной убежденности. *Виртуальный Человек, вообще говоря, ни в чем окончательно не убежден и не испытывает никакой в том необходимости*. Заметим, что две части этого утверждения выражают две разные ступени виртуализации: первая часть говорит об отсутствии убежденности и системы убеждений, тогда как вторая – об отсутствии, кроме того, также и стремления к обладанию ими. Последнее можно считать своего рода «критерием достаточной виртуальности»: оно характеризует такое состояние антропологической реальности, в котором чуждые виртуальности предикаты внутренней связности и законченности, единства и полноты отсутствуют не только в качестве данности, но и в качестве задания, установки, ориентира для человека. Иначе говоря, они полностью исчезают из горизонта сознания и опыта, человек их не имеет и не стремится иметь, ибо уже не представляет, что это такое. С вступлением в Виртуальную топику, в период доминантности Виртуального Человека, приходит конец «эпохи убеждений».

Уход «эпохи убеждений» влечет глубокие изменения в фактуре социополитической реальности. Политическое поведение человека, его реакции и стратегии действия в этой реальности прежде определялись именно убеждениями, на их основе. Чем же они определяются у Виртуального Человека? Для ответа следует уточнить, что Виртуальный Человек утрачивает не столько убеждения как таковые, как некоторые утверждения о реальности в

их конкретных содержаниях (любое отдельное «убеждение» может и сохраниться), сколько сферу убеждений с ее специфической организацией (связность, систематичность, полнота), обеспечивающей твердость, незыблемость всех ее элементов, и в ее специфических функциях (формирование социально-политических установок и стратегий). У него остаются разрозненные обрывки убеждений, которые легко теряются, заменяются другими и уже не формируют полностью всю сферу социополитического поведения, стратегий и установок. Поэтому помимо убеждений в формировании этой сферы начинают участвовать самые разные факторы, в том числе случайные: субъективные предпочтения, склонности, слабости, сторонние влияния и воздействия...

3. При внешней необычности такой социополитической реальности, в ней, как то и следует из наших дефиниций виртуальности, не создается никаких принципиально новых форм, и цели управления, которые здесь преследуются, также не являются новыми: в радикальном, ленинском варианте, это смена государственного строя, затем смена правления, победа на выборах, успех политической или общественной кампании и т.п. Однако осуществление управления становится совершенно иным – все три плана «матрицы Ленина» кардинально меняются.

Концептуальный план не требует, очевидно, изменений в своей природе – он по-прежнему должен предоставлять теоретический фонд, арсенал идей и понятий для решения проблемы. Но в своем содержании он должен измениться радикально. В социополитической реальности, ставшей не только постиндустриальной, но и виртуализованной, марксизм-ленинизм не может уже указать никаких ориентиров ни для выбора социальных групп, осуществляющих *Операционный план*, ни для наполнения *Плана оснащения*. От прежнего концептуального плана могут сохраниться разве что некоторые структурные и организационно-технологические элементы, и это значит – скорее Ленин, чем Маркс. Эту сохраняющуюся в известной мере актуальность Ленина пронизательно уловил Жижек и вероятно, разработки Жижека, продолжающие старое направление фрейдомарксизма в обновленном русле виртуализованного

лаканоленинизма, могут быть использованы для построения Концептуального плана виртуализованной матрицы Ленина. Аналогично, этот план мог бы включить в себя элементы представленной Слотердайком аналитики социополитической реальности в призме цинического разума, а также и элементы шизоанализа Делеза и Гаттари.

Но главное внимание мы сейчас уделим Плану оснащения, в котором сосредоточены самые существенные и характерные особенности виртуальной политической сферы. В актуальной социополитической реальности План оснащения занимала идеология. Необходимо оговорить, что в контексте задачи управления понятие идеологии естественно видеть упрощенно, по-ленински (а не по Мангейму или другим философски фундированным трактовкам). В этом контексте идеология – это некоторый теоретический фонд, приведенный в функциональную и орудийную форму полного комплекта «идейного вооружения», в форму инструментария, достаточного для целенаправленных действий в социополитической реальности. Условие полноты и достаточности существенно: без него теория, препарированная для применения в политическом действии, – это лишь фрагменты идеологии. Такой полный комплект – это полная система убеждений, включающая не только теоретические воззрения, но также оценки и установки для поведения и действия в социополитической реальности; иными словами, идеология соединяет в себе мировоззрение («картину мира») и этику, схематизированные и прагматизированные, но обладающие хотя бы внешней логической полнотой.

Переходя к виртуальной реальности, мы сразу обнаруживаем кардинально иную ситуацию. Виртуальный Человек не имеет и не может иметь полной системы убеждений, а стало быть, и идеологии. Ergo, эпоха его доминантности, **Виртуальная топика, есть конец как «эпохи убеждений», так и «эпохи идеологии»**. Соответственно, оснащение, входящее в состав матрицы управления виртуальной политической реальностью, не может быть идеологией, и мы должны найти, какую новую форму оно принимает здесь.

Выше мы указали бегло, что у Виртуального Человека его стратегии социополитического поведения и действия определяются, во-первых, разроз-

ненными фрагментами убеждений, а во-вторых, коллекцией самых гетерогенных, порой неожиданных и случайных факторов. Здесь – виртуализованная антропосоциальная реальность и социополитическая среда, которой чужды принципы единства и единой организации, целостности и связности, а вместо этого присущи свойства фрагментированности, размытости, недоопределенности, бессвязности. Воздействие на подобную реальность и среду не может уже осуществляться посредством идеологии, ибо среда эта рассыпается, она невосприимчива ни к какой цельной системе. И на место идеологии постепенно возникает, вырабатывается ансамбль крайне разных, разнохарактерных и если угодно, разношерстных практик, для которого естественно принять напрашивающееся название **пост-идеологии**. Пост-идеология уже не ставит своей задачей формирование убежденности на базе полной системы убеждений. Одно из ее главных отличий – ее общее строение, фактура: в противоположность классической, или ленинской идеологии, пост-идеология – никак не система, а лишь бесструктурный комплекс разрозненных элементов, лишенных, вообще говоря, логических, причинно-следственных и любых прочих связей.

Основной и типичный вид этих элементов – различные **политтехнологии**. Данный термин мы будем употреблять как широкое собирательное понятие, объемлющее и старые и новейшие методики, техники, приемы достижения заданного политического эффекта. Стоит отметить, что в сегодняшнем узусе термин приобрел специфический оттенок: под политтехнологиями понимают прежде всего стратегии манипуляций и скрытых действий, противопоставляемые «честной игре» (fair play) в политике, открытым стратегиям, практикующим прямое объявление искомых целей и прямое отстаивание соответствующих позиций. Но тут надо учесть, однако, что отход от открытых стратегий старого образца может быть связан еще и с тем, что в виртуальной реальности они делаются в известной степени невозможны. Фрагментарная и недоактуализованная природа виртуальной социополитической реальности придает специфический характер и тем целям, что могут ставиться по отношению к такой реальности, и тем средствам, что могут применяться для достижения

этих целей: вследствие виртуализации, нельзя точно и окончательно сформулировать ни эти цели, ни эти средства. Это непосредственно связано с тем, что в виртуальной реальности возникает новая постановка проблемы истины, имплицитная так называемая «открытая эпистемология». Здесь требуется новая когнитивная парадигма, еще далеко не разработанная, и к этим вопросам мы еще вернемся ниже.

Разумеется, конкретное содержание пост-идеологии как виртуализованного оснащения, конкретный репертуар применяемых политтехнологий определяются применительно к конкретным задачам управления, возникающим в виртуализованной политической реальности. Поскольку в виртуальной реальности не создается принципиально новых форм, то эти задачи также не являются новыми: задачи управления антропосоциальными трендами здесь ставятся в тех же основных ситуациях – прежде всего, в целях смены правления, революционной или мирной, а также ради успеха политической или общественной кампании, победы на выборах и т.п. Социальные ситуации и ставимые задачи еще достаточно традиционны, однако оснащение выстраивается уже совсем другое и по-другому.

На место прямых техник убеждения, укорененных в древнейших искусствах аргументации, полемике и риторики, приходят всевозможные техники косвенного провоцирования нужной реакции и нужной позиции. В них пускаются в ход самые разные воздействия, явные и скрытые – воздействия не только (а зачастую и не столько) на разум человека, но и на его эмоции, а иногда и перцепции. Этот перенос акцента с убеждения на воздействие, на вызов нужной реакции, влечет огромное повышение роли телевидения: оказывая воздействие сразу на оба главных канала восприятия, зрение и слух, ТВ являет собой самое эффективное средство воздействия из всех видов массмедиа. Далее, в пост-идеологическом оснащении гораздо более крупную роль играют голословные декларации, слоганы, реклама, пиар, в том числе черный пиар, разнообразные средства психологии, типа нейролингвистического программирования (НЛП), неожиданные и нестандартные акции. *Элементы виртуального оснащения – это сингулярные провоцирующие воздействия любой*

природы. По своему характеру, они дискретные и точечные, не длящиеся и долгосрочные, а единовременные и ситуативные. Виртуальные политтехнологии структурируют виртуализованную реальность так, как ей это адекватно, – на ситуации, они работают с ситуациями и организуют в ситуациях нужные точечные события.

Как характерный пример, довольно новый и довольно успешный, можно привести прием виртуальных встреч в киберпространстве между лидером (например, лидером выборной кампании) и массовой виртуальной аудиторией, актуально рассеянной на любых расстояниях. Также на интернет-технологиях основан сыгравший огромную роль в «цветных революциях» прием сетевой организации политических акций. Участники таких акций не состоят совместно ни в каких актуальных объединениях, больше того, они даже не являются, вообще говоря, единомышленниками: в отличие от участников прежних митингов и демонстраций; их связывает исключительно виртуальное, недоактуализованное согласие и близость в пределах одного события. Весьма родственной техникой являются и флэшмобы различных видов, в первую очередь, политмобы. Многие виды флэшмобов относятся уже к разряду перформансов и художественных, скорее чем политических акций; в реальности виртуальной реальности не существует четкой границы между политическими и художественными практиками.

Надо также учесть, что во всех таких акциях есть те, кто был вовлечен в их организацию, порой и очень активно, однако не появился на самой акции. Они составляют группу недоактуализовавшихся, т.е. виртуальных участников акции. Таким образом, сообщества участников акций в виртуальной политической реальности – это своего рода мерцающие сообщества, которые собираются внезапно, вскоре же рассыпаются и включают в себя как актуальных, так и виртуальных участников. (Можно здесь вспомнить понятие «эфмериды», введенное еще в 20х годах Л.П.Карсавиным для подобных эфемерных объединений.) *В виртуальной социополитической реальности происходит виртуализация сообщества.* Здесь нужно вспомнить, что в практиках киберпогружения, киберобитания, киберобщения также возникают виртуальные сообщества. Это – другой способ виртуали-

зации сообщества и другой тип виртуальных сообществ, так что встают задачи сравнительного изучения этих типов. Сюда сразу добавляется и задача выявления других аналогичных типов, а также вопросы о том, какую роль играет феномен виртуализации сообщества в большом современном тренде фрагментации и плюрализации социума. Так по частям очерчивается проблемное поле виртуальной социальной философии, которой пока нет, но которую необходимо развивать.

4. Из сказанного уже ярко выступает огромное различие между новым виртуализованным оснащением и прежней идеологией, которую внедряет революционная партия, строго при этом охраняя ее «чистоту». Еще одна важная грань этого различия обнаруживается при обращении к сфере масс-медиа и медийных технологий. Разумеется, медийные технологии с необходимостью входят в среднее звено «матрицы Ленина» как в ее актуальной репрезентации, так и в виртуальной; значение «партийной литературы» усиленно подчеркивал сам Ленин. Однако механизмы этих технологий, их способы функционирования и сама их природа изменяются в корне. По терминологии Лумана, у различных разделов медиа (новости, комментарии, развлечения, реклама и др.) складываются «структурные сопряжения» с определенными сферами социальной реальности (политика, экономика, досуг и др.). В случае актуального оснащения, в такие сопряжения с его сферой могла входить лишь строго отобранная часть медиа – «партийная печать», агитационные материалы и в некой мере чисто информационные, новостные разделы. Но у виртуального оснащения «структурные сопряжения» могут сложиться с любыми разделами медиа, ибо любое их содержание, вообще говоря, способно неожиданно сыграть стимулирующую или провоцирующую роль в создании точечного виртуального события, входящего в контекст, скажем, выборной кампании или «цветной революции».

Этот механизм виртуальных структурных сопряжений имеет интересные и существенные эпистемологические аспекты. При выходе в виртуальную реальность радикально меняется эпистемологическая ситуация и соответственно, должна измениться когнитивная парадигма. Эта перемена видна наглядно и на рассматриваемом примере

оснащения, его медийных слагаемых. В составе актуальной репрезентации матрицы Ленина эти слагаемые служили воспитательным целям и должны были восприниматься как источник достоверной истины. Содержания концептуального плана матрицы предполагались «научно доказанными» и, стало быть, в обращении с ними предполагалась действующая (хотя бы формально предполагалась) парадигма научного познания, которое с помощью известных гносеологических процедур достигает достоверных результатов. Но в случае виртуального оснащения никакой презумпции достоверности по отношению к любым слагаемым этого оснащения не принимается, и больше того, не принимается и презумпции достижимости достоверности. В силу фундаментального предиката недоактуализованности, *по отношению к виртуальной реальности отбрасывается само понятие полной достоверности, а с ним, следовательно, и понятие достоверной (безусловной, аподиктической) истины.* Тем самым, снимаются и все вопросы, вся проблематика критериев истины и достоверности. Это и есть новая эпистемологическая ситуация – ситуация виртуализации истины, которую иногда также называют ситуацией «открытой эпистемологии».

Конечно, виртуализация истины – большое событие для философского дискурса, влекущее импликации в самых разных направлениях. В связи с нашей темой о политических практиках мы сразу отметим наиболее общее следствие: такая виртуализация должна неизбежно приводить к изменению, трансформации понимания самой политики как таковой. Основоюстройство сферы политики базируется на презумпции существования «истины для всех», всеобщей и универсальной истины. Поэтому виртуализация истины ведет к необходимости переосмысления, пересмотра всех фундаментальных концептов этой сферы, что в свою очередь ведет к их отбрасыванию или же трансформации, релятивизации, плюрализации и т.п. И этот переход к новому основоюстройству политики, имплицитный виртуализацией истины, – очевидно, не что иное как *виртуализация политики.* С другой стороны, в современной политической философии весьма часто утверждается, что новая политическая реальность наших дней соответствует некоторой новой формации политики,

которую именуют *пост-политикой*. Это понятие, которое можно найти у Рансьера, Жижека и др., пока не имеет отчетливой дефиниции и основательной разработки, но главные свойства, приписываемые новой формации, вполне определенно сближают ее с виртуализацией политики и виртуализацией истины. Так, Жижек пишет: «Постполитическая логика... последовательно устраняет измерение всеобщности/универсальности, проявляющееся в политизации в собственном смысле слова»¹. В итоге, мы получаем выводы: виртуализация истины закономерно порождает виртуализацию политики, и эта виртуализация политики может быть сближена, если не отождествлена с бытующим понятием постполитики (как виртуализация идеологии – с пост-идеологией).

Далее, для новой ситуации необходимо сформулировать и новую когнитивную парадигму, определяющую, как строится и к какой цели направляется процесс познания. Конечно, ситуация «открытой эпистемологии» уже замечалась и изучалась в философии, в частности, у Делеза и Гаттари, Лумана и др. К нашей теме управления политической реальностью наиболее близок анализ Лумана. У Лумана, как и у целого ряда авторов, не употребляется понятий виртуальности и виртуальной реальности, но тем не менее рассматриваются феномены и практики с существенными чертами виртуализации, причем специфические черты и особенности виртуальных систем выражаются посредством дискурса наблюдения и наблюдателя. Здесь выясняется принципиальное обстоятельство: эпистемологическая ситуация, отвечающая эффектам виртуализации и «открытой эпистемологии», реализуется в системах с присутствием наблюдателей и с некоторой усложненной, многоуровневой конфигурацией наблюдения. В самом деле, установки познания и наблюдения взаимно близки, коррелятивны; и Луман изучает ситуацию указанного типа, описывая в терминах наблюдения деятельность массмедиа. Подобный подход к деятельности медиа оказался продуктивным и был в дальнейшем развит так называемой конструктивистской теорией массмедиа и других коммуникаций.

Исходный тезис, своего рода «большая посылка» подхода Лумана такова: «деятельность массмедиа рассматривается ... как последовательность наблюдений или точнее, как последовательность наблюдающих операций»². Луман констатирует, что такой взгляд на массмедиа возникает тогда, когда мы, в свою очередь, наблюдаем их; иными словами, «для такого понимания массмедиа... следует занять позицию наблюдателя второго порядка, т.е. наблюдателя наблюдателей»³. Реальность массмедиа – это реальность наблюдения второго порядка⁴. Это умножение уровней наблюдения эпистемологически существенно. Если для нас доступно лишь наблюдение наблюдателя, то реальность массмедиа – это всего лишь то, что «для нее [для этой реальности – С.Х.] или *благодаря ей для других* выглядит как реальность»⁵. От этого важного вывода идут концептуальные нити в двух направлениях. С одной стороны, в дискурсе классической эпистемологии, как замечает Луман, вывод означает, что «если использовать кантовскую терминологию, массмедиа производят трансцендентальную иллюзию»⁶. С другой стороны, в дискурсе виртуальности мы можем заключить, что реальность массмедиа есть род виртуальной реальности (ибо то, что лишь «выглядит как реальность», является, тем самым, лишь частично актуализованным). Иными словами, изученное Луманом превращение массмедиа в автономную аутопойетическую систему со специфической реальностью, конституируемой «наблюдением второго порядка», может интерпретироваться как виртуализация массмедиа.

В качестве дополнительного небесполезного вывода мы получаем, что понятие виртуальности может быть сближено с кантовским понятием трансцендентальной иллюзии. Под этим углом зрения никогда еще не смотрели на виртуальность, и такая подсказка Лумана заслуживает дальнейшего анализа. Напомним, что суть трансцендентальной иллюзии, по Канту, следующая: «Субъективная необходимость соединения наших понятий в пользу рассудка принимается нами за

¹ С.Жижек. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014. С.275.

² Н.Луман. Реальность массмедиа. М., 2012. С.14.

³ Там же.

⁴ Там же. С.147.

⁵ Там же. С.13. (Курсив автора).

⁶ Там же.

объективную необходимость определения вещей в себе. Этой иллюзии никак нельзя избежать»¹. И вот главная черта таковой иллюзии, или видимости, отличающая ее от простой логической видимости (которую имеют ложные логические выводы): «Трансцендентальная же видимость не прекращается даже и в том случае, если мы уже вскрыли ее и ясно увидели ее ничтожность с помощью трансцендентальной критики»². Упрощая, можно сказать, что в силу трансцендентальной иллюзии субъективное воспринимается нами как объективное. И в этом эффекте есть, действительно, нечто общее с предикатом недоактуализованности, виртуальности: виртуальное нами воспринимается так же как обычное актуальное, мы принимаем виртуальные явления за актуальные, и это их восприятие не прекращается, даже если наш рассудок знает об их виртуальности. И можно заключить, что как в массмедиа (в трактовке Лумана), так и в виртуальных феноменах (в трактовке синергийной антропологии) в самом деле обнаруживается присутствие трансцендентальной иллюзии.

Обнаруженное сходство между виртуальной антропосоциальной реальностью и лумановской наблюдающей/наблюдаемой системой позволяет сделать некоторые косвенные выводы о характере субъектности в формации Виртуального Человека. Как известно, система Лумана специально предназначалась быть предельно десубъективированным способом дескрипции. Как резюмировал Хабермас, Луман совершает «переход от субъекта к системе», и в этом переходе им руководит «желание подменить, не снижая уровня рефлексии, понятие системы, как оно разработано в кибернетическом и биологическом контексте, понятие субъекта сознания, развитое в философии от Декарта до Канта»³. Разумеется, в европейской мысли издавна было немало физикалистских и системных попыток дескрипции и общества, и человека. Но Хабермас недаром подчеркивает, что переход Лумана «не снижает уровня рефлексии», здесь вовсе нет привычного, как сегодня скажут, безбашенного, или отмороженного сциентистского редукционизма. У Лумана системный дискурс

вбирает определяющие черты реальности сознания, в нем присутствует не только рефлексивность (которую всегда стараются сохранить), но и нечто, что именуется «самость». Но в мою тему отнюдь не входит анализ тех ослабленных и обобщенных модальностей субъектности, какие можно идентифицировать (в форме структурных аналогий) в Лумановой системе. Цель моего замечания в другом: в силу найденного нами эпистемологического параллелизма между системами Лумана и виртуальной антропосоциальной реальностью, мы можем предполагать, что виртуальная реальность обладает сходными модальностями субъектности. Анализ этих модальностей мог бы вестись в двух дискурсах параллельно, что послужило бы их взаимному обогащению.

Помимо различных политтехнологий, помимо медиа, можно было бы указать и еще немало разнообразных слагаемых, которые могут входить в План оснащения виртуальной матрицы Ленина. Поскольку эти слагаемые уже не должны быть элементами единой идеологии, но представляют собой сингулярные провоцирующие воздействия любой природы, не только интеллектуальной, но и психологической, и чувственной, то круг их потенциально неограничен и все их множество не сводимо ни к какому одному знаменателю. Для нашей общей дескрипции Плана оснащения нет нужды расширять число конкретных примеров.

5. Можно согласиться, что взятая нами тема о матрице управления виртуальными антропотрендами является достаточно узкой. Однако философская дескрипция Виртуального Человека и его практик сегодня развита еще настолько мало, что обсуждение этой узкой темы дало нам случай осветить целый ряд общих ранее не затрагивавшихся свойств виртуальной реальности, как антропологической, так и социальной. Мы убедились, что те новейшие феномены, которые сегодня выходят на авансцену, не строго, а скорее условно обозначаясь разными терминами с приставкой пост- (пост-современность, пост-политика, пост-идеология и т.п.) – что все они прямо связаны с идущим и неуклонным нарастанием явлений и процессов виртуализации. В ряду этих процессов есть и такие значимые как виртуализация массмедиа, и такие всеохватные как виртуализация

¹ И. Кант. Критика чистого разума // Он же. Собр. соч. в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С.339.

² Там же. С.338-339.

³ Ю.Хабермас. Философский дискурс о модерне. М.. 2008. С.376.

общения и сообщества, и такие глубокие как виртуализация истины. Налицо широкий и мощный тренд всесторонней виртуализации, в рамках которого находят себе место и все названные «пост-феномены». Поэтому дискурс «пост-феноменов», который сегодня еще остается в немалой мере дискурсом условных обозначений, может получать содержательную и конструктивную разработку на базе концепций виртуальности и виртуализации. Но этот путь до сих пор почти не был использован и востребован – как я полагаю, оттого что дискурс виртуальности был сам лишь плохо и недостаточно философски фундирован.

Исторически, изучение виртуальной реальности развивалось не лучшим образом. Здесь был период повышенного интереса к теме, с чертами научной моды. Он породил мутный поток текстов, которые доходили до карикатуры на науку, как, скажем, исследования «психологии ангелов», и хотя длился он не так долго, однако вполне успел скомпрометировать всю тематику. В итоге, серьезная работа с виртуальностью ведется сейчас почти исключительно в рамках когнитивной науки,

которая следует в русле собственного специфического подхода, имеющего ограничения и предвзятости. Главным образом здесь изучается компьютерная виртуальная реальность, так называемый «интерфейс мозг-машина», киборгизация и т.п. Но здесь не развито ни общей философской постановки проблемы виртуальности, ни общего понимания того, что такое антропологическая, психологическая, социальная виртуальная реальность.

В итоге, актуальным для философии сегодня является, на мой взгляд, возврат к проблеме философского фундирования дискурса виртуальности и виртуализации. Определенные возможности для этого предоставляет подход синергийной антропологии, где есть концепция Виртуального Человека, основанная на некоторой весьма общей трактовке виртуальности. Пройдя необходимый апгрейдинг, обновленный дискурс виртуальности сможет стать одним из самых перспективных путей к пониманию радикально меняющейся реальности современного общества и человека.

«Православное целительство» отца Вадима в контексте религиозной антропологии

Абсалямова П. В. — религиовед, магистрант РГГУ, Москва, Россия

Религия, как мировоззренческая основа жизни общества, проявляется во всех сферах его жизни. И даже такая, казалось бы, далекая от религии область, как медицина, не лишена влияния мировоззренческих компонентов.

Обширный комплекс альтернативных классической советской медицине врачебных услуг был предложен россиянам в «перестроечную эпоху». В их числе, так называемое, «православное целительство», - явление, которое активно заявляет о себе на современном рынке медицинских услуг.

Круг авторов (отец Вадим, матушка Фотиния, сестра Стефания и др.), позиционирующих себя как представители православного духовенства, предлагают читателям «православные средства врачевания»: иконы, святую воду, святые источники. Объектом настоящего исследования является творчество одного из них – о. Вадима (Синичкина). Автор, заявленный как православный священник, предлагает читателю разнообразные методы лечения с помощью православных молитв, святых источников, святой воды и других атрибутов православия. Обращение «отец» является указанием на причастность православной церкви, более того, священному сану, в то время как методы лечения содержат магические компоненты: заговоры, заклинания и тому подобное. То есть данные работы, по существу, – синтез православия и народной медицины. Итак, и православие, и народная медицина действуют в рамках религи-

озного мировоззрения. Казалось бы, между ними нет противоречий.

Однако, в силу определенных факторов, большинство представителей православной церкви все же в разное время акцентировали внимание на несовместимости данных мировоззренческих установок. Прежде всего, это критика методов знахарства и, самое главное, основания этих методов – религиозной составляющей. «Если человек делает травяные сборы и этим ограничивается, здесь ничего плохого вообще нет. Но если он начинает шептать, наговаривать, т.е. ведет некую духовную работу, – значит, он связан с духами. А так как он ее ведет в противодействии Церкви – значит, это духи зла. Здесь очень четкая граница. Иоанн Златоуст говорит, что даже если чародеи будут имена мучеников произносить, молитвы читать, – все равно беги от тех, кто пользуется "благотворными" бесами»¹.

Существует ряд очевидных причин, по которым православие не признает народных целителей. Во-первых, как сказано в интервью Даниила Сысоева, – они «осуществляют духовную работу» без нужной на то квалификации, что свидетельствует о гордыне. Кроме того, народные целители используют православные атрибуты: иконы, молитвы, святую воду, как средства исцеления. С точки зрения церкви, такие методы являются

¹ Священник Даниил Сысоев. Природа целительства: Православие и мир.// Фома. Вып. 4, 2005.

«кошунством», поскольку религиозные предметы имеют символический, сакральный характер и не должны использоваться нигде, кроме церкви или допущенных ею обрядах. Однако представляется, что различия между православием и народной медициной кроются глубже и состоят не только во внешних проявлениях, но в мировоззренческой основе.

Мировоззренческая основа медицины может быть связана с любой областью религии: эсхатологией, демонологией, космологией. Однако, как методы лечения, так и, собственно, отношение к болезни будут строиться исходя из понимания «состава» человека, функционирования его «частей», его места в мире и пр. А данный аспект рассматривается в рамках религиозной антропологии.

Итак, религиозная антропология содержит в себе совокупность представлений о составе человека, о том, какое место он занимает в мире. Совокупность достаточно широкого спектра народных верований также имеет определенный набор общих признаков. Прежде всего, для антропологии языческой характерно восприятие человека как микрокосма по отношению к макрокосму (которым выступает Космос, Вселенная или природа). Не только органы человеческого тела, но психические состояния, возраст соотносятся с явлениями природы. Например, Н.А. Михайлов в своей статье в сборнике «Миф в культуре. Человек-не-человек» пишет: «...Общеизвестно, что на типологическом уровне создание Человека идентично космогоническому акту, а его смерть является как бы «мини-вариантом» эсхатологии...»¹. С макрокосмом человек находится в постоянном взаимодействии и взаимозависимости. В большей степени он, конечно, зависим от движений природы, однако способен на нее и воздействовать. Претерпевшая влияние христианства народная антропология восприняла, кроме того, понятие души, однако трансформировала его под языческую картину мира. Душа, воспринимаемая как живая субстанция и, опять же, отождествляемая с Космосом, является неким подобием органа: «...душа в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жиз-

нью человека...»². Как правило, она локализована в теле (в основном, в сердце или грудной области), может перемещаться в нем, а также «болеть», «петь» и пр.

Если говорить о языческой антропологии болезни, прежде всего, стоит обратиться к понятию целостности, от которого и происходит глагол «целити», то есть «исцелять». В рамках народной антропологии это понятие может быть приравнено к понятию здоровья. Ключевое понятие мировоззрения, языка и большинства ритуальных действий, здоровье воспринимается, во-первых, как целостное и правильное функционирование организма, а во-вторых – как необходимое условие для существования человека в гармонии с природой и социумом. Так, «...в праславянском **szdorvъ* на этимологическом уровне восстанавливаются следующие значения: 'сильный, крепкий, здоровый'...»³. Здоровье в народном мировоззрении – гарант дееспособности, социальной активности, способности к воспроизводству. Именно поэтому большинство календарных обрядов ключевой целью имеют сохранение здоровья или исцеление.

Если здоровье воспринимается как основное и необходимое благо, то болезнь, напротив, – всегда злое, инородное и исключительно негативное явление. Она лишает человека возможности полноценной жизни. Неслучайно в народных представлениях болезни приписывается демоническая природа: она не просто злая, но живая и имеет свой характер, предпочтения и место жительства. С болезнью можно вступить в контакт – прогнать, обмануть: «...2 января Мороз или Зима выгоняют лихорадки из ада и они ищут себе пристанища по теплым избам. Чтобы преградить вход в дом незванным гостям, утром этого дня омывают наговорной водой притолоки у дверей...»⁴. Строго говоря, для народных представлений в отношении исцеления характерна установка «все средства хороши». Знахарь, как представитель народной медицины, может использовать магические формулы наряду с, например, траволечением и православными атрибутами (молитвами, крестом, иконами и пр.).

¹ Михайлов, Н.А. «Антропология» русского заговорного универсума. // Миф в культуре. Человек-не-человек. М., 2000. С.113.

² Шмелев, А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 137.

³ Усачева, В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – с. 248-249.

⁴ Усачева, В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – с. 250.

Обращение к христианской антропологии (здесь и далее подразумевается раннехристианская антропология, которой православная церковь придерживается до сих пор) позволяет также выделить ряд ее особенностей. Первое и важнейшее положение состоит в соотношении человека и природы. Согласно христианскому учению, человек создан Богом по образу и подобию Божьему. В книге Бытия также содержится упоминание о появлении света перед созданием человека, что отличает его от остальных существ и возвышает над материальным миром. Человек, согласно христианскому учению, имея тварную природу, сотворен по образу и подобию Бога: «...поскольку небо и земля совершенно противоположны друг другу по противоположности их действий, то тварь, занимающая середину между противоположными, занимаясь Частью от прилежащего, посредствует собою между крайностями, так что явным делается через эту среду взаимное соприкосновение противоположностей»¹. Сотворение человека Богом после всего остального мира также является важной особенностью: «...человек - великая эта и досточестная тварь - не обитал еще в мире существ, потому что неестественно было начальнику явиться прежде подначальных, но после того, как уготовано сперва владение, следовало показывать и царя»². То есть, наряду с единством человека и природы в их тварности, в христианской антропологии человек воспринимается как самостоятельное существо, принципиально отличное от всего тварного мира и являющееся в нем высшим существом.

Представления о взаимодействии души и тела также принципиально отличаются от языческих. При безусловном признании Отцами единства души и тела, они предпринимают их условное разделение, поскольку у этих двух составляющих человека различны происхождение и функции. И тело, и душа сотворены, но душа имеет нематериальную природу и может существовать независимо от тела. Посему душа выступает как регулятор всех действий человека. Структура души включает 3 части: растительную, животную душу и, наиболее важную и отличающую человека от других существ, часть, – ум или дух. Именно дух отвечает

за богообщение, обожение человека. Ум сотворен, но богоподобен и бессмертен по благодати. Поэтому он способен, наполняя и одухотворяя все части души и тела, способствовать достижению человеком уподобления Богу. Резюмируя, можно сказать, что, несмотря на акцент единства души и тела, душа в христианской антропологии имеет все же первоочередное значение. Тело – вторично и во всем подчиняется ей. Что касается локализации души, в теле нет той части, где ее бы не было. Категория ума (духа) выделяется как компонент души, отвечающий непосредственно за самоконтроль человека и богообщение. Из представлений о богоподобии человека исходит и главная цель пути христианина – обожение.

В христианской антропологии болезнь рассматривается, прежде всего, как нравственная категория. Это означает, что отцы Церкви стремятся более к поиску ответа на вопрос не «почему», а «для чего» человек болеет, и какой это имеет для него смысл на пути нравственного совершенствования. Болезнь создана Богом и существует с его попущения, а поскольку Бог – всеблаготворителем, то болезнь, как инструмент исправления желания человека, его образа жизни есть благо. Кроме того, если понимать здоровье как полное отсутствие патологий и иммунитет ко всем существующим болезням, абсолютно здоровых людей вообще не существует.

Происхождение болезни может быть как соматическим, так и демоническим. Однако, в конечном итоге, причина любого недуга – грех: «...за грехи болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются...»³. Грех здесь воспринимается не только как нарушение заповедей конкретным человеком, но и в широком смысле – как первородный грех. Болезнь в христианстве воспринимается как элемент обожения (то есть единения человека с Богом): ведь именно она позволяет человеку осознать тленность собственного тела и необходимость исправления своих желаний и образа жизни. Поэтому для праведников также характерно восприятие болезни как награды: «...Я желаю страдать, но не знаю, но не знаю, достоин ли...»⁴. Кроме того, болезнь может быть испытанием смирения. Примером здесь служит ветхозавет-

¹ Григорий Нисский, св. Об устройении человека. / Пер., послесл. и примеч. В.М. Лурье. СПб.: Аxioma, 2000. с. 5

² Григорий Нисский, св. Об устройении человека. / Пер., послесл. и примеч. В.М. Лурье. СПб.: Аxioma, 2000. с. 7.

³ Иоанн Златоуст. О покаянии Беседа 7. 6 (т.2, кн.1).

⁴ Игнатий Антиохийский. Послание к траллийцам. 4.

ный Иов: «...неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?...»¹

Что касается методов врачевания, конечно, они различаются в зависимости от происхождения болезни. Так, если соматические причины требуют вмешательства традиционной медицины, болезни бесовского происхождения требуют особой «квалификации» врачевателя, прежде всего, – глубокой веры. Вообще, вера является первым и главнейшим условием для исцеления человека. Без нее любые средства врачевания, как считают святые отцы, бессмысленны или кратковременны. Помимо веры, для исцеления болезней важны молитва, пост и церковные таинства, прежде всего, покаяние. Первое звено исцеления – душа. Исцеление тела, но пренебрежение душой, произведет лишь видимый эффект, а возможно и вред. Таким образом, признавая необходимость лечения традиционными средствами (под ними здесь понимается современная человеку медицина, не касающаяся его души), христианство, прежде всего, воспринимает болезнь как возможность исправления, совершенствования человека для достижения главной цели – обожения.

Вышеизложенные основные особенности языческой и христианской антропологии болезни дают нам возможность анализа в их контексте «православного целительства» о. Вадима Синичкина. Как уже было сказано, в его работах присутствует сочетание православной терминологии, молитв, икон и различных средств народной медицины. «Часто знания врачей оказываются бессильными у одра болящего. Существует много болезней, над которыми ломают головы самые знаменитые доктора. Что же делать, когда врачи не в силах помочь больному? В этом случае необходимо прибегнуть к сверхъестественным средствам врачевания. Сверхъестественные средства врачевания – это чудотворные иконы, святые мощи, святая вода, святой елей, артос, сила имени Христова и множество других святынь, через которые обильно изливается благодать Божия, дарующая все болящим, скорбящим и молящимся исцеление»².

Существует ряд спорных моментов, которые, на наш взгляд, при детальном рассмотрении вызывают вопросы о принадлежности о. Вадима к

православной церкви. Не считая внешних признаков: отсутствия благословения Издательским советом Русской Православной Церкви, отсутствия биографии «священника», сведений о месте его служения, на наш взгляд, главные различия кроются именно в религиозно-антропологическом основании учения о. Вадима.

Примечательно, что взгляд на происхождение болезни в творчестве о. Вадима вполне созвучен с христианской антропологией: «Болезнь, а тем более серьезная, всегда говорит о том, что настало время покаяния. Господь попускает нам болезни в первую очередь за грехи – для их искупления, для изменения порочного образа жизни, осознания этой порочности и понимания того, что земная жизнь – это краткий миг, за которым стоит вечность»³. Как мы видим, данная позиция созвучна Отцам и, стоит сказать, что отец Вадим довольно часто апеллирует к их авторитету.

Представление об отношении к феномену болезни прослеживается в формулах-обращениях к болезни, а также совокупности направленных на их устранение ритуалов. Это дает нам основание полагать, что болезнь представляется о. Вадимом как живая, демоническая, инородная сущность. Литература, изданная под его именем, изобилует множеством заговоров и заклинаний, которые актуальны для народной медицины. Кроме того, методам и мировоззрению о. Вадима в целом присущ магизм: «...Пить воду за один прием нужно в три глотка (60-100 мл). Дети должны пить воду тоже в три глотка, с той лишь разницей, что количество ее для них значения не имеет (от 10 мл и больше)»⁴. С православной точки зрения святая вода, безусловно, содержит Благодать Божию и в силу этого способна становиться вспомогательным средством исцеления души. Однако строгая регламентация количества необходимой для излечения воды – явная черта магизма. Поскольку с православной точки зрения Благодать, содержащаяся в воде, измеряться миллилитрами не может.

Одно из его изданий в соавторстве с некой ма-тушкой Фотинией, название которого гласит: «Ответы православного священника и народной це-

¹ Иов.2:10.

² Вадим, отец. Неизлечимых болезней не бывает. Практическое руководство по излечению без лекарств. М.: АСТ; Донецк: Агата, 2009. – с. 3.

³ Вадим, отец. Неизлечимых болезней не бывает. Практическое руководство по излечению без лекарств. М.: АСТ; Донецк: Агата, 2009. – с. 3-4.

⁴ Вадим, отец. Православный церковный водолечебник. М.: АСТ, 2005. – с. 10.

лительницы на церковные и житейские вопросы», собственно, выражает позицию «православного целительства» в целом: любые средства для исцеления человека приемлемы и совместимы. Однако Церковь лечение с использованием магических практик или каких бы то ни было заговоров, разумеется, не приемлет, поскольку это не только грех, но и вмешательство в духовную природу человека, установление связи со злыми духами, способными вылечить физически, но нанести непоправимый вред душе. А поскольку различие «злых» и «добрых» духов есть способность только людей особо близких к Богу, то неизвестно, к каким сущностям в данном случае обращены словесные формулы. Скорее всего, с точки зрения христианства, эти сущности демонические. В результате взаимодействия с ними, изначально уже искаженная (в результате грехопадения), природа человека страдает еще более и человек все более удаляется от Бога и от главной цели – обожения.

Кроме того, литература, изданная под именем отца Вадима, во многом демонстрирует подход большинства современных представителей нью-эйджа. Так, Вадим Синичкин приводит для врачевания каждой болезни соответствующего святого. При головной боли, пишет он, нужно молиться «честному славному пророку, Предтече Крестителю Господню Иоанну. Один взгляд на страдальческую главу Крестителя располагает нас искать у него помощи против этой боли...»¹. Для лечения болезней желудка предлагается молиться великомученику Артемию, зубной боли – священномученику Антипе и т.д. Вообще, автор часто говорит о комплексном исцелении души и тела. Однако, первичным в его трудах все же является исцеление тела (для которого хороши любые средства, вплоть до уринотерапии), а материальные ценности в целом являются весьма значимой ценностью.

Таким образом, исследование религиозной антропологии «православного целительства» о. Вадима (Синичкина) приводит нас к выводу о его учении как явлению синкретическом. Вписанные в языческую (с точки зрения восприятия человека, болезни, методов лечения и т.д.) картину мира, православные понятия и термины используются им наряду с магическими практиками и элемен-

тами нью-эйджа. Являясь продуктом современной массовой культуры, «православное целительство» обращается к народной антропологии, дополнив ее современными эзотерическими понятиями (энергетика, биополе, энергетические вампиры и пр.). Православные же термины и атрибуты содержатся лишь во внешней стороне учения отца Вадима, и использование их наряду с языческими и современными эзотерическими понятиями может говорить только о некомпетентности автора в вопросах религиозной антропологии.

Список литературы

Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 304 с.

Михайлов, Н.А. «Антропология» русского заговорного универсума.// Миф в культуре. Человек-не-человек. М., 2000. С. 113-119.

Шмелев, А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. с. 135-156.

Усачева, В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – 368 с.

Григорий Нисский, свт. Об устроении человека // Восточные отцы и учителя Церкви IV века. Антология: в 3 т. М.: Изд-во МФТИ, 1999. Т. 2.

Григорий Нисский, свт. Об устроении человека // Восточные отцы и учителя Церкви IV века. Антология: в 3 т. М.: Изд-во МФТИ, 1999. Т. 2.

Вадим, отец. Православный церковный водолечебник. М.: АСТ, 2008. – 302 с.

Вадим, отец. Неизлечимых болезней не бывает. Практическое руководство по излечению без лекарств. М: АСТ; Донецк: Агата, 2009. – 320 с.

Малахов, Г.П. Церковное и современное лечение природными средствами/ Г.П. Малахов, отец Вадим. – Донецк: Сталкер: Генеша, 2006. – 318 с.

¹ Малахов, Г.П. Церковное и современное лечение природными средствами/ Г.П. Малахов, отец Вадим. – Донецк: Сталкер: Генеша, 2006. – с. 206.

Subjective objective.
Питер Грик.

РАЗДЕЛ 2

КУЛЬТУРА

Вертушинский А. С. — Опыт невозможного: о связи видеоигр с реальностью

Евдокимова Л. С. — Фонд имени Конрада Аденауэра в виртуальном пространстве

Лаврова А. Г. — Специфика комплексного продвижения видео-контента

Опыт невозможного: о связи видеоигр с реальностью

Вертушинский А. С. — философ, преподаватель МГУ, Москва, Россия

Если обратиться¹ к первым видеоиграм², можно обнаружить, что они эксплуатируют две основные темы – спорт и космос. Так, в 1958 году американский физик Уильям Хигинботам разрабатывает первую в истории спортивную видеоигру – *Tennis for Two*, а в 1962 году студенты из MIT создают *Spacewar!* – первую игру, действие которой разворачивается в космосе. В принципе, с развития именно этих двух траекторий и начинается игровая индустрия: в 1971 году Нолан Бушнелл и Тэд Дабни создают *Computer Space* (вдохновением для которой послужила *Spacewar!*), а в 1972 году – образованная ими Atari выпускает первую коммерчески успешную видеоигру *Pong* (симулятор настольного тенниса). Если заострить тезис, то можно сказать, что *видеоигры* – это и есть *спорт + космос*. Правда, под *спортом* здесь подразумевается не столько сам спорт (например, теннис), сколько инкорпорируемая в него соревновательность, то есть возможность выиграть или проиграть, рассчитывая только на собственный навык и подготовку. Под *космосом* же имеется в виду возможность актуализировать невозможное, позволяющая геймеру, сидя за монитором, переместиться в другой мир, оказаться там, где иначе он бы не оказался.

Генетически обе траектории берут начало в 1952 году и связаны с именем Алана Тьюринга. Дело в том, что в 1949 году Тьюринг уже разработал алгоритм шахматной игры³. Однако, несмотря на внушительные размеры и не менее внушительную стоимость (один из первых программируемых компьютеров, ENIAC, весил 30 тонн, занимал площадь в 63 м² и стоил полмиллиона долларов), выполнять подобные задачи компьютеры того времени были не в состоянии. Единственное, что оставалось в таком случае Тьюрингу, – самому превратиться в компьютер. В итоге, он сыграл две партии, в которых делал ровно такие ходы, которые должна была, согласно алгоритму, делать его программа. Но само это превращение в машину, как и грезы о том, что машины когда-нибудь начнут мыслить, – это уже само по себе фантастично, в этом уже есть нечто невозможное. В этом смысле формула *видеоигры* = *спорт + космос* как раз и означает, что видеоигры связаны с опытом невозможного, который геймер получает посредством погружения в особый, виртуальный мир. И хотя этот опыт не является непосредственным, переживается он именно как свой – геймер не читает о чужих путешествиях в космосе и не смотрит пассивно на какие-то изображения, он в некотором смысле сам оказывается там, он сам

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-33-01069.

² Или лучше сказать – *правидеоиграм*, так как речь идет о периоде 50–60-х гг., который правильнее было бы назвать предысторией видеоигр.

³ Именно шахматы стали первой «спортивной» игрой, которую попытались реализовать на компьютере. Мгновенно, конечно, это сделать не удалось (первые полноценные компьютерные шахматы были разработаны только в 1957 году), зато в ближайшие годы появились компьютерные версии таких игр, как шашки (1952) и крестики-нолики (1949). *Tennis for Two* Хигинботама продолжает именно этот ряд.

одолевают врагов, победа, которая при его участии достигается, – это и его собственная победа.

Но опыт – это не только нечто, что является собственностью того, кто его переживает, это еще и определенный способ узнать что-то новое. И действительно, многое в нашей жизни мы узнаем именно благодаря собственному опыту, который нередко приобретаем методом проб и ошибок. К примеру, мать говорит ребенку, чтобы он не трогал кипяченный чайник, но он, следуя любопытству, все-таки делает это. В итоге, глядя на обжегшегося ребенка, мать получает основания сказать, что вот теперь-то он не будет этого делать, так как знает, чем это для него обернулось. Опыт, который он получил, научил его гораздо эффективнее, нежели материнские увещания. Но вот в чем проблема: не все, что мы могли бы знать, мы можем узнать на собственном опыте. В том числе и потому, что некоторый опыт легко может привести к нашей смерти. Вот это ограничение и преодолевают видеоигры. Благодаря им мы можем узнать много такого, чего иначе никогда бы не узнали, побывать там, где никогда бы не смогли побывать, сделать то, на что никогда бы не решились.

Это хорошо понимали создатели *Spacewar!* – игры, рассчитанной на двух игроков, каждый из которых, управляя своим космическим кораблем, должен был уничтожить корабль соперника. В принципе, *Spacewar!* идейно не отличалась бы от той же *Tennis for Two*, если бы не одна принципиальная деталь: разработчики попытались реализовать гравитационное поле. Для этого в центр игровой локации была помещена звезда, влияющая на траекторию полета снарядов. Так создатели игры попытались передать не только опыт участия, дав возможность игрокам своими действиями влиять на исход игры, но и *опыт самого космоса*. И действительно, разработчикам хотелось, чтобы игра не была оторвана от реальности, но отсылала к ней, позволяла получить – пускай и условный, – но все-таки опыт реальности.

Здесь, конечно, следует добавить, что в 70-е гг. видеоигры вообще казались современникам крайне реалистичными. Буквально несколько абстрактных объектов могли по-настоящему напугать, заставить поверить, что происходящее на экране происходит как бы на самом деле. Яр-

ким примером в данном случае является абстрактная черно-белая игра *Death Race* от *Exidy*, вышедшая на игровых автоматах в 1976 году. В ней игрок управлял машиной и его задача заключалась в том, чтобы задавить как можно больше монстров (в игре их называли «гремлинами»; сегодня бы сказали, что речь идет о зомби). Когда он их давил, на месте убийства появлялись небольшие гробики, по которым уже нельзя было ездить, вследствие чего, с каждой новой смертью, игра становилась все сложнее. И несмотря на то, что игрок должен был давить именно монстров (о чем свидетельствовали иллюстрации и надписи на корпусе автомата), игра вызвала серьезный общественный резонанс и была обвинена в том, что приучает молодых людей давить реальных пешеходов. Объяснение, которое здесь можно предложить, заключается в том, что в самой игре «гремлины» были изображены просто как белые абстрактные фигурки, что не позволяло ни игрокам, ни случайным наблюдателям провести различие между людьми и чудовищами. Считать же, что, раз написано «гремлины», то все увидят именно гремлинов, как оказалось, было чересчур поспешным.

Одной из причин такого отношения к видеоиграм, заключающейся в некоторой чрезмерной склонности им верить, является то, что в 70-е гг. видеоигры только начали сближаться с кино и концептуально все еще оставались связаны с литературой¹. Эта связь проявляется, к примеру, в том, что геймеры, да и сами разработчики, должны были постоянно воображать, самостоятельно дополняя и достраивая видимое на экране. Наглядно это можно увидеть в несовпадении между тем, как выглядели сами видеоигры, и тем, что было изображено на обложках к ним (достаточно взглянуть на скриншот к культовой игре *Adventure* для *Atari 2600* и на ее обложку: в одном случае мы видим одноцветные фон, стены и квадратного персонажа, в другом – красочный лабиринт, детализированный замок и мультяшного дракона). Поэтому пока геймер управлял всего лишь несколькими абстрактными геометрическими объектами, воображение позволяло ему окунуться в полноценный красочный мир. Он как бы смотрел на одно, но видел совсем другое. И хотя видеоигры, как могло показаться на первый взгляд,

¹ Речь, конечно, не о том, что видеоигры как-то выросли из литературы (это верно лишь в случае текстовых игр), но о самом факте опосредования получаемого опыта воображением, как правило, минимизированного в кино и телевидении.

в тот момент, как никогда были далеки от реальности, на деле они были к ней гораздо ближе. В них видели больше, нежели они могли дать, а главное – от них ждали большего, предполагая, что это большее в них когда-нибудь реализуется.

Разработчики не могли с этим не считаться. Например, в комплекте с самой первой в истории видеоигр игровой консолью *Magnavox Odyssey*, вышедшей в 1972 году, прилагались специальные полупрозрачные цветные «наклейки» на телевизор – к каждой игре своя собственная. Так, игра про настольный теннис¹ позволяла игрокам видеть не просто белые абстрактные объекты на черном фоне, но уже зеленый теннисный корт. Это решение – своего рода аналоговая замена цифровой графики. Но вот в чем дело: стратегия, которую применили создатели консоли, в корне отличалась от того, что было реализовано в *Spacewar!*. Ведь в данном случае реальность оказалась сведена к ее изображению. То есть реально не то, что мы переживаем или можем пережить, но лишь то, что мы видим.

Именно с этим, на наш взгляд, связана особая популярность видеоигр о космосе в 70–80-е гг. Ведь для создания эффекта реальности в таких играх не нужны были никакие дополнительные средства. Космос в 70-е – это просто черный экран (о чем свидетельствуют фантастические фильмы того времени). То есть черный экран и белый космический корабль – это уже реализм. И чем дальше развивались видеоигры, тем все более значимым становилось именно их визуальное измерение (именно поэтому прогресс в видеоиграх стал связываться преимущественно с улучшением графики). Если усилить тезис, то можно сказать, что для эффекта реальности сегодня достаточно просто показать нужную картинку. В случае с космосом сегодня этой нужной картинкой уже не является черный экран, но космос, каким его изображают на обработанных в фотопроцессорах снимках телескопа «Хаббл» (по поводу соответствия которых «реальному» космосу, как известно, также существуют различные мнения).

И действительно, в 1997 году вышла скандально известная игра *Carmageddon*, которую можно рассмотреть в качестве комментария к уже обсуждавшейся *Death Race*. Дело в том, что

Carmageddon – это жестокая гоночная игра, в которой геймер не просто соревнуется с другими гонщиками за право добраться до финиша первым, но еще и имеет полное право попутно уничтожать всех своих врагов (которые, в свою очередь, не прочь уничтожить его), а также давить случайных прохожих и пешеходов, получая за это дополнительные очки (более того, убийство всех пешеходов – один из способов победить). Из-за чрезмерной жестокости игра была сначала запрещена в Великобритании и Германии, но затем выпущена с цензурой – людей, разлетающихся на кусочки в брызгах красной крови, в одном случае заменили на зомби с зеленой кровью, в другом – на роботов с черной. История, как видно, повторилась, но если в 1976 году объяснения о монстрах никого не удовлетворили, то в 90-е – позволили продавать игру. И дело просто в том, что в условиях минималистичной абстрактной графики было невозможно положиться на зрение (в духе «посмотри и убедись»), а с улучшением графики стало можно. И если ранее визуальная сторона оказывалась вторичной (как говорили критики, игрок, нажимая на педали и поворачивая руль, реально убивает – он не наблюдатель, он сам – активный участник преступления), то теперь вторичной стала сторона реального переживания (в духе «разве убийство зомби – это вообще убийство?»).

Для того, чтобы убедиться в доминировании визуального измерения, достаточно сделать следующий мысленный эксперимент: можно взять практически любую современную игру о космосе, например, тот же *Dead Space* и представить, что все, что там происходит, происходит не в космосе, а, например, в глубинах океана. Изменится ли хоть что-нибудь в геймплее? Ответ очевиден².

И все-таки такая тенденция не означает, что никакой другой реальности, кроме как визуальной, в видеоиграх не осталось. Например, в игре *Crash Bandicoot 2: Cortex Strikes Back* (1997), пожалуй, наилучшим образом была реализована невесомость, а в *Angry Birds: Star Wars* (2012), спустя ровно 50 лет после создания *Spacewar!*, разработчики вновь реализовали гравитационное поле. Но не выходит ли в таком случае, как бы это провокационно не прозвучало, что мультяшные *Crash Bandicoot* и

¹ Так называемая *Table Tennis* – прямая предшественница уже упомянутой *Pong*.

² Подобным образом мало что изменится и в видеоиграх, которые рассказывают о глубинах океана. Взять, к примеру, первый *Bioshock* (2007), события которого из подводного города «Восторг» легко могли бы быть перенесены на космическую станцию с одноименным названием.

Angry Birds являются куда более реалистичными, нежели большинство современных игр? В какой-то степени так оно и есть, правда, речь немного о разных реальностях. Если воспользоваться словарем Лакана, можно сказать, что речь идет не столько о реальности, сколько о Реальном, то есть не о некотором привычном и знакомом порядке (в данном случае визуальном), где все на своих местах, но об опыте, способном вывести за пределы зоны комфорта, по отношению к которому трудно сохранить нейтралитет.

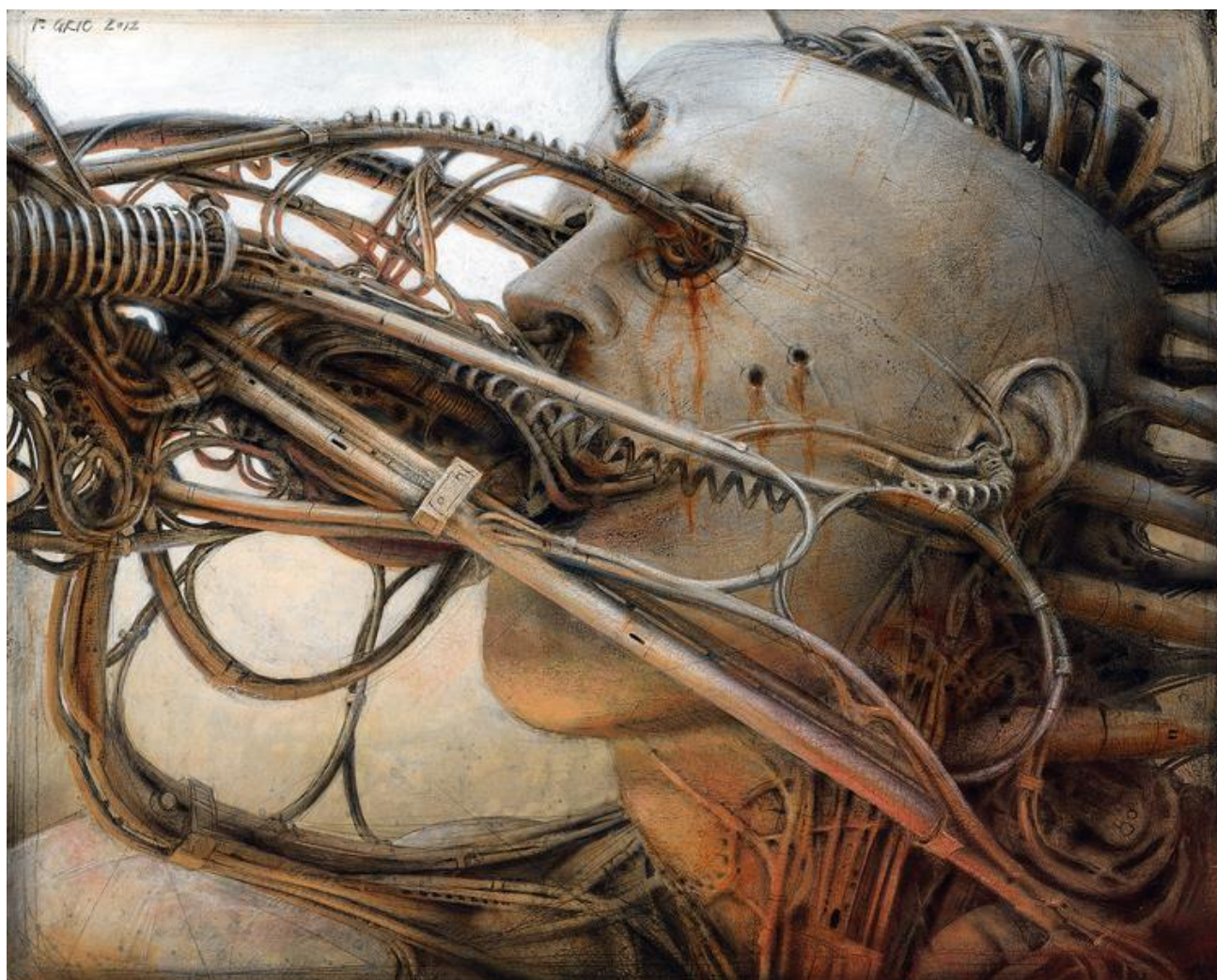
И действительно, если обратиться к истории видеоигр, то легко можно заметить, что в старых видеоиграх присутствовал опыт, который постепенно стал вытесняться из них, – речь об опыте смерти¹. Изначально у игрока в запасе было конечное число жизней (как правило, три, но иногда и меньше), поэтому пройти игру можно было только в том случае, если игрок не умирал. Если же он умер, он должен был начинать с самого начала. Но со временем, когда видеоигры стали красочнее, длиннее и, как правило, сложнее, одной жизни стало не хватать. Сначала геймдизайнеры стали использовать продолжения и пароли, но затем общим местом стала возможность сохранять актуальный игровой прогресс. В этом смысле сама ситуация *Game Over* едва ли имеет место в большинстве современных видеоигр. Игра больше не кончается – смерть оказалась преодолена. И если в 70–90-е гг. геймеры сплошь и рядом сталкивались с ситуацией, когда они в один присест доходили до последнего босса², но затем все-таки проигрывали ему, получая тем самым травмирующий опыт смерти, то сегодня такая ситуация практически не встречается. И это при том, что сама визуальная сторона репрезентации смерти в своей натуралистичности местами достигла уровня фотореализма.

Все это позволяет сказать, что отношения видеоигр с реальностью куда сложнее, чем могло показаться при первом приближении. Поэтому критика современных видеоигр, заключающаяся в том, что они чересчур увязли в реальности, бьет мимо цели. Ведь в самом факте, что видеоигры научились отображать реальность, нет ничего плохого. Напротив, возможность отображения – это значительное достижение видеоигр.

Просто видеоиграм должно быть мало одного мира – они способны отобразить бесчисленное множество миров. Этот конфликт воспроизводства реальности / производства реальностей (вопрос о невозможном), довольно часто поднимающийся в последнее время, является симптомом нашей нечувствительности к более глубокому конфликту между реальностью и Реальным (вопрос об опыте), на который мы попытались здесь указать. Ведь видеоигры – это не просто невозможное, это еще и возможность его пережить. А значит, производство опыта – это еще одна способность видеоигр, на которую не следует закрывать глаза. Видеоигры способны на большее и наша задача – раскрыть их потенциал.

¹ Конечно, ни о каком окончательном вытеснении речь не идет.

² Что легко могло занимать 2–3 реальных часа.

N_Android III.
Питер Грик.

Фонд имени Конрада Аденауэра в виртуальном пространстве

Евдокимова Л. С. — кандидат исторических наук, Челябинск, Россия

Современная общественно-политическая реальность требует от своих акторов выбора адекватных форм присутствия в виртуальном пространстве. Новейшие средства коммуникации создают уникальную информационную среду с широким спектром возможностей для выстраивания диалога с целевыми аудиториями через свободный и оперативный доступ к информации, сокращение дистанции и другие возможности. Понятие «электронная демократия» заняло важное место среди современных подходов к интерпретации феномена демократии и вызвало необходимость специального изучения этого явления как в теоретико-методологическом, так и в практическом прикладном аспектах.

В связи с этим интересный и актуальный объект для исследования виртуальных общественно-политических коммуникаций представляет интернет-сайт крупного немецкого политического Фонда имени Конрада Аденауэра, развернувшего широкую интернациональную программу продвижения христианско-демократических ценностей. Фонд имени Конрада Аденауэра является околопартийной организацией Христианско-демократического союза – одной из ключевых партий Федеративной республики Германия. В настоящее время эта партия находится у власти, ее представитель – Ангела Меркель – занимает пост федерального канцлера. В исследованиях, посвященных Христианско-демократическому союзу, подчеркивается особая роль многочислен-

ных специализированных организаций, как входящих в структуру партии, так и формально самостоятельных, но выполняющих важные функции. С. Л. Сокольский отмечал: «Христианско-демократический союз побил в этом отношении все рекорды: пожалуй ни одна другая сравнимая с ним западноевропейская партия не располагает столь большим числом такого рода организаций»¹. Основной причиной стала широкая социальная база Христианско-демократического союза, «социальная разнородность членской массы ХДС»², требовавшая специфических способов интеграции. Партия создавалась как народная, способная объединить все население послевоенной Германии, поэтому включала в себя, создавала большое количество групп, выражающих специфические интересы, сотрудничала с большим количеством организаций разнообразного профиля.

Фонд имени Конрада Аденауэра представляет собой организацию, реализующую масштабные политические образовательные программы, осуществляющую аналитическую деятельность и поддерживающую исследования в области современной демократии (в том числе и христианской демократии), социальной рыночной экономики, правового государства, местного самоуправления, политических партий и парламентаризма, международного сотрудничества. Все эти направления

¹ Сокольский С.Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. – М.: Наука, 1983. – с.76.

² Там же. С. 116.

призваны актуализировать потенциал христианско-демократической теории и практики, обеспечить информационную поддержку немецкому Христианско-демократическому союзу, а также другим христианско-демократическим партиям и группам. Фонд имени Конрада Аденауэра был образован в 1955г. на основе Общества христианско-демократического просвещения («Gesellschaft für christlich-demokratische Bildungsarbeit»)¹, поэтому перенял и основную функцию этого общества – популяризировать христианско-демократические идеи. В 1964г. фонд получил имя Конрада Аденауэра – первого канцлера послевоенной Федеративной республики Германия (1949–1963гг.), председателя Христианско-демократического союза в 1950–1964 гг. Конрад Аденауэр стал знаковой личностью для немецкой истории XX в., его сравнивали с Отто фон Бисмарком. С ним связываются послевоенное возрождение Германии, ее утверждение в качестве сильного самостоятельного европейского государства с социальной рыночной экономикой, первые шаги европейской интеграции. Конрад Аденауэр заложил основные ориентиры внутренней и внешней политики, которым Федеративная республика Германия следует до сих пор². Соответственно, фонд имени Конрада Аденауэра объявляет ключевые принципы и идеалы этого политического деятеля руководством к действию.

Фонд имени Конрада Аденауэра обладает немецкоязычным сайтом, расположенным по адресу <http://www.kas.de>. В адресе зафиксированы первые буквы немецкого названия фонда – Konrad Adenauer Stiftung. Анализ информационного наполнения данного сайта, его интерактивного инструментария является целью исследования и позволяет определить основные параметры коммуникационной активности Фонда в виртуальном пространстве, реконструировать коммуникационную стратегию. Методологической основой исследования стали основные положения концепции публичной сферы и коммуникативного действия Ю. Хабермаса³.

Официальный сайт фонда имени Конрада Аденауэра обладает возможностью адаптироваться под немецкоязычную, англоязычную, франкоязычную, испаноязычную аудитории, соответственно рассчитан на преодоление языковых барьеров и глобализацию деятельности. Это позволяет активно участвовать в коммуникации на основных европейских языках, делает ресурс доступным для понимания мирового англоговорящего сообщества. Однако реальная география христианской демократии гораздо уже заявленного языкового ареала. Христианско-демократические традиции сложились в немецкоязычных государствах, испаноязычной Латинской Америке, меньше – в Испании⁴. Во Франции, сформировавшей одно из первых христианско-демократических объединений, обогатившей социальную католическую концепцию персонализмом Ж.Маритена и общинным персонализмом Э.Мунье, христианско-демократическое движение не получило развития. В англоязычных странах «христианская демократия не стала пропагандистским лозунгом партийно-политического движения»⁵. Обозначенная на сайте сфера деятельности фонда имени Конрада Аденауэра выходит за пределы сложившихся христианско-демократических анклавов, что облегчается интеграционными процессами в Европе и наличием общеевропейской партии христианско-демократического толка, претендующей на представительство в Европарламенте. Фонд заявляет о более чем 200 проектах, реализуемых в 120 странах⁶. Интерактивная карта, представленная на официальном сайте фонда, актуализированная на 2016 г., позволяет наглядно убедиться в масштабах проводимой работы. Карта предоставляет контактные данные представительств фонда имени Конрада Аденауэра по всему миру – в Европе, Северной и Южной Америке, Африке, Азии. Система ссылок, расположенных в немецкоязычной

бермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001; Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис 2005.

⁴ Маркевич С. Современная христианская демократия / пер. с пол. – М.: Политиздат, 1982.

⁵ Амплеева А.А. Христианско-демократическое движение в Европе и России. – М.: ИНИОН, 2002.

⁶ Uber uns // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.3628/> (дата обращения 08.02.2016)

закладке «weltweit»¹ или англоязычной закладке «worldwide»² («всемирный») дает возможность найти необходимое представительство в стране, городе и перейти на его собственную страницу. Таким образом, фонд имени Конрада Аденауэра демонстрирует широкую сферу интересов, доступность своих подразделений для непосредственного контакта, а также виртуального взаимодействия. Официальный сайт координирует деятельность фонда во всем мире и презентует ее широкой публике, объединяет многочисленные отделения с их инициативами и проектами в единое целое, систему, ориентированную на утверждение универсальных ценностей, адекватных любой социокультурной ситуации.

Языковое многообразие представляемой фондом имени Конрада Аденауэра информации не исключает и определенных ограничений коммуникации, создания специальных барьеров для понимания, неравномерного представления информации в различных языковых контентах. Самый большой и полный объем информации представлен на немецком языке, который является основным языком общения фонда имени Конрада Аденауэра в виртуальном пространстве. Христианско-демократическая идея прочно связывается с немецкой традицией христианской демократии. В связи с этим фонд, презентуя на сайте основное направление своей деятельности, заявляет, что он «...trägt zur Vertretung deutscher Interessen in der Welt bei» («свой вклад в защиту немецких интересов в мире»)³.

Навязывание немецкоязычного дискурса происходит несколькими способами. Отдельные разделы сайта фонда имени Конрада Аденауэра доступны только на немецком языке. Например, подробная информация о предоставляемых фондом стипендиях (программах, заявках) доступна только в немецкоязычном варианте. На английском языке имеются лишь общие сведения об этом направлении деятельности фонда и указание, что поддержка оказывается молодым немецким студентам, аспирантам, журналистам, молодым ас-

пирантам из-за рубежа, которые учатся в Германии, имеющим отличные успехи в учебе и достижения в общественно-политической сфере; помимо этого, фонд поддерживает писателей, художников и музыкантов⁴. Стипендии предоставляются для обучения в Германии и предполагают владение немецким языком. Показательно, что и от российских студентов, претендующих на получение стипендии фонда имени Конрада Аденауэра для продолжения образования в России требуется сертификат, подтверждающий знание немецкого или английского языка⁵. На немецком языке без перевода представлены документы Христианско-демократического союза. Целый ряд закладок просто отсутствует в англоязычной версии сайта («Presse», «Themen», «Geschichte der CDU» и другие). Можно говорить об английском языке, как о втором языке, на котором фонд имени Конрада Аденауэра готов выстраивать взаимодействие по большинству вопросов. В очень ограниченном объеме функционирует испаноязычная⁶ и франкоязычная⁷ коммуникация. При переключении на эти языки открывается общая информация о фонде имени Конрада Аденауэра – его история, основные направления деятельности и принципы, основанные на христианской демократии. Система гиперссылок позволяет перейти на страницы представительств фонда в испаноговорящих и франкоговорящих странах мира, функционирующие на данных языках. Соответственно, фонд имени Конрада Аденауэра берет на себя роль координатора, направляющего коммуникационные потоки в сторону более приемлемой и понятной для пользователей языковой среды.

В русскоязычном режиме действует только страница Московского представительства фонда имени Конрада Аденауэра, единственного в России. Она находится по адресу <http://www.kas.de/rumoskau/ru/>. Этот ресурс, как и подобные ему ресурсы других представительств фонда, сосредото-

¹ Weltweit // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.15069/> (дата обращения 08.02.2016)

² Worldwide // URL: <http://www.kas.de/wf/en/71.15069/> (дата обращения 08.02.2016)

³ Leitlinien // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.4972/> (дата обращения 08.02.2016)

⁴ Scholarships and Cultural Activities // URL: <http://www.kas.de/wf/en/42.8/> (дата обращения 08.02.2016)

⁵ Стипендия sur place // URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_16346-1442-6-30.pdf?150722170800 (дата обращения 08.02.2016)

⁶ Introducción Konrad-Adenauer-Stiftung // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.4963/> (дата обращения 08.02.2016)

⁷ Introduction Konrad-Adenauer-Stiftung // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.4962/> (дата обращения 08.02.2016)

чен исключительно на собственной деятельности, но воспроизводит дизайнерское решение и некоторые ссылки официального сайта фонда имени Конрада Аденауэра, являясь с ним неразрывным целым. Московское представительство фонда им. Конрада Аденауэра действует с 1990 г., пытаясь «способствовать росту доверия и взаимопонимания в отношениях между Германией и Россией, а также оказывать партнерскую поддержку развитию трансформационных процессов, происходящих в России»¹. Русскоязычная версия менее информативна, посвящена исключительно Московскому представительству фонда им. Конрада Аденауэра. Она представляет виртуальный отчет о деятельности российского представительства, в котором освещаются мероприятия, публикации, осуществленные при его поддержке, представлены сведения об организации, контактная информация, краткая справка о Конраде Аденауэре, социальной рыночной экономике, подробные сведения о партнерах и ссылки. Данная страница поддерживается в актуальном режиме, оперативно отражает последние мероприятия, проведенные представительством, открытые стипендиальные программы и стажировки. При этом русскоязычная страница сайта содержит подробные контактные данные всех сотрудников представительства, начиная от руководителя Московского представительства фонда Конрада Аденауэра, Клаудии Кроуфорд, включая координаторов проектов, бухгалтеров, секретаря, заканчивая курьером. Сотрудники демонстрируют свою готовность к общению посредством телефона, факса, электронной почты, социальных сетей.

Коммуникативная стратегия фонда имени Аденауэра раскрывается в информационном наполнении сайта. Интенсивное информационное воздействие обеспечивается обилием подробных разнообразных данных о деятельности фонда, демонстрирующих открытость организации, а также интерактивным инструментарием, обеспечивающим эффективный поиск необходимых материалов и систему обратной связи. Под лозунгами христианской демократии объединяется в систему разнообразный материал, отражающий многооб-

разие христианско-демократического опыта, его применимость в разных сферах общественной жизни.

С помощью интернет-коммуникации фонд имени Конрада Аденауэра активизирует широкое публичное обсуждение актуальных политических проблем, событий. Для этого функционирует специальный раздел сайта «Themen» (тема)², в немецкоязычной версии или «Events» (события)³ в англоязычной версии, главная страница также содержит сюжеты, призванные вызвать отклик пользователя. Это выступления политических лидеров, мероприятия немецких христианских демократов, украинские события, проблема беженцев, немецко-турецких отношений, европейского радикального исламизма, климатические конференции и многое другое. Тематика дискуссионных материалов различается в немецкоязычном и англоязычном контенте. Однако в обоих вариантах к основному сюжету предлагаются дополнительные материалы в разделе «Das könnte Sie auch interessieren» или «This might also interest you» (Это может также заинтересовать Вас). Это позволяет, с одной стороны, привлечь внимание пользователя на рассмотрение смежных тем, а с другой стороны, удовлетворить потребность пользователя в разностороннем освещении проблемного поля. Грамотная подборка событий, сопровождаемых экспертным заключением сотрудников фонда имени Конрада Аденауэра, способствует вовлечению пользователя в христианско-демократическую практику интерпретации. В целях политического просвещения на сайте предлагаются такие сервисы, как информационный бюллетень из самых интересных мероприятий, проектов, публикаций, пресс-релизы средств массовой информации, электронная рассылка, аудио- и видеоархив, электронная библиотека. Возможность открывать сюжеты в pdf-формате и распечатывать их увеличивает возможности по дальнейшему манипулированию полученной информацией и ее ретрансляции.

Обратная связь фонда имени Конрада Аденауэра с пользователями вынесена за пределы сайта и

¹ Московское представительство фонда имени Конрада Аденауэра // URL: <http://www.kas.de/ru-moskau/ru/about/> (Дата обращения 08.02.2016)

² Themen // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.3573/> (Дата обращения 08.02.2016)

³ Events // URL: <http://www.kas.de/wf/en/71.3603/> (дата обращения 08.02.2016)

организована через социальные сети Twitter, Facebook, ссылки на которые имеются. Предоставляется возможность общения через электронную почту. По целому ряду разделов сайта предоставлены контактные данные ответственных лиц, с которыми можно взаимодействовать по поводу заинтересовавшей проблемы. Такая электронная среда позволяет пользователю соотнести собственные потребности и интересы с инициативами фонда имени Конрада Аденауэра, принять участие в общественной дискуссии, найти единомышленников. Интерактивные средства дают возможность немедленно включаться в коммуникацию по поводу события, текста, видео, удовлетворять коммуникационные потребности пользователя.

Интернет-ресурс используется фондом имени Аденауэра как средство информирования общественности об основных аспектах собственной деятельности и достижениях, самопрезентации в качестве авторитетного источника общественно-политической информации и центра сосредоточения мирового перспективного преобразовательного потенциала, действующего в целях развития современной демократии, международного сотрудничества, утверждения христианско-демократических ценностей, защиту немецких интересов в мире¹.

Официальный интернет-сайт формирует насыщенную информационную среду деятельности фонда имени Конрада Аденауэра, позволяет интегрировать и представить разнообразные проекты фонда, осуществляемые на огромной территории. Коммуникативная стратегия фонда имени Конрада Аденауэра варьирует объем и характер коммуникации, осуществляемой с носителями определенного языка. Официальный сайт используется фондом для привлечения внимания интернет-аудитории к собственным достижениям, позиционировании себя в качестве солидного субъекта общественно-политической сферы, реализующего масштабные образовательные и исследовательские проекты в интересах развития современного демократического общества. Интерактивный инструментарий позволяет обеспечить

взаимодействие с общественностью, активно используя систему поиска и гиперссылок, а также ресурсы социальных сетей.

¹ Leitlinien // URL: <http://www.kas.de/wf/de/71.4972/> (дата обращения 08.02.2016)

Кроссплатформенное распространение видео-контента в социальных сетях

Лаврова А.Г. — кандидат культурологии, доцент ЮУрГУ, Челябинск, Россия

«Ценность вещательных сетей прямо пропорциональна числу их слушателей и зрителей»

Закон Сарнова

Социальные сети, появившись недавно, стремительно стали неотъемлемой частью нашей повседневности. Согласно определению авторитетного исследователя «социального Интернета» Д. Бойд, социальные сети Интернета – это «сетевые услуги, позволяющие частным лицам: 1) строить общественные или полуофициальные профили в пределах ограничений, наложенных системой, 2) определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией, 3) просматривать и связывать их список контактов с другими, созданными пользователями внутри системы»¹. Главным результатом появления и укоренения феномена социальных сетей в социологическом аспекте является формирование «онлайн-общества» (также используется синоним «виртуальное сообщество»). В англоязычной литературе применяются термин «ecommunity» и «virtual community». В первом приближении, «онлайн-общество» – это «новый тип сообществ, которые возникают и функционируют в электронном пространстве», а также – «объединение пользователей сети в груп-

пы с общими интересами для работы в электронном пространстве»².

Еще в середине 20 века в работах теоретиков «постиндустриализма» (Д. Белл, О. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др.) в качестве базового принципа, определяющего будущее социально-экономическое развитие, указывалась успешная реализация отношения «человек-человек»³. Именно это и позволили сделать социальные сети, невзирая на расстояния, часовые пояса и страны проживания своих агентов.

Утверждение о том, что «сегодня значимость социального субъекта определяется его информированностью и принадлежностью к виртуальным сообществам, реализованным с помощью Web2 технологий»⁴ уже нельзя назвать спорным, так как все больше индивидов включаются в социальные сети, Фейсбук, Инстаграм, Вконтакте демонстрируют стойкий рост⁵. А взаимодействие в социальных сетях все интенсифицируется и, если не по-

¹ Boyd, D. M. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – № 13. – P. 22-37.

² Boyd, D. M. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – № 13. – P. 35.

³ Fukuyama, F. The Great Disruption / F. Fukuyama. – London: Profile Books, 1999.

⁴ Тоискин, В. С. Классификация социальных сетей Интернет, как элементов социальных структур / В. С. Тоискин, В. В. Красильников. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7041> (дата обращения: 16.12.2012).

⁵ Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы. [Brand Analytics. Аналитика информационного поля бренда]. Режим доступа: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy/>

рождает новую реальность, то уж точно на нее влияет. Социальные сети являют собой новую парадигму социальной общности, и их влияние на трансформацию социальной структуры заключается в новых социальных практиках, прозрачности нормативно-ценностных установок и в возможности социального контроля над ними. Эффективность сетевой коммуникации как универсального социокультурного механизма является результатом генезиса и функционирования Интернета во взаимосвязи с социальными параметрами. Интернет, как техногенный объект, расположенный между субъектами взаимодействия, сам по себе не создает знаний, но дает доступ к информации и увеличивает возможности многовариативной коммуникации. «Интернет – это квинтэссенция постмодернистского строя и стиля жизни, это то пространство, где постмодернизм представлен наиболее развернуто и по форме наиболее адекватно: войдя в интернет, погружаешься в суть постмодернистской эпохи во всей ее философско-мировоззренческой специфике»¹ [5, с.175].

На наш взгляд, социальные сети есть продолжение и новое измерение традиционно сформировавшихся структур социокультурной жизни. Также социальные сети представляют собой особое социокультурное пространство, рассматриваемое как «...специфическая пространственно-временная целостность, являющаяся результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами»².

На сегодняшний день можно видеть появление все новых социальных сетей. Существует множество классификаций социальных сетей. Например, классификация Бобковой И.А.³, где в качестве критериев выделяются следующие:

1. *Территориальный критерий*: международные, государственные, региональные, локальные

и т. п. Между странами существуют серьезные отличия при пользовании сетями, которые объясняются языком, менталитетом населения, временем включения страны в мировое коммуникационное пространство, технической оснащенностью. Существуют интернациональные социальные сети (Facebook), а есть такие, которые популярны преимущественно в некоторых странах и регионах (ВКонтакте, Одноклассники – Россия; Nexora – Канада; Bebo – Великобритания и т.п.). Наиболее сильным ограничителем ареала распространения распространения социальной сети является язык.

2. *Тип социальных сетей* – универсальные, тематические. Большая часть социальных сетей носит неспециализированный характер, однако есть и специализированные сервисы (Flickr – сервис, предназначенный для хранения и дальнейшего использования пользователем цифровых фотографий и видеороликов, SoundCloud – социальная сеть для музыкантов и диджеев).

3. *Доступность информации* – открытые (Facebook), закрытые (PlayboyU), смешанные.

4. *Численность пользователей*: с внутренней классификацией по числу посетителей в день, числу зарегистрированных пользователей и т. п.;

5. *Аудитория* – типизация социальных сетей по возрасту, по социальному статусу, по профессии пользователей.

Многие люди являются пользователями сразу нескольких социальных сетей, реализуя таким образом свои интересы с помощью разнообразных возможностей, предлагаемых Интернетом.

В нашем исследовании мы ставим гипотезу о кроссплатформенном распространении контента (в нашем случае видео-роликов) из одной социальной сети в другие. Поскольку многие пользователи состоят не в одной, а в нескольких социальных сетях, то, по нашему мнению, должно происходить взаимопроникновение контента из одной социальной сети в другую, поскольку пользователи, находя интересный контент на одном социальном сервисе, могут использовать и другие для сохранения, просмотра и распространения данного контента.

В качестве объекта исследования нами был выбран видео-контент, имеющий большую популярность среди пользователей большинства социаль-

¹ Громыко, Н.В. Интернет и постмодернизм — их значение для современного образования // Вопросы философии. - 2012. - №2. - С. 175.

² Естрина, О.В., Дулина Н.В. Социокультурное пространство: определение понятия // Человек, Культура, Общество: Межвуз. Сб. науч. тр. Волгоград: Волгоградский Политехник. - 2007. - С. 14.

³ Бобкова, И. А. Разработка классификации для анализа социальных сетей / И. А. Бобкова. – Режим доступа: <http://www.mce.su/archive/doc57318/doc.pdf> (дата обращения: 25.11.2012).

ных сетей. Отметим, что распространение видеоконтента в Интернете – актуальная и на сегодняшний день достаточно слабо исследованная тема. Социологи, изучающие сферу виртуального пространства и социальных медиа уделяют неоправданно мало внимания столь узкой, но имеющей огромную практическую значимость и одновременно научный интерес, теме. Также на этом материале возможно в полной мере наблюдать практическое воплощение теории социальных сетей¹ [8, с. 19-24.].

Эмпирическую базу нашего исследования составил проект «YouTube-канал Виталия Орехова» (<http://www.youtube.com/user/VitaliyOrekhov/>). Автор проекта – видеоблоггер, автор сценариев и актер, снимающий юмористические видео-ролики (скетчи) в форматах Vine и notVine.

Тематика проекта: спорт, здоровый образ жизни и бодибилдинг.

Контент проекта: авторские игровые видео-ролики длительностью от 15 до 90 с.

Тематика контента: юмористические видео-ролики о стереотипах тренажерного зала, бодибилдинга и фитнеса.

Целевая аудитория проекта: молодые люди от 16 до 35 лет, увлекающиеся спортом и, в частности, бодибилдингом, фитнесом, посещающие тренажерные залы.

Период исследования – октябрь 2014г – октябрь 2015г.

Всего за исследуемый период автором проекта было снято и опубликовано 42 видео-ролика.

Продвижение проекта осуществляется с помощью опубликования на канале на видеохостинге YouTube и свободных публикаций в социальных сетях. Продвижение ведется «белыми» методами и без платных рекламных публикаций.

26 октября 2014 г. был создан канал на видеохостинге YouTube. Реакция целевой аудитории была положительной, контент получил отклик – комментарии, «лайки», подписки на YouTube-канал проекта. Рост числа подписчиков за первый месяц составил 434 чел. Однако данное количе-

ство подписчиков было невелико для продвижения YouTube-канала с оригинальным контентом. Поэтому в декабре 2014 г. после консультаций с автором статьи было принято решение о комплексном продвижении проекта через другие социальные сети.

Комплексное продвижение заключается в создании аккаунтов в разных социальных сетях и одновременной публикации контента. Это дает наиболее полный охват целевой аудитории. Были выбраны следующие социальные сети: ВКонтакте, Facebook и Instagram, поскольку члены целевой аудитории используют именно эти платформы наиболее активно.

С декабря 2015 г. контент стал публиковаться также в социальной сети ВКонтакте на личной странице автора (http://vk.com/krepkiy_oreshek). И в конце декабря кол-во подписчиков YouTube-канала проекта составило 1004 чел. Таким образом, рост составил 570 чел., или +23,86 % по сравнению с предыдущим месяцем. С февраля 2015 г. контент стал распространяться через публикации в пабликах ВКонтакте (Do4a.com - Второе Дыхание, Best Video, RUDIARIUS и др.), основная тематика публикаций которых была близка тематике проекта. В связи с этим в феврале 2015 г. был отмечен резкий рост интереса к контенту – выросло количество просмотров – от 20-30 тыс. до 100-250 тыс.; «лайков» – от 100-200 до 300-450. Увеличилось как количество подписчиков страницы автора проекта в социальной сети ВКонтакте (от 900 до 1860), так и количество подписчиков канала на видеохостинге YouTube (до 3026 чел., прирост составил +28,21 %). Последнее было ожидаемо и являлось целью комплексного продвижения (см. Табл.1).

С 12-15 декабря 2014 г. было начато продвижение проекта в социальной сети Facebook (<https://www.facebook.com/vitaliy.orekhov.1>). В течение декабря 2014 г. на YouTube-канал проекта подписались 570 чел. И прирост подписчиков составил +23,86 % по сравнению с предыдущим месяцем (см. Табл.1). Естественно, проанализировать прирост подписчиков, пришедших именно из этой социальной сети не представляется возможным, т.к. не существует точных инструментов статистики, позволяющих сделать это. Однако, видя столь резкий рывок роста, мы можем предполо-

¹ Бершадская, Л.А. и др. Социальные сети и социометрические исследования: теоретические основания и практика использования автоматизированного инструментария изучения виртуальных сообществ / Л.А. Бершадская, А.С. Биккулов, Е.В. Болгова, А.В. Чугунов, А.В. Якушев // Информационные ресурсы России. - 2012. - № 4 (128).

жить, что часть подписчиков пришла именно из Facebook.

С 01 мая 2015 г. было начато продвижение в социальной сети Instagram (<https://instagram.com/vitaliyorekhov/>). В течение мая на YouTube-канал проекта подписались 8262 чел. Прирост составил +42,50 %. В июне в описании аккаунта была добавлена прямая ссылка на YouTube-канал проекта и количество подписчиков выросло на 5738 чел (см. Табл.1). Также невозможно точно сказать, сколько подписчиков на канал проекта пришло из Instagram, однако такой рывок роста позволяет предположить, что наша гипотеза о взаимосвязи социальных сетей подтверждается.

08 сентября 2015 г. ссылки на канал проекта на видеохостинге YouTube и краткая справка об авторе проекта были опубликованы в посте (<http://kiss-my-abs.livejournal.com/140782.html>) блога Сони Гудим в социальной сети Живой Журнал (<http://kiss-my-abs.livejournal.com/>). Поскольку большинство пользователей Живого Журнала также имеют аккаунты в основных социальных сетях, большого роста подписчиков YouTube-канала не ожидалось. Однако целевая аудитория блога Сони Гудим имеет мало пересечений с целевой аудиторией проекта, поэтому ожидалось привлечение внимания новых пользователей тех социальных сетей, в которых реализуется продвижение проекта (см. Табл.1).

Таблица 1.
Динамика роста количества подписчиков YouTube-канала проекта за 11 месяцев (с 26.10.2014 по 26.09.2015).

Период продвижения (мес.)	Кол-во подписчиков (чел.)	Рост кол-ва подписчиков за мес. (чел.)	Темп прироста подписчиков по сравнению с пред. мес. (%)	Примеч.
Ноябрь 2014	434	-	-	
Декабрь 2014	1004	570	+23,86%	Начато продвижение в социальной сети Вконтакте на личной страница

				автора проекта
Январь 2015	1849	845	+32,54%	Начато продвижение в социальной сети Facebook
Февраль 2015	3026	1177	+28,21%	Паблики в социальной сети Вконтакте начали публиковать видео-контент проекта
Март 2015	5839	2813	+58,15%	
Апрель 2015	10590	4751	+40,79%	
Май 2015	18852	8262	+42,50%	Начато продвижение в социальной сети Instagram
Июнь 2015	24590	5738	-43,65%	
Июль 2015	28759	4169	-38,71%	
Август 2015	30440	1681	-148,00%	
Сентябрь 2015	34296	3856	+56,36%	Публикация в социальной сети Живой Журнал
Октябрь 2015	38526	5211	+23,51%	

Таким образом, комплексное продвижение проекта позволило максимально охватить целевую аудиторию, что привело к следующим результатам (см. Табл. 2). А также косвенно подтвердилась гипотеза о кроссплатформенном привлечении подписчиков из других социальных сетей.

Таблица 2.
Результаты комплексного продвижения за 12 месяцев (с 26.10.2014 по 30.10.2015).

Социальная сеть	Кол-во подписчиков(чел.)	Кол-во просмотров, (чел.)	Кол-во «лайков»	Кол-во комментариев	Репосты
YouTube	39316	17564751	134824	3586	нет данных
ВКонтакте	6608	38545973	18495	3207	1751
Facebook	370	463723	30	12	164

Insta-gram	1031	нет данных	8872	265	14
------------	------	------------	------	-----	----

Выводы: гипотезу о кроссплатформенном взаимодействии пользователей социальных сетей можно считать на примере исследуемого проекта косвенно подтвержденной, поскольку динамика роста количества подписчиков позволяет нам предположить это. Следовательно, по нашему мнению, социальные связи в виртуальном мире социальных сетей весьма сложны и определяются большим количеством факторов, поскольку взаимодействие акторов на сегодняшний день не ограничивается рамками одной социальной сети, а пронизывает всю социальную составляющую Интернета.

Список литературы

Boyd, D. M. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – № 13.

Fukuyama, F. The Great Disruption / F. Fukuyama. – London: Profile Books, 1999. – 494 с.

Тоискин, В. С. Классификация социальных сетей Интернет, как элементов социальных структур / В. С. Тоискин, В. В. Красильников. – Режим до-

ступа: <http://econf.rae.ru/article/7041> (дата обращения: 16.12.2012).

Социальные сети в России, весна 2015. Цифры, тренды, прогнозы. [Brand Analytics. Аналитика информационного поля бренда]. Режим доступа: <http://br-analytics.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii-vesna-2015-cifry-trendy-prognozy/>

Громыко Н.В. Интернет и постмодернизм — их значение для современного образования // Вопросы философии. - 2012. - №2.

Естрина О.В., Дулина Н.В. Социокультурное пространство: определение понятия // Человек, Культура, Общество: Межвуз. Сб. науч. тр. Волгоград: Волгоградский Политехник, - 2007.

Бобкова, И. А. Разработка классификации для анализа социальных сетей / И. А. Бобкова. – Режим доступа: <http://www.mce.su/archive/doc57318/doc.pdf> (дата обращения: 25.11.2012).

Бершадская Л.А. и др. Социальные сети и социометрические исследования: теоретические основания и практика использования автоматизированного инструментария изучения виртуальных сообществ / Л.А. Бершадская, А.С. Биккулов, Е.В. Болгова, А.В. Чугунов, А.В. Якушев // Информационные ресурсы России. - 2012. - № 4 (128).

Synchronisation.
Питер Грик.

РАЗДЕЛ 3

РЕЛИГИЯ

Абсалямов К. К. – Формы женского монашества в буддизме Тхеравады

Щетинина Е. В. – Кибер-религия как феномен современной религиозной культуры

Павлова Е. Ю. – Христианство в работах К.С. Льюиса. Ответы вызовам современности

Формы женского монашества в буддизме Тхеравады

Абсалямов К.К. — религиовед, магистрант РГТУ, Москва, Россия

I. Типология женского монашества.

Перед тем как рассмотреть многообразие форм женского монашества в современности, следует обратиться к устройству буддийского общества времён жизни и деятельности Будды. Для этого периода было характерно разделение буддистов на две социальные группы: тех, кто живёт жизнью домохозяина и тех, кто живёт отшельнической жизнью. Женщин, живущих мирской жизнью, палийские тексты обыкновённо называют *упасика*. Те женщины, которые уходили в жизнь монашескую, в свою очередь делились на три категории:

1. *Бхиккхуни* — женщины, получившие полное монашеское посвящение и взявшие на себя 311 основных обетов¹, изложенных в Бхиккхуни Винае, и 8 дополнительных, называемых гарудхаммами.

2. *Саманери* — женщины, получившие неполное монашеское посвящение и взявшие на себя лишь 10 обетов².

3. *Сиккхамана* — женщины, занимавшие промежуточный статус между бхиккхуни и саманери.

В настоящей статье под монашеством будет пониматься особый отшельнический образ жизни, противоположный домохозяинскому. Несмотря на то, что представительницы различных форм женского монашества в буддизме Тхеравады прини-

мают на себя различное количество обетов, есть ряд объединяющих их признаков. Таковыми являются: неукоснительное соблюдение celibата; подаяние как единственно возможная форма добывания средств к существованию и ношение особой одежды.

В настоящей статье мы выделяем два периода в истории женского монашества буддизма Тхеравады:

1. Период существования *бхиккхуни сангхи* от основания её Буддой до исчезновения в XI в. Представительницы *бхиккхуни сангхи* обладают всей полнотой монашеского статуса, поскольку сам Будда подтвердил их легитимность, и, как и монахи, являются «несравненным полем заслуг» (хотя и меньшим в сравнении с бхиккху).

2. Период появления различных форм женского монашества после исчезновения *бхиккхуни сангхи*. Эти формы можно объединить в две группы: традиционное и нетрадиционное (модернистское) женское монашество. К первому относятся те формы женского монашества, которые имеют продолжительную историю и, что важнее, являются легитимными, т.е. признаются государственной властью буддийских стран, мужским монашеским сообществом и буддистами-мирянами. Ко второму типу женского монашества относятся сообщества, возникшие относительно недавно (со второй половины XX века) и не имеющие признания ни со стороны государства, ни со стороны большинства монахов, ни со стороны подавляющей части мирян.

¹ См. The Bhikkhuni Patimokkha of the Six Schools. Translated by Chatsumarn Kabilsingh Ph.D. Thammasat University Press, Bangkok, Thailand, 1990.

² Список 10 обетов см. The Ten Precepts. URL: <http://www.accesstoinight.org/ptf/dhamma/sila/dasasila.html>.

Дата обращения: 02.11.2015.

Далее рассмотрим первый период – историю распространения и исчезновения *бхиккхуни сангхи*.

II. Распространение и исчезновение *бхиккхуни сангхи*.

Согласно каноническим текстам, учреждению *бхиккхуни сангхи* положил начало сам Будда. В Готами сутте (АН 8.51)¹, а также в повторяющем её комментарии к 391 стиху Дхаммапада² подробно излагаются причины и условия организации *бхиккхуни сангхи*. *Бхиккхуни* должны были исполнять 311 обетов, а также 8 гарудхамм — особых предписаний, выражающих подчинённое положение монахинь по отношению к монахам.

После смерти Будды его ученики начинают активную миссионерскую деятельность. В III в. до н.э. буддийский царь Асока отправляет миссию во главе с тхерой Махиндой на Шри Ланку, где Махинда обращает в буддизм ланкийского царя Деванампийатиссу и всё население острова. Вскоре после этого на Ланке «близ города Анурадхапуры для общины монахинь был сооружен первый женский буддийский монастырь – Упасикавихара»³. Так *бхиккхуни сангха* появилась в Шри Ланке.

Несмотря на то, что буддизм был в некоторой мере распространён на территории Индокитая (в Бирме, например, с V-VI вв.⁴), история окончательного установления Тхеравады в странах Юго-Восточной Азии начинается лишь с провозглашения её в качестве государственной религии. Именно государственная поддержка Тхеравады оказалась решающим условием для её укрепления в стране.

Первым государством, принявшим буддизм Тхеравады в качестве государственной религии стало королевство Баган (территория нынешней Мьянмы). Царь государства Баган Аноратха, живший в XI веке, установил буддизм в качестве государственной религии, отправлял по меньшей мере три миссии на Ланку и даже оказался запечатлён бирманскими хронистами как царь, «благочестие» которого столь велико, что он пошёл войной на

соседнюю страну Татон с целью захвата буддийских текстов и святынь⁵.

В XIII веке буддизм Тхеравады проникает на территорию нынешнего Таиланда: первые правители тайского королевства Сукхотаи (1238–1438) были последователями учения Будды. Они активно способствуют распространению Дхаммы среди таи, покровительствуют сангхе, отправляют миссии на Ланку с целью получения священных реликвий⁶. Третий правитель Сукхотаи Рамакхамхаенг Великий сделал буддизм Тхеравады государственной религией, а также пригласил монаха из Након-Ситаммарата стать главой сангхи в Сукхотаи⁷.

В Камбодже буддизм начинает пользоваться государственной поддержкой при короле Джаявармане VII (1181-1218), однако ещё некоторое время продолжает соперничать с шиваизмом. После правления Джаявармана VII королевской поддержкой пользовалась то буддийская религия, то шиваитская, пока к власти не пришёл выходец из низов по имени Чай (1336-1340), со времени правления которого буддизм Тхеравады окончательно становится государственной религией Камбоджи⁸.

Наконец, укрепление позиций буддизма Тхеравады в Лаосе связано с деятельностью правителя лаосских земель Фангума (1316-1374), который сумел объединить несколько лаосских княжеств в единое государство Лансанг, после чего провозгласил себя его королем в 1353 г. и решил сделать буддизм, господствовавший в соседней Камбодже, религией своего королевства. Его намерения нашли полную поддержку у камбоджийского короля Сурьявамсы, который направил в Лансанг специальную делегацию с монахами и буддийскими текстами⁹. С этого времени Тхеравада прочно укрепилась на территории современного Лаоса.

Таким образом, укрепление позиций буддизма Тхеравады в странах Юго-Восточной Азии нача-

¹ АН 8.51. Готами сутта. URL: http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an8_51-gotami-sutta-sv.htm. Дата обращения: 05.06.2015.

² Дхаммапада. Стихи и притчи. Харьков: ФЛП Коваленко А.В., 2010. С. 397-398.

³ Семёка Е.С. История буддизма на Цейлоне. (Сангха в древности и в Средние века). М.: Наука, 1969. С. 20.

⁴ Можейко И.В. 5000 храмов на берегу Иравади (Паганское царство). М.: Наука, 1967. С. 126-129.

⁵ О достоверности этой легенды см. Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы (Краткий очерк). М.: Наука, 1973. С. 20.

⁶ Мельниченко Б.Н. Буддийская община и государство в традиционном тайландском обществе XV–XIX вв. // Делюсин Л.П. (отв. ред.) - Буддизм и государство на Дальнем Востоке. Сборник статей. 1987. С. 204.

⁷ Ребрикова Н.В. Таиланд. Социально-экономическая история XIII–XVIII вв. М., 1977. С. 111.

⁸ Бектимирова Н.Н. Буддизм в Камбодже. // Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. — М.: Вост. лит., 2011. С. 852.

⁹ Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII – XVI веках. М.: Наука, 1982. С. 23.

лось лишь с XI века и так или иначе было связано с ланкийской его формой. Данный экскурс в историю буддизма стран Юго-Восточной Азии был необходим для иллюстрации того, что учение Будды укрепилось в данных странах прежде всего тогда, когда оно заручилось поддержкой государства.

Теперь вновь обратимся к Шри Ланке. В XI веке, как раз, когда Аноратха впервые в истории стран Индокитая отправлял миссии на Ланку, на этом острове началась война с южноиндийским государством Чола. В результате военной экспансии чолов «многие монастыри и вихары, служившие опорными пунктами сингальских войск в борьбе против господства Чолов на острове, сильно пострадали и были разрушены отступающими тамильскими войсками»¹. Буддизм был практически уничтожен, и лишь после победы сингальского царя Виджаябаху I в 1073 г. началось возрождение буддизма в Ланке. Царь «восстановил разгромленные буддийские храмы и монастыри, наделив их земельными угодьями и богатыми дарами»².

Некоторые исследователи, например, Чатсуман Кабилсингх, предполагают, что война сингалов с чолами послужила причиной исчезновения *бхиккхуни сангхи*³. Принимая во внимание трудности *бхиккхуни*, связанные с соблюдением большого числа обетов, такое предположение представляется весьма вероятным. Тем более, что бирманские летописи ничего не сообщают о прибытии из Ланки монахинь, говоря лишь о монахах⁴. Если вслед за буддологом Фридгарт Лоттамосой всё же допустить, что тхеравадинская женская сангха всё-таки присутствовала на территории Юго-Восточной Азии⁵, то остаётся проблема с их поддержкой: баганский правитель Анортха стал покровительствовать не тем буддийским школам, которые были на территории его королевства, а ланкийской сангхе, которая посетила Баган уже

после войны с Чола (а, значит, и после исчезновения *бхиккхуни сангхи* на Ланке).

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что женская монашеская община, принадлежащая к линии буддийской школы Тхеравада, прекратила своё существование в XI веке н.э.

Вместе с тем важно отметить, что линия женского монашества не прерывалась в буддийских традициях Китая, Вьетнама, Тайваня, Японии и Кореи, и была основана на Бхиккхуни Винае школы Дхармагуптака. Дхармагуптака оформилась как самостоятельная буддийская школа в III в. до н.э. От Тхеравады её отличает иной состав Канона (помимо трёх тхеравадинских питак они включили в состав Канона ещё три) и ряд философских положений⁶. В дальнейшем Виная Дхармагуптаки стала основой некоторых школ Махаяны, которые распространены в указанных выше регионах.

III. Традиционные формы женского монашества.

Линия рукоположения *бхиккхуни* исчезла в XI веке, однако потребность женщин оставить мирскую жизнь и вести монашескую по-прежнему осталась. Это стремление породило новые виды женского монашества, которые приняли в целом общую форму за исключением незначительных региональных различий. Важной особенностью этих сообществ является то, что монашеский статус их представительниц является достаточно условным. Так как линия рукоположения, идущая от Будды, прервалась вместе с исчезновением *бхиккхуни сангхи*, то новообразованные сообщества для женщин, желающих посвятить жизнь углублённой религиозной практике, в силу отсутствия линии преемственности не могли претендовать на тот же статус, которым обладала *бхиккхуни сангха*. Выходит, что, строго говоря, *de jure* эти женщины являются мирянками. Однако образ жизни у них принципиально отличается от мирского и в той или иной степени копирует монашеский. В то же время (и это очень важно!), представительницы этих сообществ сами не претендуют на то, чтобы назваться монахинями в том смысле, в котором являлись монахинями члены *бхиккхуни сангхи*. Получается, что они занимают как бы промежуточное положение между мирянками и мо-

¹ Сафронова А.Л. История Шри Ланки (Цейлона). // История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в средние века. М.: Вост. лит., 2002. С. 149.

² Там же. С. 294.

³ Dr. Chatsumarn Cabilsingh. The History of the Bhikkhuni Sangha. URL: http://archive.thubtenchodron.org/BuddhistNunsMonasticLife/LifeAsAWesternBuddhistNun/the_history_of_the_bhikkhuni_sangha.html. Точка обращения: 04.06.2015.

⁴ Паньясами. Сасанавамса. История буддийской общины Бирмы / Пер. с пали О.С. Сорокиной // Буддизм в переводах. СПб.: «Андреев и сыновья», 1993. С. 219-256.

⁵ Dr. Friedgard Lottermoser. Buddhist Nuns in Burma. URL: <http://www.enabling.org/ia/vipassana/Archive/L/Lottermoser/burmesenNunsLottermoser.html>. Точка обращения: 04.06.2015.

⁶ См. Шохин В.К. Школы индийской философии: Период формирования (IV в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Восточная литература, 2004. С. 124-127.

нахинями: мирянки по статусу, но монахини по образу жизни. Во многом именно по этой причине представительницы традиционного женского монашества имеют признание со стороны буддийского общества (в отличие от модернистских форм).

Наиболее ранние известные исследователям случаи ухода женщин от мирской жизни, относятся ко времени существования государства Аюттия (1351-1767)¹ (современная территория Таиланда). Тайские женщины, принимающие решение заниматься углублённой религиозной практикой, получили название *мэ чи*. *Мэ* означает «мать», происхождение слова *чи* не до конца ясно, возможно оно связано с контекстом аскетической жизни².

Об истории *мэ чи* до XX столетия практически ничего не известно. Сегодня *мэ чи* бреют голову и брови, принимают 8³ или 10 обетов от монахов или других *мэ чи*, носят специальную рясу белого цвета. Женщины, которые становятся *мэ чи* на недолгий срок, имеют возможность оставить волосы. С 60-х гг. XX века *мэ чи* начинают поддерживаться правительством Таиланда. Основой для них служит буддийский университет при монастыре Ват Боворнивес в Бангкоке, есть также Ват Пакнам в Тхонбури, и институт Пактхо в Ратчабури⁴. В 1969 году Верховным Патриархом Таиланда была организована общенациональная встреча *мэ чи*⁵. При его поддержке был также организован Тайский Институт *Мэ чи*⁶.

Также покрыта тайной история и современная жизнь монахинь в Лаосе и Камбодже. Известно лишь, что лаосские женщины, посвятившие жизнь углублённой религиозной практике, носят название *мэ као* или *мэ ксин*. В современной Камбодже такие женщины называются *дончи*. Однако ни о тех, ни о других в научной литературе нет практически никаких сведений.

Гораздо лучше известно история женского монашества в Мьянме, где оно носит название *тилашин*. Это слово происходит от сочетания двух бирманских слов *тила* и *шин*. Первое является бирманизированной формой палийского слова *silā*, что означает «нравственность» (иногда это слово используется в значении «нравственные обеты»), второе означает «держатель», «обладатель». Таким образом, *тилашин* означает «держатель нравственных обетов».

Вероятнее всего, *тилашин* впервые появляются во время правления бирманского короля Миндона (1853-78) на фоне общего подъёма буддизма в стране. Первой *тилашин* стала женщина по имени Май Кин, родившаяся в Манипуре в 1814 году. После того, как Манипур был завоёван бирманским принцем Таявади, один из бирманских министров удочерил Май Кин. Спустя некоторое время буддийский монах Туткхаунг Саядо впервые совершил обряд посвящения Май Кин в *тилашин*. Под его руководством она изучала язык пали, затем преподавала в новообразованной столице Бирмы городе Мандалае⁷.

Май Кин жила в пещерном монастыре, где обучала новых *тилашин* и мирян. Король Миндон испытывал большое уважение к Май Кин и предложил ей вместе с учениками переехать в королевский дворец. Май Кин неохотно согласилась и после переезда занялась обучением принцесс и приближённых к королевскому двору женщин⁸. Так институт *тилашин* получил государственную поддержку и стал массово распространяться по всей стране.

Сегодня *тилашин* живут при монастырях, разделяя друг меж другом сферы обязанностей. Часть *тилашин* занимается бытовыми вещами, такими, к примеру, как готовка и уборка. Другая часть *тилашин* обучается буддийской философии. «Неверно считать, что большинство монахинь суть слуги для монахов. Я встречалась со многими образованными *тилашин*, которые даже были не в состоянии вскипятить воду»⁹, пишет исследовательница этого феномена Хироко Каванами.

В отличие от монахов, *тилашин* не лишены права наследования имущества. Они держат 8

¹ Monica Lindberg Falk. Thammacharini Witthaya. The First Buddhist School for Girls in Thailand. // Innovative Buddhist Women: Swimming Against the Stream. Curzon press, 2000. С. 62.

² Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 36-37.

³ Список 8 обетов см. The Eight Precepts. URL: <http://www.accesstoinight.org/ptf/dhamma/sila/atthasila.html>. Дата обращения: 02.11.2015.

⁴ David L. Gosling. The Changing Roles of Thailand's Lay Nuns (Mae Chii) // Southeast Journal of Social Science 26, no. 1. 1998. С. 128.

⁵ Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 39.

⁶ Там же.

⁷ Bhikkhuni Kusuma. The First Ten-Precept Nun of Sri Lanka and the Burmese Thila-Shin Connection. // Canadian Journal of Buddhist Studies, Number 6, 2010. С. 130.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Там же.

обетов. Большинство *тилашин* принимают и используют деньги, и лишь небольшая часть отказывается от этого¹. *Тилашин* бреют головы и носят особую рясу розового цвета.

Наконец, последней формой женского традиционного монашества после исчезновения *бхиккхуни сангхи* стал институт *даса сила мата* (букв. «мать, принявшая десять обетов»), существующий на территории Шри Ланки. *Даса сила мата* живут на пожертвования мирян. Пищу они получают в качестве подаяния; когда же подаяния нет, то они готовят сами. Они бреют головы и носят одежду, напоминающую монашеские рясы.

Их жизнь можно разделить на два аспекта: религиозный и социальный. Религиозный заключается в ежедневном участии в *пудже* (буддийская церемония), чтении специальных текстов и медитации. Социальный аспект находит выражение в проведении мероприятий для буддийских детей, пении *пирит* (канонических текстов, которые, с точки зрения приверженцев буддийской религии, оказывают благотворное воздействие на слушателей) для беременных женщин, уходе за больными и социальной работе для неимущих.

Первый «скит» для женщин (после исчезновения *бхиккхуни сангхи*), держащих 10 обетов, известный под названием Сангхамитта Упасикара-мая, был учреждён в Коломбо в 1898 году известным буддийским деятелем Анагарика Дхармапалой и организован мадам дэ Сюэза Канверро – американкой, перешедшей в буддизм из католичества. Обитель Сангхамитта Упасикара-мая находилась под влиянием идей как Теософского общества, так и католицизма. Успех этой организации был недолговечен².

Сегодняшние *даса сила мата* ведут свою родословную от сподвижницы Анагарики Дхармапалы Кэтрин де Элвис, которая известна как основательница ордена *даса сила мата*, принявшая после перехода из англиканства в буддизм имя Судхармачари. Живя на Шри Ланке, Кэтрин общалась с паломниками из Бирмы, среди которых были *тилашин*, и в 1894 году она отправилась с ними в Бирму, где прожила 11 лет. Будучи принятой в ряды *тилашин*, она возвращается на Ланку в 1905

году с выбритой головой и в жёлтой рясе, чтобы основать орден *даса сила мата*³.

В 80-х гг. XX века правительство Шри Ланки начало предпринимать попытки организовать движение *даса сила мата*. Были основаны различного рода объединения и учебные центры. В 1986 году была создана Национальная организация Даса сила мата (Sil Mata Jatika Mandalaya), которая проводит ежегодные съезды в день декабрьского полнолуния, называемый Uduwar Pooya, в которой, согласно буддийской традиции, *бхиккхуни* впервые посетили Ланку⁴.

Итак, в каждой из рассмотренных нами стран в разное время возникали движения, дающие женщинам возможность оставить мирской образ жизни. Однако не все женщины были удовлетворены таким положением дел. Находились те, кто хотел улучшить свой статус посредством возрождения исчезнувшей в XI веке *бхиккхуни сангхи* и уравнения статуса монахинь со статусом монахов.

IV. Нетрадиционные (модернистские) формы женского монашества.

Попытки возродить *бхиккхуни сангху* начали предприниматься с XX века. Немецкая исследовательница бирманского буддизма Фридгарт Лоттамоса говорит о трёх неудачных попытках возродить *бхиккхуни сангху* в Бирме. Первая попытка была в 1932 году, когда некий монах (Лоттамоса без ссылки на источник называет имя Шин Адичча; нигде больше это имя не встречается) тайно рукоположил двух женщин. Монах, на которого пало подозрение, был вынужден покинуть сангху, а женщины вскоре расстриглись под давлением остракизма⁵.

Вторая попытка случилась в 50-х, когда монах Джетавана Саядо (учитель известного в современной Мьянме монаха Махаси Саядо) написал комментарий к Милиндапаньхе – классическому памятнику буддийской философии, – в котором он выступил за возможность рукоположения *бхиккхуни* сегодня. Правда, его мнение осталось лишь мнением и ни к каким действиям не привело. Наконец, последняя безуспешная попытка случи-

¹ Hiroko Kawanami. The Religious Standing of Burmese Buddhist Nuns (thila-shin): The Ten Precepts and Religious Respect Words. // The Journal of the International Association of Buddhist studies. Volume 13. Number 1. 1990. C. 24-25.

² Nirmala S. Salgado. Ten-Precept Mothers as Theravadin Nuns. // Encyclopedia of Monasticism. Routledge, 2000. C. 1240.

³ Bhikkhuni Kusuma. The First Ten-Precept Nun of Sri Lanka and the Burmese Thila-Shin Connection. // Canadian Journal of Buddhist Studies, Number 6, 2010. C. 123.

⁴ Nirmala S. Salgado. Ten-Precept Mothers as Theravadin Nuns. // Encyclopedia of Monasticism. Routledge, 2000. C. 1241.

⁵ Donald K. Swearer. The Buddhist world of Southeast Asia. State University of New York Press, 2010. C. 195.

лась в 1970 году, когда некая мирянка предложила правительству Бирмы основать общину *бхиккхуни*¹. Как уже было сказано, ни одна из этих попыток не увенчалась успехом.

Несмотря на это, в 1971 г. случилась первая успешная в плане долгосрочности ординация *необхиккхуни*. Жительница Таиланда по имени Ворамаи Кабилсингх отправилась на Тайвань, где получила монашеское посвящение в линии Дхармагуптака. Следует сказать, что ранее, ещё в 1956 году она приняла 8 обетов *мэ чи* от Пра Проммуни², однако вместо традиционной белой одежды стала носить светло-жёлтую, а также стала называть себя *нак буат* (посвящённая). Вокруг неё сформировался круг последовательниц, которые вслед за ней носили светло-жёлтые рясы, вегетарианствовали и усиленно практиковали медитацию. В 1957 г. Ворамаи купила землю недалеко от Бангкока, а спустя несколько лет открыла там первый женский монастырь в Таиланде под названием Ват Сонгдхаммакальяни³, куда впоследствии вернулась вскоре после ординации. Это событие, по-видимому, следует считать отправной точкой развития движения *необхиккхуни*.

12 августа 1996 г. группа сингальских *даса сила мата* получили посвящение в *необхиккхуни* в Саранатхе (Индия) посредством монахинь из Кореи. Исследовательница ланкийского буддизма Амарасири Вираратне восторженно комментирует это событие: «Наконец Шри-Ланка выходит из списка стран третьего мира с плохой репутацией в области прав человека в современной демократии, которая признаёт права женщин...»⁴. Спустя два года эти *необхиккхуни* вернулись в Шри-Ланку, что открыло дорогу для рукоположений непосредственно на ланкийской территории.

В 2001 году дочь Ворамаи Кабилсингх, Чатсуман, была рукоположена на Ланке в *саманери*, а двумя годами спустя получила полное монашеское посвящение, приняв имя Дхаммананда⁵. Вернувшись в Таиланд, в монастырь своей матери,

она продолжает её дело по сей день. Важно отметить, что Верховный Совет Сангхи в Таиланде не признал легитимность *необхиккхуни*. Однако Дхаммананду это не останавливает. «Признание приходит после доверия», говорит она. «Я докажу, что бхиккхуни являются благом для тайского буддизма. Это – миссия моей жизни»⁶.

В 2009 году в монастыре австралийского города Перт происходит ординация четырёх женщин в *необхиккхуни*. Их рукоположил известный бхиккху западного происхождения аджан Брахмавамсо (известный также как аджан Брахм)⁷.

На сегодняшний день *необхиккхуни* имеют свои монастыри по всему миру: как в западных странах (Австралия, США, Чехия, Германия, Британия, Новая Зеландия, Канада), так и в традиционных буддийских азиатских странах (Таиланд, Вьетнам, Непал, Камбоджа, Индия, Шри Ланка)⁸.

Существует несколько организаций, поддерживающих *необхиккхуни*. С 1987 действует организация «Сакьядита», штаб-квартира которой располагается на Ланке. В качестве своих задач организация ставит поддержку *необхиккхуни*, расширение их прав и возможностей, а также помощь в признании их со стороны общества⁹. Первый президент этой организации, Кусума Девендра, в 1996 году прошла ординацию в *необхиккхуни*. В настоящее время она живёт в Коломбо (Шри Ланка)¹⁰.

В 2005 году был основан Фонд Сараналока, который ориентирован на поддержку *необхиккхуни* в Англии и США. С 2009 года фонд открыл монастырь для *необхиккхуни* Алока Вихара в Сан-Франциско¹¹.

Заслуживает упоминания организация «Альянс бхиккхуни». Согласно информации с официального сайта, «основанная в 2007 году, «Альянс бхиккхуни».

¹ Dr. Friedgard Lottermoser. Buddhist Nuns in Burma. URL: <http://www.enabling.org/ia/vipassana/Archive/L/Lottermoser/burmesenunsLottermoser.html>. Дата обращения: 07.02.2015.

² Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 45-54.

³ Donald K. Swearer. The Buddhist world of Southeast Asia. State University of New York Press, 2010. С. 195.

⁴ D. Amarasiri Weeraratne. Revival of the Bhikkhuni Order in Sri Lanka. URL: <http://www.buddhanet.net/nunorder.htm>. Дата обращения: 06.04.2015.

⁵ См. Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 46-55.

⁶ Цит. по: Vishvapani. Bold Step for Nuns. URL: <http://www.dharmalife.com/issue19/asianbikkhunis.html>. Дата обращения: 07.04.2015.

⁷ Ajahn Brahm. Gender Equality and the Empowerment of Women in Theravada Buddhism. URL: <http://www.dhammadownload.com/au/home/item/1684-gender-equality-transcript.html>. Дата обращения: 29.03.2015.

⁸ Alliance for Bhikkhunis. Directory. URL: <http://www.bhikkhuni.net/directory/>. Дата обращения: 20.02.2015.

⁹ Sakyadhita in Sri Lanka. Goals. URL: <http://www.sakyadhita-srilanka.org/index.php/Sakyadhita/Goals>. Дата обращения: 01.03.2015.

¹⁰ См. её веб-страницу: Venerable Bhikkhuni Kusuma. URL: <http://www.bhikkhunikusuma.info/bhikkhunikusuma.html>. Дата обращения: 01.03.2015.

¹¹ Saranaloka Foundation. URL: <http://saranaloka.org/about/saranaloka-foundation/>. Дата обращения: 27.03.2015.

кхуни» является базирующейся в Соединённых Штатах некоммерческой организацией, стремящейся поддерживать рукоположенных в буддизме Тхеравады женщин (бхиккхуни)¹. Свою цель данная организация видит в «поддержке и защите развития международной бхиккхуни сангхи посредством образования, устойчивого экономического расширения прав и возможностей, выделения ресурсов на здравоохранение <...> для гендерно сбалансированного подхода к тхеравадинскому монашеству»². Впрочем, список подобных организаций более пространен, выше были указаны наиболее активные.

Для большинства членов тхеравадинского общества появление *необхиккхуни* осмысливается как негативный факт. Собственно, сам их монашеский статус вызывает сомнения у большей части мирян и монахов. На почве появления *необхиккхуни* выросла продолжительная дискуссия о легитимности этого сообщества, в которой приняли участие известные в буддийском мире монахи Бодхи³, Суджато⁴, Паютто⁵ и др. Впрочем, даже поверхностный разбор аргументов обеих сторон нуждается в отдельном исследовании; кроме того, мы не ставили перед собой подобную задачу.

Помимо *необхиккхуни*, новейшая история буддизма знает ещё одну форму женского монашества, чисто западную по своему происхождению. Речь идёт о *силадхара* – особой разновидности женского монашества, появившейся благодаря деятельности буддийского монаха европейского происхождения аджана Сумедхо.

В 1977 году аджан Сумедхо прибывает в Великобританию, двумя годами позднее он основывает на юге Англии монастырь Читтавивека, где в том же году поселяются четыре мирянки с целью более глубокой практики Дхаммы. К концу 1979 года эти четыре женщины начинают носить белые

одежды, принимают восемь обетов и начинают называться *анагарика*.

Со слов аджана Сучитто⁶, в 1983 году аджан Сумедхо получил разрешение от тайской сангхи на создание *силаванти* – буддийских монахинь, держащих 10 обетов. По просьбе аджана Сумедхо, аджан Сучитто обучал их с 1984 по 1991 гг. После 1990 года из официальное именование были изменено на *силадхара*⁷. Начиная с 2008 года *силадхара* стали брать не 10 обетов, а 100, основанных на *бхиккхуни патимоккхе*. После нескольких лет дебатов о статусе *силадхара* в южном буддизме, аджан Сумедхо написал т.н. «Пять пунктов»⁸, которые, по его мнению, помогли бы выйти из этой непростой ситуации.

Эти «пять пунктов» подтвердили традиционную модель, основанную на взаимоотношении бхиккху и бхиккхуни, в которой, не смотря на взаимное уважение, статус монахини был ниже статуса монаха. Решительный характер этой декларации вызвал бурю негодования в интернете, поскольку многие ожидали от неё провозглашения принципа равенства между монахами и монахинями⁹. Несколько *силадхара* сняли с себя обеты, выразив тем самым своё несогласие с сексистским, по их мнению, характером данной декларации. Несмотря на это, орден *силадхара* продолжает функционировать, в основном на территории британского монастыря Амаравати¹⁰.

Итак, кратко рассмотрев указанные выше формы нетрадиционного женского монашества мы считаем необходимым заострить внимание на нескольких обстоятельствах. Во-первых, несмотря на то, что в буддийских обществах наличествуют сообщества для женщин, желающих заниматься углублённой религиозной практикой — и эти сообщества признаются как государственной вла-

¹ Alliance for Bhikkhunis. URL: <http://www.bhikkhuni.net/>. Дата обращения: 15.02.2015.

² Alliance for Bhikkhunis. Mission. URL: <http://www.bhikkhuni.net/mission/>. Дата обращения: 20.02.2015.

³ См. Bhikkhu Bodhi. Can the Theravada Bhikkhuni Order be Re-established? It Already Has. URL: <http://saranaloka.org/wp-content/uploads/2013/07/bhi-bodhi-can-the-bhikkhuni-order-be-reestablished-2013.pdf>. Дата обращения: 15.03.2015.

⁴ Sujato bhikkhu. Bhikkhuni FAQ. A conversation with a sceptic. URL: <https://sites.google.com/site/santipada/bhikkhunifaq>. Дата обращения: 27.04.2015.

⁵ Phra Payutto, Dr. Martin Seeger. The Buddhist Discipline in Relation to Bhikkhunis. Questions and Answers. URL: <http://buddhistteachings.org/files/The%20Buddhist%20Discipline%20in%20Relation%20to%20Bhikkhunis.pdf>. Дата обращения: 08.04.2015.

⁶ Ajahn Sucitto. The Creation of the Order of Siladhara. URL: <http://www.fsnewsletter.amaravati.org/html/81/order.htm>. Дата обращения: 07.04.2015.

⁷ Phra Payutto, Dr. Martin Seeger. The Buddhist Discipline in Relation to Bhikkhunis. Questions and Answers. URL: <http://buddhistteachings.org/files/The%20Buddhist%20Discipline%20in%20Relation%20to%20Bhikkhunis.pdf>. Дата обращения: 08.04.2015. С. 295.

⁸ См. 5 Points for the UK Siladharas. URL: <http://www.bhikkhuni.net/wp-content/uploads/2013/08/5-Points-for-the-UK-Siladharas.pdf>. Дата обращения: 05.06.2015.

⁹ Sujato bhikkhu. A recent Siladhara ordination. URL: <https://sujato.wordpress.com/2010/04/01/a-recent-siladhara-ordination>. Дата обращения: 28.04.2015.

¹⁰ Female Monastic Community. URL: <http://www.amaravati.org/about/female-monastic-community/>. Дата обращения: 11.11.2015.

стью тхеравадинских стран, так и большинством её населения — мирского и монашеского, — ряд буддистов находит их неудовлетворительными и стремится восстановить *бхиккхуни сангху*.

Во-вторых, в среде *необхиккхуни* явственно прослеживается желание не столько улучшить условия для религиозной практики, сколько уравнять статус монахов и монахинь (вопреки традиционному положению, зафиксированному в канонических буддийских текстах, согласно которому статус монахинь ниже статуса монахов). Попытки взглянуть на буддизм сквозь призму равенства прав мужчин и женщин доходят до того, что некоторые монахи называют Будду «первым феминистом»¹.

В-третьих, следует отметить, что такая позиция выражает некоторое пренебрежение к интересам мирян, ведь в связи с появлением *необхиккхуни* встаёт вопрос об их статусе с точки зрения практики даяния и накопления заслуг. Развитие щедрости посредством акта подаяния является для буддистов-мирян одной из главных религиозных практик. Подаяние, согласно буддийским представлениям, обеспечивает мирянам «накопление заслуг» и напрямую влияет на будущие рождения. Но подаяние разным объектам приносит разный результат. Так, к примеру, подношение человеку даёт более высокий результат, нежели подношение животному. Равным образом, подношение монахам предпочтительнее подношению мирским людям². Если же некто выдаёт себя за монаха, но в действительности им не является (например, по причине отсутствия рукоположения), то он тем самым вводит в заблуждение мирян, совершающих какое-либо подаяние. Посему мирянин, желающий совершить подаяние *необхиккхуни*, встаёт перед вопросом, кому же, собственно, будет совершено подношение: мирянке в монашеской рясе или полностью посвящённой монахине?

Наконец, заключительным феноменом, рассмотренным нами, является движение Санти Асоке. Буддийское движение Асоке возникло на территории Таиланда в 60-х гг. XX века. Его основателем был монах пра Бодхирак — до своего руко-

положения известный актёр, который вначале проповедовал как мирянин, а позже был ординирован сначала в Тхаммают Никае, затем он перешёл в Маха Никаю. Особенностью этого движения является ориентация на «возвращение к подлинному духу буддизма»³, вегетарианство⁴, отказ от курения⁵ и т. п. В одном из монастырей этого движения, Санти Асоке, пра Бодхирак начал осуществлять рукоположение женщин. Новоординированные женщины получили название *сикхамат*. Они брали на себя 10 обетов и носили коричневые рясы. Число *сикхамат* ограничивалось количеством бхиккху; по их мнению, в идеале их должно быть не более 25% от общего количества обитателей монастыря⁶.

В 1989 году Асоке выразила открытую поддержку одной политической партии, чей успех являлся угрозой для действующей политической силы. Эта поддержка привела к критике движения Асоке со стороны «официальной» Сангхи. Обвинения касались, во-первых, заявлений Бодхирака о том, что тот достиг Пробуждения, во-вторых, отсутствия знаний в области языка пали, что привело к неправильному толкованию главных буддийских положений, и в-третьих, непримиримой позиции Бодхирака в вопросе необходимости вегетарианства⁷.

Вследствие давления государства и Сангхи, и даже начавшегося в том же году суда над Бодхираком⁸, тот перестал носить коричневую рясу и теперь ходит в белой одежде. Что же до *сикхамат*, то суд признал, что они не являются полноправными монахинями (*бхиккхуни*)⁹; сами же сикхаматы, вслед за Бодхираком, сняли коричневую рясу; теперь они ходят в рясе серого цвета.

Движение Асоке продолжает функционировать и сегодня. Среди *сикхамат* много образованных, владеющих иностранными языками женщин, мо-

¹ Sujato bhikkhu. Bhikkhuni FAQ. A conversation with a sceptic. URL: <https://sites.google.com/site/santipada/bhikkhunifaq>. Дата обращения: 27.04.2015.

² Подробную схему см. МН 142. Даккхинавибханга сутта. URL: <http://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn142-dakkhinabibhanga-sutta-sv.htm>. Дата обращения: 08.03.2016.

³ Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 61.

⁴ Буддизм Тхеравады не запрещает своим последователям употреблять в пищу мясо.

⁵ В Винае нет запрета на курение.

⁶ Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 61.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Marja-Leena Heikkilä-Horn. Santi Asoke Buddhism and the Occupation of Bangkok International Airport. // ASEAS 3(1), 2010. С. 34.

⁹ Там же.

гуших, по мнению Кабилсингх, составить конкуренцию большинству *мэ чи*¹.

V. Заключение.

В настоящей статье была предпринята попытка первого в отечественной науке систематического анализа женского монашества в буддизме Тхеравады. Безусловно, настоящая статья не является исчерпывающим исследованием этого сложного и неоднозначного феномена. Автор попытался дать лишь краткий обзор многообразных форм женского буддийского монашества. Резюмируя содержание настоящей статьи, обозначим наиболее важные пункты:

1. Женский монашеский орден – *бхиккхуни сангха* – был основан самим Буддой и просуществовал до XI века.

2. После исчезновения *бхиккхуни сангхи* в буддийских странах начали появляться сообщества мирянок, которые в той или иной степени копировали монашеский образ жизни. Эти сообщества, обозначенные нами как традиционные формы женского монашества, признаются в буддийских странах государством, монахами и мирянами.

3. Со второй половины XX века независимо друг от друга стали появляться сообщества женщин, не просто претендующие на обладание монашеским статусом, но и на равное положение с *бхиккху*. В их деятельности характерен упор на борьбу за равенство мужчин и женщин в буддизме. Эти сообщества не являются легитимными в странах южного буддизма.

Появление модернистских тенденций в Тхераваде вызвало неоднозначное отношение со стороны буддийского общества. Можно сказать, что буддийский тхеравадинский мир раскололся на сторонников и противников нововведений, касающихся возможности возобновления рукоположения женщин в *бхиккхуни*, что, впрочем, является предметом отдельного исследования. Мы же стремились кратко осветить историю возникновения и развития женского монашества в Тхераваде и особенности его многочисленных форм. Содержание полемики в буддийском обществе вокруг феномена *необхиккхуни* мы намеренно заключили в скобки.

Список литературы

Дхаммапада. Стихи и притчи. Харьков: ФЛП Коваленко А.В., 2010.

Бектимирова Н.Н. Буддизм в Камбодже. // Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. — М.: Вост. лит., 2011.

Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII – XVI веках. М.: Наука, 1982.

Можейко И.В. 5000 храмов на берегу Иравади (Паганское царство). М.: Наука, 1967.

Можейко И.В., Узанов А.Н. История Бирмы (Краткий очерк). М.: Наука, 1973.

Мельниченко Б.Н. Буддийская община и государство в традиционном тайландском обществе XV—XIX вв. // Делюсин Л. П. (отв. ред.) - Буддизм и государство на Дальнем Востоке. Сборник статей. 1987.

Паньясами. Сасанавамса. История буддийской общины Бирмы / Пер. с пали О.С. Сорокиной // Буддизм в переводах. СПб.: «Андреев и сыновья», 1993.

Ребрикова Н. В. Таиланд. Социально-экономическая история XIII— XVIII вв. М., 1977.

Сафронова А.Л. История Шри Ланки (Цейлона). // История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в средние века. М.: Вост. лит., 2002.

Семека Е.С. История буддизма на Цейлоне. (Сангха в древности и в Средние века). М.: Наука, 1969.

Шохин В.К. Школы индийской философии: Период формирования (IV в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Восточная литература, 2004.

Bhikkhuni Kusuma. The First Ten-Precept Nun of Sri Lanka and the Burmese Thila-Shin Connection. // Canadian Journal of Buddhist Studies, Number 6, 2010.

Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991.

David L. Gosling. The Changing Roles of Thailand's Lay Nuns (Mae Chii) // Southeast Journal of Social Science 26, no. 1. 1998.

Donald K. Swearer. The Buddhist world of South-east Asia. State University of New York Press, 2010.

Hiroko Kawanami. The Religious Standing of Burmese Buddhist Nuns (thila-shin): The Ten Precepts and Religious Respect Words. // The Journal of the International Association of Buddhist studies. Volume 13. Number 1. 1990.

¹ Chatsumarn Kabilsingh. Thai Women In Buddhism. Parallax Press, 1991. С. 62.

Marja-Leena Heikkilä-Horn. Santi Asoke Buddhism and the Occupation of Bangkok International Airport. // ASEAS 3(1), 2010.

Monica Lindberg Falk. Thammacharini Witthaya. The First Buddhist School for Girls in Thailand. // Innovative Buddhist Women: Swimming Against the Stream. Curzon press, 2000.

Nirmala S. Salgado. Ten-Precept Mothers as Theravadin Nuns. // Encyclopedia of Monasticism. Routledge, 2000.

The Bhikkhuni Patimokkha of the Six Schools. Translated by Chatsumarn Kabilsingh Ph.D. Thammasat University Press, Bangkok, Thailand, 1990.

АН 8.51. Готами сутта. URL: http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an8_51-gotami-sutta-sv.htm. Дата обращения: 05.06.2015.

МН 142. Даккхинавибханга сутта. URL: <http://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn142-dakkhinabibhanga-sutta-sv.htm>. Дата обращения: 08.03.2016.

5 Points for the UK Siladharas. URL: <http://www.bhikkhuni.net/wp-content/uploads/2013/08/5-Points-for-the-UK-Siladharas.pdf>. Дата обращения: 05.06.2015.

Alliance for Bhikkhunis. URL: <http://www.bhikkhuni.net/>. Дата обращения: 15.02.2015.

Ajahn Brahm. Gender Equality and the Empowerment of Women in Theravada Buddhism. URL: <http://www.dhammadoka.org.au/home/item/1684-gender-equality-transcript.html>. Дата обращения: 29.03.2015.

Ajahn Sucitto. The Creation of the Order of Siladhara. URL: <http://www.fsnewsletter.amaravati.org/html/81/order.htm>. Дата обращения: 07.04.2015.

Bhikkhu Bodhi. Can the Theravada Bhikkhuni Order be Re-established? It Already Has. URL: <http://saranaloka.org/wp-content/uploads/2013/07/bhi-bodhi-can-the-bhikkhuni-order-be-reestablished-2013.pdf>. Дата обращения: 15.03.2015.

Chatsumarn Cabilsingh. The History of the Bhikkhuni Sangha. URL: http://archive.thubtenchodron.org/BuddhistNunsMonasticLife/LifeAsAWesternBuddhistNun/the_history_of_th

e_bhikkhuni_sangha.html. Точка обращения: 04.06.2015.

D. Amarasiri Weeraratne. Revival of the Bhikkhuni Order in Sri Lanka. URL: <http://www.buddhanet.net/nunorder.htm>. Дата обращения: 06.04.2015.

Female Monastic Community. URL: <http://www.amaravati.org/about/female-monastic-community/>. Дата обращения: 11.11.2015.

Friedgard Lottermoser. Buddhist Nuns in Burma. URL: <http://www.enabling.org/ia/vipassana/Archive/L/Lottermoser/burmeseNunsLottermoser.html>. Точка обращения: 04.06.2015.

Phra Payutto, Dr. Martin Seeger. The Buddhist Discipline in Relation to Bhikkhunis. Questions and Answers. URL: <http://buddhistteachings.org/files/The%20Buddhist%20Discipline%20in%20Relation%20to%20Bhikkhunis.pdf>. Дата обращения: 08.04.2015.

Sakyaditha in Sri Lanka. Goals. URL: <http://www.sakyadhita-srilanka.org/index.php/Sakyadhita/Goals>. Дата обращения: 01.03.2015.

Saranaloka Foundation. URL: <http://saranaloka.org/about/saranaloka-foundation/>. Дата обращения: 27.03.2015.

Sujato bhikkhu. A recent Siladhara ordination. URL: <https://sujato.wordpress.com/2010/04/01/a-recent-siladhara-ordination>. Дата обращения: 28.04.2015.

The Eight Precepts. URL: <http://www.accesstoinight.org/ptf/dhamma/sila/atthasila.html>. Дата обращения: 02.11.2015.

The Ten Precepts. URL: <http://www.accesstoinight.org/ptf/dhamma/sila/dasa-sila.html>. Дата обращения: 02.11.2015.

Sujato bhikkhu. Bhikkhuni FAQ. A conversation with a sceptic. URL: <https://sites.google.com/site/santipada/bhikkhunifaq>. Дата обращения: 27.04.2015.

Venerable Bhikkhuni Kusuma. URL: <http://www.bhikkhunikusuma.info/bhikkhunikusuma.html>. Дата обращения: 01.03.2015.

Vishvapani. Bold Step for Nuns. URL: <http://www.dharmalife.com/issue19/asianbhikkhunis.html>. Дата обращения: 07.04.2015.

Non scholae, sed vitae discimus*

ГЕНЕЗИС
РЕКОМЕНДУЕТ

Челябинская государственная академия культуры и искусств — единственное высшее учебное заведение в г.Челябинске и Челябинской области, осуществляющее подготовку специалистов высшей квалификации в аспирантуре по профилю 09.00.13 Философская антропология, философия культуры (направление 47.06.01 - Философия, этика и религиоведение).

Ведущей кафедрой, осуществляющей подготовку, является кафедра философских наук — уникальный коллектив, где сложилась научно-педагогическая школа и осуществляются разнообразные индивидуальные и коллективные научные исследования, реализуются научные проекты в рамках общей темы «Философия человека в контексте культуры».

Аспирантура по профилю 09.00.13 при кафедре существует с 2006 года, с 2009 г. успешно защищено 13 кандидатских диссертаций, подготовлено к защите 2 докторских диссертации, ежегодно организуется ряд научных мероприятий по проблемам философии, культуры, религии, современного общества и человека. Подключиться к перспективным научным исследованиям, подготовить и защитить кандидатскую диссертацию по философским наукам можно, поступив в аспирантуру Челябинской государственной академии культуры и искусств.

** Мы учимся не для школы, а для жизни*

Серьёзная кухня для серьёзных размышлений

Научно-педагогическая школа кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств

Подробности о школе можно узнать на сайте Академии по адресу:
чгик.рф/кафедра-философских-наук

Кибер-религия как феномен современной религиозной культуры.

Шетинина Е. В. — религиовед, директор АНО «Центр культурно-религиоведческих исследований, социально-политических технологий и образовательных программ» Челябинск, Россия

Одним из ответов современной культуры на потребность человека в духовном поиске становится виртуальная сфера, где в комфортных для себя условиях человек свободно получает возможность выхода на путь «встречи с Богом», религиозной самореализации. Так, работа большинства сайтов религиозных организаций знакомит современного «потребителя религии» с основными догматами организации, позволяя поучаствовать в трансляции богослужений или ознакомиться с данной записью в удобное для него время, получить консультацию (очную или заочную посредством онлайн-технологий) духовного лидера по богословским и личным вопросам, ознакомиться с аудио и видеоматериалами прошедших конференций, практик и семинаров.

Исследователь современных форм религиозности Р. О. Сафронов полагает, что именно предельно плюральное пространство сети Интернет сегодня становится местом свободного «обращения» религиозных идей (как традиционных религиозных конфессий так и новых религиозных движений) на обширном «рынке религий».

Уникальная особенность киберпространства заключается, во-первых, в неограниченном доступе к множеству религиозных текстов (как первоисточников, так и огромного числа интерпретаций от исторических до современных, рождающихся в ходе интернет-дискуссий в форумах и социальных сетях); во-вторых, предоставляет неограниченные возможности для общения с едино-

верцами, обсуждения религиозных проблем, осуществления маркетинговой деятельности.

Таким образом, «Интернет способствует плюрализации религиозной жизни и формирует пространство для свободного индивидуального духовного поиска»¹. На данный момент применительно к религиозной деятельности виртуальность спровоцировала появление определенной тенденции. Она заключается в том, что сторонники любой религии, традиционной или новой, стремятся закрепиться в виртуальном пространстве, создавая свои сайты, форумы или группы в социальных сетях².

Исследователь Марко Меникоччи выделяет 4 функции религиозных сайтов для реализации деятельности религиозных организаций:

- 1) представление церкви неверующим с помощью проведения комплекса мер так называемых «связей с общественностью» (объяснение традиций религии, ее основных таинств и особенностей);
- 2) проведение работ по евангелизации и прозелитизму;
- 3) установление связей между членами того или иного религиозного сообщества и углубление их познаний в религии. На сайтах различных конфессий ведутся обсуждения на заданные темы,

¹ Смолина, Е. Г. «Умма» и «краудсорсинг»: связь понятий в рамках интернет-пространства / Е. Г. Смолина // Исламоведение. 2015. – №4 – С.63.

² Сафронов Р.О. Современные социологические теории религии в США и Европе // Религиоведческие исследования. – 2009. – №1/2. – С. 24.

организуются форумы, проводится регистрация пользователей и рассылка новостей по mailing list;

4) предоставление материалов для ученых. Тексты Священных писаний доступны на всех сайтах разных религий. Интернет также становится и площадкой для потоков различной платной и бесплатной религиозной литературы.

Отдельной площадкой для религиозной самореализации современного человека становятся Интернет-форумы, где человек имеет возможность как поделиться своим опытом обращения к Богу, так и ознакомиться с духовным опытом другого (например, к такой практике относятся свидетельства о Боге в современных течениях протестантизма).

Активное развитие социальных сетей также расширило возможность выхода на более комфортный уровень «пути к Богу». Так, например, в таких социальных сетях как «Вконтакте» или «Одноклассники» упрощается ознакомление с теоретическими аспектами учений, а также появляется возможность более открытого межличностного общения со сторонниками определенных религиозных или духовных практик. Отметим, что знакомство с традициями и мероприятиями организации открывает перед человеком возможность выбора своего пути к Богу, что уже позволяет человеку пережить опыт «религиозного», но не гарантирует приобщения в какой-либо конкретной традиции.

Еще одним новшеством для Интернет-среды становятся вебинары – онлайн-трансляции практик с духовными учителями или лидерами организаций. Вебинары позволяют человеку виртуально присутствовать в зале, активно участвовать в обсуждении проблем, задавая вопросы в «прямом эфире», а также участвовать в происходящем действии (групповой молитве, пении религиозных текстов, медитации и др.) не покидая комфортных для себя условий, не тратя времени на дорогу и при желании – не вступая в вербальный или визуальный контакт с другими людьми.

Таким образом, «наличие интернет-технологий революционизирует инструменты и способы, с помощью которых религиозные организации уже сейчас соревнуются друг с другом за своих сторонников, вынуждая прежде всего традиционные

конфессии качественно реформировать себя»¹ [4]. Вхождение традиционных религиозных организаций в виртуальное пространство превращает некогда существовавшее реальное сакральное пространство в пространство кибер-религии, тем самым трансформируя Интернет сферу в реально этноконфессиональное пространство страны.

Список литературы

Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение. 2002.

Сафронов Р.О. Современные социологические теории религии в США и Европе // Религиоведческие исследования. – 2009. – №1/2.

Смолина, Е. Г. «Умма» и «краудсорсинг»: связь понятий в рамках интернет-пространства / Е. Г. Смолина // Исламоведение. 2015. – №4.

Menicocci M. La Rete delle Religioni, in www.storiadelmondo.com/33/religioni.pdf in Storiadelmondo, n. 33, 28 marzo 2005.

¹ Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение. 2002. – С. 60-62.

Dissolution of Ego.
Питер Грик.

Центр культурно-религиоведческих исследований,
социально-политических технологий
и образовательных программ

Мы — это новая научно-образовательная платформа,
разрабатывающая и воплощающая в жизнь
амбициозные социально-ориентированные проекты.

Мы занимаемся актуальными исследованиями,
организуем семинары, круглые столы, конференции
и другие научные мероприятия. В центре нашего
внимания вопросы национальной, религиозной
и миграционной политики, социально-политические,
экономические и образовательные процессы.

Сотрудничать с нами — это в яблочко!

**Мы приглашаем инвесторов и потенциальных
партнеров поддержать нас**, а также сотрудничать
с нами на взаимовыгодных условиях по различным
направлениям. Мы готовы провести любые
социологические, религиоведческие,
культурологические, социально-политические
исследования, содействовать в организации
мероприятий научного и общественно-значимого
характера. Центр всегда открыт для самых разных
видов кооперации. Надеемся на обратную связь!

454071, г. Челябинск,
ул. Салютная, д. 22, каб. 5

8 (950) 739 89 00
www.anocenter.org
anocenter74@mail.ru

Христианство в работах К.С. Льюиса. Ответы вызовам современности.

Павлова Е.Ю. — религиовед, член редколлегии прогрессивного журнала «Генезис», Челябинск, Россия

Современный нам мир преисполнен множеством различных теорий о нем же, о принципах и законах его существования, о правилах поведения в нем, высших ценностях и достижениях, к которым должен стремиться человек, эмоциях и ощущениях, которые каждый от жизни должен получать. Новые теории, умопостроения множатся с каждым днем. Такого интеллектуального плюрализма, как сейчас, не наблюдалось еще, пожалуй, никогда.

Но наряду с новыми ценностными установками продолжают существовать и традиционные представления. Христианство – наиболее распространенная религия в мире. По данным исследовательского центра «PewResearchCenter», в середине 2015 года на Земле насчитывалось 2,419 млрд. христиан. Отсюда принципиальная проблема: как последователю традиционного христианского мировоззрения вести себя по отношению к современным теориям, зачастую прямо противоречащим его идеалам.

На этот вопрос об отношении верующего христианина к наводнившим современное общество доктринам и «философиям», пытался ответить в своих произведениях английский писатель и филолог Клайв Стейплз Льюис (1898-1963), который сам пришел к вере уже в зрелом возрасте, став членом англиканской церкви. Для него важно было как можно большее воплощение христианской

нравственности в жизни, постоянное следование ей на практике.

Идеалом человека для Льюиса, безусловно, является правоверный христианин, поэтому в своих произведениях писатель излагает сугубо христианский взгляд на современные тенденции и теории.

В одном из своих произведений К. Льюис предлагает читателям картину мира до грехопадения как он ее себе представляет. Таким образом, он пытается дать христианский ответ эволюционистам. Он говорит о том, что Бог на протяжении многих столетий совершенствовал ту «животную форму», которая позже и стала человеком: «он дал этому существу руки, большой палец которых мог касаться любого из остальных пальцев, челюсти, зубы и гортань, способные к артикуляции, а также мозг, достаточно сложный для того, чтобы выполнять все материальные операции, в которых воплощается разумная мысль».¹ Отсюда можно заключить, что для Льюиса то, что именуется у дарвинистов «переходными формами», есть еще не вполне люди, а «заготовка», которую Бог со временем доводит до совершенства. Эта «заготовка» даже могла быть достаточно разумной, «чтобы изготавливать вещи, которые археологи принимают за доказательство его человеческой природы. Но это было всего лишь животное, потому что все его физические и психологические процессы лишь

¹Льюис К. С. Страдание. – С. 134.

преследовали чисто материальные и природные цели».¹ Затем появляется человек, так как Бог создает новый тип сознания, который «мог сказать «я», который знал Бога, который мог судить об истине, красоте и благе, и который настолько возвышался над временем, что мог наблюдать его течение. Это новое сознание управляло всем организмом и освещало его, заливая все его части светом, – оно не было, подобно нашему, ограничено одной частью организма, а именно – мозгом. В ту пору весь человек целиком воплощал в себе сознание».² Органические процессы человека тогда повиновались его собственной воле, а не законам природы. Все поступки его также были сознательными и послушными воле. К. Льюис предполагает, что и продолжительность собственной жизни была в распоряжении самого человека. Такой человек имел полную власть над собой и над низшей жизнью.

Хотя взгляд Льюиса на бытие до грехопадения достаточно оригинален, но он и не претендовал на догматичность и безусловность его (прежде чем начать какое-либо размышление на тему христианской догматики, он всегда оговаривает, что богословие не является и высказывает лишь свое собственное представление, предположение, которое необязательно является истинным).

Полемизирует со сторонниками эволюции Льюис еще по одному вопросу. Сторонники теории дарвинизма считают, «что человек не только не пал по сравнению с первобытным состоянием добродетельности и счастья, но напротив, совершил восхождение из состояния зверства и дикости».³ Льюис соглашается, что первобытных людей можно назвать дикарями из-за несовершенства их технической, инструментальной сферы, но наука ничего не может сказать и доказать об их нравственном состоянии, были ли они в этом смысле намного хуже и неразвитее современных «цивилизованных» людей (более похотливы, свирепы, жестоки). Примитивность инструментов совершенно ничего не говорит о добродетельности их создателей. Вся беда, по мнению Клайва Льюиса, в том, что современная оценка первобытного человека основывается на материалистических принципах, что есть один из наиболее распространен-

ных грехов современного человечества.⁴ Таким образом, наука ничего не может сказать ни «за», ни «против» учения о грехопадении, потому что у нее нет для этого никаких оснований.

Сам акт грехопадения совершенного человеком у Льюиса (как и вообще в христианстве) есть проявление своеволия. Таким образом, своеволие (гордыня), то есть уход от Бога к самому себе, является наиболее «гнусным» из всех грехов человека, так как является причиной грехопадения. До падения человеку была свойственна самоотрицающая, всепоглощающая любовь по отношению к Богу, его власть над собой была доверена ему Творцом, и он потерял все это из-за своей самонадеянности, перестав таким образом быть доверенным лицом Бога.

Фактом грехопадения человек утратил власть над собственными поступками и желаниями. Теперь органы его тела попали под власть биохимических законов, которые человек не в состоянии изменить и как-то на них подействовать, можно сказать, он стал их рабом. Из-за действия естественных законов тело человека, его органы подверглись страданиям, боли и смерти. Сознание человека сузилось («сконцентрировавшись» в головном мозге) и стало управляться психологическими законами. Человеческий дух перестал быть повелителем его природы, его заменили физиологические законы, теперь дух стал как бы заглушенным земными заботами человека, его страстями и желаниями. Люди стали поработены обыденным. Им стало почти невозможно верить в незнакомое и непривычное – у них перед глазами всегда есть знакомое и привычное.⁵

Хотя человек в любой момент мог вернуться к Богу, в падшем состоянии ему это стало тяжело. Намного легче было поддаться собственным страстям, «впасть в такие чувства, как гордость и амбиция, желание красоваться в своих собственных глазах и подавлять, и унижать всех соперников, зависть, неустанные поиски все больше и большей самообеспеченности».⁶ Падший, ветхий человек свою волю полностью сосредоточивает лишь на себе, на удовлетворении собственных потребностей, и, следовательно, его воля никак не контролирует страсти, которые наполняют душу. В итоге, страсти эти перерастают в грех, а Бог не может

¹Там же. С. 136.

²Там же. С. 139.

³ Льюис К. С. Страдание. – С. 132.

⁴Там же.

⁵Льюис К. С. Письма баламута. – С. 41.

⁶Льюис К. С. Страдание. – С. 153.

открыться для того человека, мысли и дела которого не находятся в соответствующем состоянии.

Как уже было сказано выше, самый страшный грех – гордыня, себялюбие и непослушание воле Божией. Следовательно, и страсть, побуждающая этот грех грехов, намного дальше уводит человека от Бога, чем все остальные. Подчиняясь этой страсти, человек отрезает себя от Создателя (что вовсе не означает, что путь к возвращению к Богу для него полностью и навсегда перекрыт), в такой позиции он даже не хочет знать иного Бога, кроме себя. Отсюда Клайв Льюис заключает, что «Господь относится к порокам бездумных и беспутных людей намного снисходительнее, чем к порокам, которые ведут к мирскому успеху».¹ Дилемма же «любить Бога больше, чем себя, или себя любить больше, чем Бога» всплывает в жизни каждого человека, и, если человек предпочтет избрать центром именно свое собственное «я», то совершит личное грехопадение. «Это грехопадение в каждой индивидуальной жизни и в каждом дне каждой индивидуальной жизни, основной грех, стоящий за каждым конкретным грехом».²

У каждого человека должна присутствовать любовь к себе (в Библии сказано: «Возлюби ближнего своего как самого себя»), но она хороша лишь до определенной степени. В связи с этим Льюис выделяет два вида любви к себе: 1) любовь по причине видения в себе создания Божия, Его образа и подобия; 2) любовь по причине видения в себе «пуха земли», центра, вокруг которого все крутится. Любовь, подобную второму типу необходимо убивать, искоренять в себе. Также Клайв Льюис выделяет и два типа нелюбви к себе: 1) ненависть к себе и другим людям из-за обнаружения собственной нечистоты, греховности; такая ненависть обязательно породит цинизм и жестокость из-за того, что гордость осознавшего это человека ущемлена, так что по сути это все тот же эгоизм, но с другим знаком; 2) ненависть ко греху в себе, к своей ветхой природе.³

Так как человек отделился от Бога, ему трудно вновь увидеть своего Создателя из-за того, что зло, появившееся в мире вместе с грехопадением, окружает всех людей как бы пеленой иллюзий. Человек теряется в этих иллюзиях, обманывается

внешностью предметов и, не осознавая своих истинных причины и целей бытия, принимает эти подлоги за нечто реальное и неоспоримое. Тогда всерьез воспринимаются только светские и мирские ценности. Отсюда подверженность человека различным модам, что есть также лишь искусственные конструкции, ширмы-миражи, не имеющие к истинному бытию никакого отношения (слова одного из героев К. Льюиса Баламута: «Всегда старайся, чтобы пациент (человек, за которым надзирает бес – Е. П.) отказался от людей, книг, блюд, которые он действительно любит, в пользу "значительных" людей, "самых известных" книг и "самых лучших" блюд».⁴)

Одной из актуальных для современного нетрадиционного общества страстью является неприятие, страх перед старым и неизменным. Это есть «неиссякаемый источник ереси в религии, безрассудства в советах, неверности в браке, непостоянства в дружбе». Именно из-за этой страсти в среде христиан и возникает такое явление, которое К. Льюис называет «христианство и...». «Христианство и кризис, христианство и новая психология, христианство и новое общество, христианство и исцеление верой, христианство и вегетарианство, христианство и реформа орфографии. Если уж приспичило быть христианами, пусть будут христианами с оговоркой».⁵ Эта самая «мода с христианской окраской» заменяет для человека собственно саму веру, такой человек пытается осмыслить, «подогнать» веру под современные тенденции, принимая эти тенденции за нечто первичное и безусловное. Наиболее же разрушительным Льюис считает ужас перед старым и неизменным в философии. «Благодаря ей интеллектуальная бессмыслица может разложить волю».⁶

Эта страсть ко всему модному, современному с необходимостью влечет за собой жадность. «Удовольствие новизны по природе своей больше, чем что-либо другое, подвержено закону «спада при повторении»⁷, таким образом, человеку, захваченному жадной новизны, необходимо постоянно получать все новые и новые удовольствия, а это вскоре приводит к тому, что источники всех невинных удовольствий исчерпаны, и тогда человек

¹Льюис К. С. Страдание. – С. 165.

²Там же. С. 145.

³Льюис К. С. О любви к себе // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/lyuis/olubvi.php

⁴Льюис К. С. Письма баламута. – С. 67.

⁵Льюис К. С. Письма баламута. – С. 51.

⁶Там же.

⁷Там же. С. 43.

переходит к источникам удовольствий, запрещенных Богом. Истинные ценности таким человеком постепенно забываются.

Наиболее распространенной иллюзией современного человека является преклонение перед наукой и мысль о том, что наука со временем объяснит все, и никакой трансцендентный Бог миру не нужен, это лишь выдумка «темных» людей. Льюис говорит о том, что науку нужно воспринимать лишь как средство достижения земных целей и, следовательно, не относиться к ней ни плохо, ни хорошо. «Мы все лучше умеем лечить и вызывать болезни, облегчать и причинять боль, умножать и растрачивать природные богатства. Это может и испортить нас, и исправить. Я думаю, случится и то, и другое – починим там, ломаем тут, сменим старые беды на новые, и так далее».¹ Причем, любовь человека к физике, истории, археологии и другим наукам вполне невинна, «если к ней не примешиваются радости самодовольства и презрения к неученым или более грубые радости карьеризма»². Опасность греха умножается во много раз, когда сама эта наука делается священной, обожествляется. Тогда, по замечанию К. Льюиса к тщеславию и спеси прибавляется гордыня³.

Другая великая иллюзия – это современное представление о демократическом обществе. К. Льюис обнаруживает ложь демократии в том, что на самом деле человека, который выступает за данный политический и общественный строй, злит любое превосходство, он отрицает его и отвергает. «Никто не имеет права иначе говорить, развлекаться, одеваться, есть»⁴ – все это порождает зависть и осуждение со стороны других. Люди становятся скованными рамками демократичности и подавляют собственные чувства, только чтобы не отличаться от других, не выделяться. «Неровен час станешь личностью. Какой ужас!»⁵ А те немногие, которые не желают быть как все, чаще становятся гордецами. На самом деле, «великие люди демократии не нужны».⁶ Как основной принцип демократии Льюис определяет принцип

«я не хуже», но такой принцип совершенно исключает смирение, милость, радость, благодарение и благоговение.⁷

Для К. Льюиса «самые мерзкие стороны человеческой природы – это извращения добрых и невинных сторон».⁸ Поэтому причиной другого страшного греха является страсть мщения, возмездия, что есть извращение доброго понятия справедливости. К жажде мщения обычно добавляются злоба, корысть, хитрость. Или, например, когда человек хочет воззвать к Божественному милосердию, вместо этого он начнет возбуждать в себе жалость к самому себе, не замечая, что делает. Самоуничтожение может стать отправной точкой для презрения к другим, угрюмости, цинизма и жестокости.⁹

Еще одним распространенным, особенно в современном мире, качеством, неестественным и греховным для человека, является стремление к материальной наживе, роскоши. Этой проблеме Клайв Льюис посвятил отдельную статью «О том, как неестественна роскошь». В этой статье говорится о том, что приверженность роскоши – это «стандарт правящего класса, у которого роскошь превращается в потребность так же быстро, как свинина превращается в сосиски. Богатые не могут вспомнить, откуда пошли их потребности, и не могут положить им предела».¹⁰ Человек скоро и даже с охотой привыкает к роскошной жизни, которая является искусственной и потребности такого рода вовсе не являются нормальными для человека. Роскошь должна быть исключением, частным моментом в жизни, а не чем-то привычным. В роскоши для Льюиса есть нечто жуткое, так как это неестественно. Здесь он приводит такой пример: если прекрасному принцу «придется проехать часть пути на огненном драконе, он обязан к концу сказки вернуть дракона колдунье. Не стоит держать драконов дома». Таким образом, роскошь нужно воспринимать лишь как кратковременное приключение, для человека необходимо понять ее исключительность. «Мы оставим вам ваши исключительные радости, если вы примете их как исключение. Мы разрешим вам пользоваться дикими

¹Льюис К. С. Национальное покаяние.

²Льюис К. С. Размышления о псалмах. – С. 69.

³Там же.

⁴Льюис К. С. Баламут предлагает тост // Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 74.

⁵Там же. С. 75.

⁶Там же. С. 76.

⁷Льюис К. С. Баламут предлагает тост // Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 77.

⁸Льюис К. С. Страдание. – С. 170.

⁹Льюис К. С. Страдание. – С. 172.

¹⁰Льюис К. С. О том, как неестественна роскошь // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Lewis/Kak_NR.php

ми и дивными силами, если вы сочтете их дикими и дивными, а не обычными, не своими».¹

Наиболее распространенная иллюзия, умножающая и закрепляющая в людях грех – это иллюзия, что со временем грех сводится на нет: «Я слышал, как люди, в том числе и я, рассказывали о жестокостях и обманах, допущенных в детстве, так, словно нынешний говорящий не имел к ним никакого отношения, и даже со смехом».² Зло можно исправить, но перевести его в добро совершенно невозможно. Льюис пишет в «Расторжении брака»: «Люди постоянно тщатся сочетать небо и ад. Они считают, что на самом деле нет неизбежности выбора и, если хватит ума, терпения, а главное – времени, можно как-то совместить и то, и это, приладить их друг к другу, развить и переплавить зло в добро, ничего не отбрасывая».³ И подобное отношение к греху свойственно большинству людей, из-за этого они еще больше отдаляются от Бога и от осознания истинной своей сущности. Один нераскаянный грех множит другие, и так может происходить бесконечно. Время не отменяет факта и вины греха, смыть грех может лишь «покаяние и кровь Христа».⁴

Как это изображено Льюисом в «Беседах баламута», чем больше бес овладевает человеком, подкидывая ему разного рода иллюзии, тем меньше человек этого беса замечает. Здесь автором проводится замечательная аналогия с пьяницей: «если вы знаете, что пьяны, значит, вы еще достаточно трезвы».⁵ Бес же и должен всегда оставаться невидимым, неузнанным, в этом и состоит его коварство: он выдает свои подлоги за истинный, правильный путь. Бесы «первым делом дают вам наркоз, усыпляют вас».⁶ А там человек уже ничего не замечая постепенно укореняется во грехе и погружается как бы в темную, все более беспросветную бездну, из которой ему уже очень сложно вновь выбраться к солнцу. Люди чаще склонны не замечать «начатки мелких попущений и мелких досад, которые могут разрастись в пьянство или злобность, а сейчас кажутся такими маленькими и

беззащитными, что сопротивляться им как-то даже и жестоко, словно ты обидишь зверька; они так жалобно хнычут: «Да мне немного надо!» или «Подумай и о себе!»⁷ Множество таких людей попадает на пир к бесам, образуя богатое меню (чего стоят только тушеные прелюбодеи!).

Как говорил Баламут в одном из произведений К. Льюиса, множество различных грехов придают людям отличный вкус. Но наиболее «вкусны» великие грешники (такие как Генрих VIII, Казанова, Наполеон, Гитлер и др.). Простые грешники «тихо сползают в ад, сами того не замечая»⁸, их грех неосознан, «им непонятно откуда взялись и что означают нарушенные ими запреты».⁹ «Убийство ничуть не хуже карт, если карты дают нужный эффект. Поистине, самая верная дорога в ад – та, по которой спускаются постепенно, дорога пологая, мягкая, без внезапных поворотов, без указательных столбов».¹⁰ Великие грешники же осознанно отвергают благодать и силой воли стремятся ко греху, понимая это. Они наиболее ценны для ада, но для таких людей при их жизни огромна вероятность покаяния и возвращения к Богу, так как все бесовские иллюзии для них уже рассеяны. В «Размышлениях о Псалмах» Льюиса говорится: «Обычный человек», потихоньку изменяющий жене, иногда плутующий, не нарушая законов, несомненно «ниже», чем тот, кто служит идее, подчиняя ей желания, выгоду и даже самую жизнь», и далее «безжалостным фанатиком становится не обыватель, а потенциальный святой; тот, кто готов умереть за идею, готов за нее убивать»¹¹. Святым же такой человек может стать, перенаправив свою активность в другое русло, сменив полюса и направив ее в противоположную сторону. Таким образом, можно заключить отсюда, что и грех может приблизить человека к Богу.

Даже принадлежность церкви еще не обозначает, что человек отказался от своей ветхой природы, он возможно даже не разорвал еще покров иллюзий. Так, например, все на том же дьявольском пиру подают «дивное вино из фарисеев»: «одни помешались на правилах, мощах и четках, другие – на унылой суровости и мелких ритуальных отказах (от карт, вина, театра)».¹² Но и те, и

¹Там же.

²Льюис К. С. Страдание. – С. 168.

³Льюис К. С. Расторжение брака // Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 79.

⁴Льюис К. С. Страдание. – С. 169.

⁵Льюис К. С. Из двух интервью. – С. 48.

⁶Там же.

⁷Льюис К. С. Размышления о псалмах. – С. 157.

⁸Льюис К. С. Баламут предлагает тост. – С. 71.

⁹Там же. С. 72.

¹⁰Льюис К. С. Письма баламута. – С. 50.

¹¹Льюис К. С. Размышления о псалмах. – С. 38.

¹²Льюис К. С. Баламут предлагает тост. – С. 78.

другие уверены в своей праведности, хотя на самом деле они еще очень далеки от того, чего от них хочет Бог. В других христианах рождается чувство ненависти ко всем другим вероисповеданиям, живой же веры в Бога в них практически не обнаруживается. Часто у «верующих» людей религия есть лишь лицемерие или попросту привычка. Именно для верующих наиболее велик соблазн подумать: «Я становлюсь набожней» или «...всех милосердней», что неминуемо приводит именно к гордыне и эгоизму.¹ Все тот же Баламут говорит: «Изысканный цвет нечестия растет лишь под сенью святости. Нигде не пожинаем мы столько, сколько на ступенях алтаря».² «Низринутый святой, фарисей, инквизитор или колдун доставляют аду больше радости, чем такие заурядности, как тиран или развратник».³

Чувствами, на основе которых может родиться грех, являются разочарование и упадок, которые непременно появляются после крушения каких-либо иллюзий и столкновении с действительностью. К таковым можно отнести также тревогу и смятение.

Необходимо отметить также такой момент. В одной из своих работ К. Льюис отвечает на вопрос «Всякий ли смех вреден?». Он классифицирует смех в зависимости от его причин на: 1) вызванный радостью, например, когда друзья или влюбленные встречаются после короткой разлуки; такой смех не приносит вреда; 2) вызванный весельем, он также безвреден; 3) смех над анекдотами, сопровождающийся похотью; такой смех маскирует все грехи, переделывая их в шутку; «просто трусость позорна, но если ее замаскировать шутивым хвастовством, юмористическими преувеличениями и комическими ужимками, она может показаться забавной, жестокость позорна, если жестокий человек не назовет ее шуткой»⁴; 4) развязный, пошлый смех, вызванный высмеиванием добродетели, такой смех наиболее вреден и является одной из причин развития и умножения греха в человеке.

Некоторые люди, пытаясь выставить себя знаками, поддерживают все возможные теории и идеи, даже те, которые противоречат друг другу. При этом считают они себя многосторонними

личностями, хотя на самом деле правильное их назвать многоликими. Такой человек считает, что «мирские друзья затрагивают одну сторону его жизни, лавочник – другую, а он – совершенный, гармоничный, сложный человек с более широким кругозором, чем все они».⁵ Такая позиция также вызывает самодовольство и себялюбие, хотя «знарок» этого и не замечает.

Одним из искушений является и постоянная жизнь в будущем, а не настоящем. «Биологические инстинкты направляют все их страсти именно в эту сторону, так что мысли о будущем расплают и надежду, и страх. Кроме того, будущее им неизвестно, и, побуждая думать о нем, мы возбуждаем их тягу к нереальному».⁶ Таким образом, человек теряет возможность следовать Богу, так как ничего не делает в настоящем, не осознает важности выбора именно в данный момент, а именно в зависимости от этого выбора и строится его будущее. Думать о будущем нужно, но только столько, сколько необходимо, «чтобы сегодня готовиться к тем делам правды и милосердия, которые станут насущными завтра».⁷ Живя лишь будущим, человек внушает себе ложные надежды, когда они не оправдывают себя, в нем становится еще больше разочарования и злобы. А ежедневное разочарование в свою очередь приводит к ежедневно растущему раздражению.

Для ветхого человека также свойственно и большое количество требований к жизни, когда они не выполняются, он начинает чувствовать несправедливость по отношению к себе, так как считает, что имеет на исполнение этих требований полное право. Он постоянно находится в плохом настроении и все больше гневается. Это порождается чувством собственности (собственность миром, своим телом). А такое чувство во многом вызывается сдвигом понятий. Как поясняет Клайв Льюис: если представим выражения "мои сапоги", "моя собака", "моя горничная", "моя жена", "мой начальник" и "мой Бог", то обнаружим, что человеку свойственно сводить эти все значения к тому, которое присутствует в выражении "мои сапоги".⁸ В этом смысле имеется в виду Бог, у которого данный человек «так хорошо устроился». Отношение к Богу чисто потребительское, каждый

¹Льюис К. С. Письма баламута. – С. 56.

²Льюис К. С. Баламут предлагает тост. – С. 78.

³Льюис К. С. Письма баламута. – С. 61.

⁴Льюис К. С. Письма баламута. – С. 66.

⁵Там же. С. 58.

⁶Там же. С. 53.

⁷Льюис К. С. Письма баламута. – С. 53.

⁸Там же. С. 35.

выбирает того Бога, который вполне соответствует его земным интересам и стремлениям. Но, как, опять же, подмечает Льюис в лице своего героя: «А смешнее всего, что «мое» в полном смысле слова человек не может сказать ни о чем!»¹

Самым опасным для человека является «духовная гордыня», когда все, не разделяющие его точку зрения, его веру, воспринимаются как глупые и странные. Тогда возникает «кружковое самодовольство», человек считает, что посвящен в какую-то тайну, которая не известна не входящим в его круг общения. Таков христианин, который чувствует христианство мистической кастой, а себя считает одним из избранных, посвященных.²

Тревожной является и привязанность человека к миру, его убежденность в том, что землю можно будет когда-нибудь превратить в рай с помощью политики, евгеники, науки, психологии и др. Подобная привязанность к миру опять же сопровождается гордыней.

Другая крайность: ненависть к миру, которая зачастую может оправдываться тем, что ненависть эта не за себя самого, а за остальных (например, за невинных женщин и детей). Он решит для себя, что «христианская вера должна прощать своим врагам, но не врагам ближнего».³ Если человек начинает ненавидеть тех, кого считает Божьими врагами, он начинает избегать их, осуждать, «думая, что он для них «слишком хорош»».⁴ Такая ненависть вызывает страх и трусость, и чем сильнее страх, тем сильнее будет и ненависть. Как отмечает Клайв Льюис: «ненависть – прекрасный наркотик против стыда».⁵

Множество грехов порождает такое качество человека как чувствительность. Льюис считает, что такое качество каждый должен убивать в себе в зародыше. Чувствительный человек при соприкосновении с миром, которого невозможно избежать, часто будет чувствовать себя непонятым, оскорбленным, обделенным и др. На самом деле в такого человека уже закрались ростки зависти, досады, самолюбия, любоначала. Человек в таком случае не осознает истинные мотивы своего чувства.

Не только демоны являются искушителями, искушителем может стать любой человек. «Если вы грубы с человеком, или высокомерны, или пренебрежительны, он обидится. Вы введете его в искушение»⁶. И если грех, родившийся из этой обиды, разрушит его, то человек автоматически сам становится искушителем.

Греховно поощрительное общение с теми, кого можно назвать «врагами Бога», то есть с неверующими и находящими своего кумира в чем-то другом. Но такое поведение крайне распространено сейчас в обществе. Существует множество людей, которые считаются значимыми, знаменитыми по какой-либо причине, никак не связанной со стремлением к Богу. Таковыми являются, например, бизнесмены, политики, кинозвезды и т. п. И с ними принято общаться «как ни в чем не бывало, приветливо, даже сердечно». «Люди стараются увидеть их. Люди покупают газету подлеца и поддерживают тем самым ложь, наглость, обиды, грубости и непристойности, которые вроде бы не одобряют»⁷. Доказательством этому выступает так распространенный сейчас интерес к светской хронике, «желтой» прессе. Повышенным, всепоглощающим интересом к этим явлениям только поддерживается и умножается число грехов «звезд», их «поклонников» и «почитателей».

Важно также отметить тот момент, что Клайв Льюис считает «тревожным симптомом» неспособность человека к гневу, хотя сам по себе гнев есть один из смертных грехов. Отмечает Льюис такую разновидность гнева как негодование. Если человек совершенно нечувствителен к тому, что у многих других вызвало бы оправданное негодование, тогда можно заключить, что у него нет никакого представления о добре и зле. Таким образом, негодование «показывает хотя бы, что человек не опустился ниже уровня, на котором такое искушение (гнев – Е. П.) возможно».⁸

Христианство – единственная полная истина, по мнению К.С. Льюиса, а все теории якобы опровергающие его или уточняющие, при подробном рассмотрении оказываются несостоятельными, искусственно привнесенными в общество. Таковы эволюционная теория с ее представлением о грубом, свирепом и глупом пещерном человеке; материализм, отрицающий все, кроме материи; ма-

¹Там же.

²Там же. С. 57.

³Там же. С. 24.

⁴Льюис К. С. Размышления о псалмах. – С. 80.

⁵Льюис К. С. Письма баламута. – С. 25.

⁶Льюис К. С. Размышления о псалмах. – С. 33.

⁷Там же. С. 80-81.

⁸Там же. С. 40.

териализм, порождающий циничность, стремление ко все большему окружению себя материальными благами, роскошному образу жизни; сциентизм и прогрессизм, которые в погоне за неведомым идеалом лишь топчутся на месте, постоянно стремясь все изменять и обновлять (в том числе «модернизировать» традиционные религии), разрушая старое; демократия, политкорректность которой, по сути, оборачивается тоталитаризмом. Создание всех этих теорий есть проявление главного из грехов – гордыни, полной уверенности человека в собственных силах. На деле же, следуя собственной воле, человек становится только слабее, он погрязает во множестве созданных им же самим теорий. Любовь к Богу заменяется любовью-поклонением чему-то частному и низменному (роскоши, науке, моде, политике, психологии и т.д.). Идеальный же, с точки зрения христианства, человек любит себя, но только как образ Божий, а не как самодостаточную единицу, и при этом ненавидит и искореняет грех в себе.

Таким образом, ответ на поставленный в самом начале вопрос о том, как не попасться на «удочку» массово нарождающихся теорий, не заблудиться в них, для К.С. Льюиса очень прост: человек, строго придерживающийся одной концепции (христианства), не запутается в плюрализме идей и мнений.

Список литературы

Льюис К. С. Баламут предлагает тост // Любовь. Странствие. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 70-79.

Льюис К. С. Из двух интервью // Вестник РХД. – Париж, 1983. – С. 45-51.

Льюис К. С. Письма баламута // Любовь. Странствие. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 11-70.

Льюис К. С. Размышления о псалмах – М.: Дом надежды, 2009. – 160с.

Льюис К. С. Расторжение брака // Любовь. Странствие. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 79-125.

Льюис К. С. Странствие // Любовь. Странствие. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – С. 125-185.

Льюис К. С. Национальное покаяние//

<http://www.invictory.org/lib/2005/04/klaiv8.html>

Льюис К. С. О любви к себе //

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/lyuis/olubvi.php

Льюис К. С. О том, как неестественна роскошь //

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Lewis/Kak_NR.php

ПОМОГИ **ПРИРОДЕ** СЕЙЧАС

ОТПРАВЬ SMS
ПРИРОДА
НА НОМЕР
3443

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЛЕОПАРДОВ ОСТАЛОСЬ ВСЕГО 60

Сумма пожертвования - 100 рублей
Обязательно подтвердите ответный SMS-запрос

Природе России нужна помощь.
Узнай больше на wwf.ru

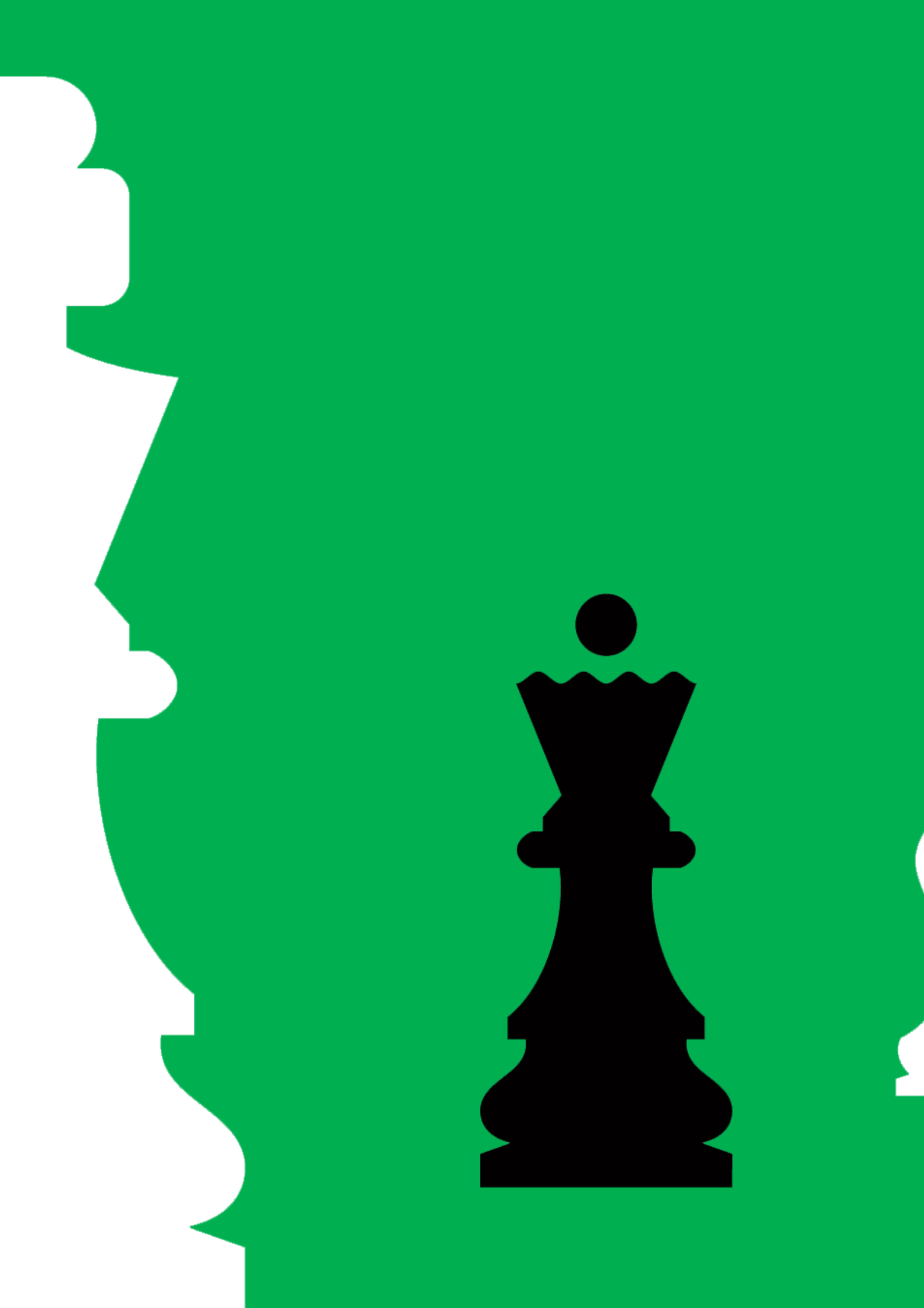
ВСЕМИРНЫЙ ФОНД ДИКОЙ
ПРИРОДЫ РОССИИ
WWF

помогает сохранить редкие виды животных
защищает моря от загрязнения
охраняет леса от нелегальных рубок

Природе России нужна помощь.
Узнай больше на wwf.ru

vk.com/wwf

0+

РАЗДЕЛ 4

ОБЩЕСТВО

Иванов Д. В. – Виртуализация общества
как цивилизационный тренд

Белова Л. И., Садылко Д. В. – Действие
феномена «спирали молчания»

Бредихин С. С. – Виртуальные медита-
ции

Виртуализация общества как цивилизационный тренд

Иванов Д.В. — доктор социологических наук, профессор СпбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Произошедшая на рубеже XX – XXI вв. компьютеризация всех сфер общественной деятельности и повседневной жизни человека – самый впечатляющий феномен современной цивилизации. В наиболее развитых технологически и экономически странах – США, Германии, Великобритании, Японии количество компьютеров на тысячу жителей достигло к концу 1990-х гг. уровня 300-500 единиц, а к 2010 г. – уровня 700-900 единиц. Этот уровень насыщения человеческого существования компьютерами превышает показатели таких “идолов” цивилизации XX в., как автомобиль и телевизор.¹ С момента появления персонального компьютера на массовом рынке прошло примерно тридцать пять лет. Для достижения того же уровня распространенности, какой в начале XXI в. имеет компьютер, телевизору в свое время потребовалось около пятидесяти лет, а автомобилю порядка семидесяти. Помимо количественного роста, большое впечатление на любого аналитика производит рост числа функций – способов применения компьютерных технологий. Из просто вычислительной машины, именуемой ныне полузабытой аббревиатурой ЭВМ, компьютер превратился в универсальное устройство, которое с равным успехом может служить профессиональным инструментом ученого, инженера, бизнесмена, юриста, врача, а также средством обучения, повседневного общения, развлечения.

Феноменальное распространение компьютеров и их проникновение в социальные и экзи-

стенциальные структуры человечества вызвали закономерный интерес со стороны социальных философов и социологов-теоретиков, многие из которых начали интерпретировать компьютеризацию как ключевую тенденцию в трансформации современного общества. Однако, научное сообщество в основном идет по пути “встраивания” новых тенденций в общий ряд с прежними, по пути подгонки фактов под традиционные объяснительные модели. Пожалуй, наиболее популярным является тезис, гласящий, что распространение компьютеров и компьютерных сетей (в особенности развитие Internet) – это решающий шаг на пути к информационному обществу. Но если принять во внимание то, что теоретики информационного общества Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, П. Дракер, З. Бжезински, Й. Масуда, М. Кастельс и др.² под информацией понимали знание и прежде всего научное, то анализ тенденций в начале нового столетия приводит к парадоксальному выводу: внедрение в жизнь человека цифровых технологий скорее удаляет нас от общества, основанного на знании.

Общество, в котором реализован принцип «кто владеет информацией, тот владеет миром», не состоялось, хотя основные технико-экономические атрибуты постиндустриальной

² Bell D. The coming of post-industrial society. N. Y., 1973; Touraine A. La societe postindustrielle. Paris, 1969; Brzezinski Z. Between two ages: America's role in the technetronic era. N. Y., 1970; Toffler A. The third wave. N. Y., 1980; Drucker P. Post-capitalist society. N. Y., 1993; Masuda Y. Information society as post-industrial society. Tokyo, 1980; Castells M. The rise of the network society. Oxford, 1996.

¹ По данным World Bank.

эпохи налицо: преобладание в ВВП доли услуг, снижение доли занятых во “вторичном” и рост доли “третичного” сектора экономики,¹ тотальная компьютеризация и т.п. Мы живем в мире, где производимое знание очевидно менее доходно, чем производимое впечатление. Элементарные факты свидетельствуют об этом. Например, научное знание в лучшем случае приносит один миллион долларов один раз (обычно в конце жизни) единицам выдающихся ученых – лауреатам Нобелевских премий. В то же время сотни не оперирующих научными знаниями и не обладающих никакой уникальной информацией людей – супермоделей, профессиональных спортсменов, актеров, шоуменов и поп-певцов получают по несколько миллионов долларов ежегодно. А «суперзвезды» в постиндустриальной экономике получают больше на порядок или даже на два. Так в 2014 году телеведущая Опра Уинфри заработала 82 миллиона долларов, киноактер Роберт Дауни (младший) – 75 миллионов, гольфист Тайгер Вудс – 61 миллион, футболист Криштиану Роналду – 80 миллионов, поп-певица Бейонсе – 115 миллионов, модель Жизель Бюндхен – 47 миллионов, а рекорд поставил рэпер под сценическим именем «Доктор Дре», заработавший 620 миллионов. То, что «суперзвезды» получают за один год, а среднестатистические шоумены и спортсмены за 5–10 лет, обладатели ученых степеней не могут заработать и за всю жизнь. Так, в США заработок среднестатистического доктора наук или профессора составит в лучшем случае 5 миллионов долларов, но только за 40 (!) лет непрерывной карьеры.

Эти факты трудно объяснить, веря в реальность «информационного общества», основанного на приоритете знания. Но их легко объяснить, если понять, что в условиях постиндустриального капитализма главный принцип другой: *«кто владеет вниманием, тот владеет миром»*. Это действительно новое общество и новая экономика, отличная от индустриальной экономики, в которой главным было производство – работа с продуктом. Вот только принципиальная новизна заключается не в информатизации, а в том, что работа с образами, привлекающими внимание, возбуждающими эмоции потребителей, создает

другую экономику и другое общество, похожие на виртуальную реальность. В этой новой реальности высокой стоимостью может обладать и высокотехнологичный, наукоемкий продукт, и продукт примитивный с точки зрения науки и технологии, но *имиджемкий*, воспринимаемый как модный, престижный, эксклюзивный и т.п.

Отказ от некритического восприятия модели информационного общества с характерным для нее технологическим детерминизмом открывает перспективу более адекватной интерпретации компьютерной революции как одной из тенденций трансформации общества. Компьютеризация повседневной жизни вводит в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков. Важно, например, не только то, что теперь можно совершать покупки с помощью компьютера, подключенного к узлу сети Internet, но и то, что процесс покупки все чаще организуется как посещение виртуального магазина. Если с помощью изощренной компьютерной графики веб-страница продавца симулирует расположение товаров на витрине, их осмотр и обмен на плату в виде банкнот или чека, то это следует трактовать не просто как перенос операции купли-продажи из реального пространства в виртуальное, а как симуляцию институциональной формы товарного обмена. Эта институциональная форма превращает обмен из технической операции в род *экономического* взаимодействия: в исполнение социальных ролей покупателя и продавца. Обмен посредством сети Internet позволяет совершать обмен деньгами, товарами и услугами без соблюдения этой институциональной формы. Взаимодействие есть, но ему недостает привычной социальности, общества как среды взаимодействия. Так общество в традиционном его понимании замещается киберпротезом – виртуальным магазином. С помощью технологий виртуальной реальности воссоздается видимость институциональности обмена. Обмен осуществляется как симуляция – виртуальный аналог реального социального взаимодействия.

Киберпротезирование институциональных форм является характерной особенностью и иных видов виртуального взаимодействия – виртуальных сообществ, виртуальных корпораций, виртуальных развлечений, виртуальных преступлений и виртуального же отпущения гре-

¹ В экономической теории принято именовать аграрный и сырьевой сектор “первичным”, производственный же (промышленный) – “вторичным”, а сервисный – “третичным”.

хов. Сегодня с помощью компьютера, оснащенного модемом, можно обсуждать политиков, поп-звезд, погоду или вести досужие беседы с виртуальными друзьями или соседями – участниками чатов, форумов, социальных сетей. Можно заработать деньги, принимая заказы на размещение рекламы на виртуальных щитах – баннерах, выиграть деньги в виртуальных казино или украсть те же деньги, взломав виртуальные замки электронной системы учета какого-нибудь банка. Обличить пороки и покаяться в содеянном можно в виртуальных проповедях и исповедях на web-страницах, открываемых священниками в качестве виртуальных приходов.¹

Все перечисленные, а равно и не перечисленные взаимодействия, осуществляются как виртуальные аналоги реальных социальных взаимодействий. При этом происходит замещение реального исполнения социальных ролей симуляцией, создается образ реальных атрибутов институциональности. Виртуальные сообщества симулируют непосредственность присутствия в общении и социальную близость общающихся людей. Виртуальные корпорации симулируют процедуры заключения контракта и существование организации как субъекта хозяйственной деятельности. Виртуальное казино симулирует соревнование партнеров по игре. Виртуальный взлом симулирует нарушение прав собственности вкладчиков банка. Виртуальный приход симулирует воспитание пастырем смиренной паствы.

Столь интенсивное в последние годы использование технологий виртуальной реальности имеет социальный смысл – замещение социальной реальности ее компьютерными симуляциями. Этот социальный аспект развития компьютерных технологий явно превалирует над техническим аспектом. Именно поэтому наращивание быстродействия процессора и объема оперативной памяти практически без остатка конвертируется в совершенствование графики и звучания компьютерных симуляций и не сопровождается ощутимыми функциональными изменениями. Обнаружение социального смысла развития технологий виртуальной реальности с необходимостью приводит социологов к идее использовать

понятие виртуальности для объяснения общественных изменений.

Существует два основных смысла понятия “виртуальное”. Первый восходит к традиционному естествознанию, в котором смысл термина “виртуальное” раскрывается через противопоставление эфемерности бесконечно малых перемещений объектов или бесконечно малых периодов существования частиц и стабильной в своих пространственно-временных характеристиках реальности. Второй смысл порожден практикой создания и использования компьютерных симуляций и раскрывается через противопоставление иллюзорности объектов, создаваемых средствами компьютерной графики, и реальности материальных объектов. В понятии “виртуальная реальность” оба смысла парадоксальным образом соединяются. Поведение изображаемого объекта воспроизводит пространственно-временные характеристики поведения объекта вещественного.

В качестве универсальных свойств виртуальной реальности можно выделить три характеристики:

- нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного);
- условность параметров (объекты искусственны и изменяемы);
- эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования).

О виртуализации применительно к обществу можно говорить постольку, поскольку общество становится похожим на виртуальную реальность, то есть может описываться с помощью тех же характеристик. Виртуализация в таком случае — это любое замещение реальности ее симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. Например, виртуальной экономикой можно назвать и ту, в которой хозяйственные операции ведутся преимущественно через Internet, и ту, в которой спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством. Виртуальной политикой можно назвать борьбу за власть и посредством агитации с помощью web-страниц или пресс-конференций в Internet, и посредством

¹ The Virtual Bishop // The New Yorker. 1996. March 18.

рекламных акций в телестудии или на концертной площадке.

Определение социальных феноменов с помощью понятия виртуальности уместно тогда, когда конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий – экономических, политических или иных. Социальное содержание виртуализации – симуляция институционального строя общества – первична по отношению к содержанию техническому. Общее представление о феномене замещения реальности образами позволяет разрабатывать собственно социологический подход: не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. Именно поэтому распространение технологий виртуальной реальности происходит как киберпротезирование. Оно вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности.

Виртуальная реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, а с симуляциями. Реальность общества эпохи Модерн – это овеществленная институциональная структура, делающая практики независимыми от устремлений индивидов. Индивид, находясь в *социальной реальности* институтов, воспринимает ее как естественную данность, в которой приходится жить. В эпоху Постмодерн индивид погружается в *виртуальную реальность* симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Различение старого и нового типов социальной организации с помощью дихотомии “реальное/виртуальное” позволяет ввести понятие виртуализации как процесса замещения институционализированных практик симуляциями. Таким образом, термин “виртуализация” не только оказывается адекватным феноменам, описываемым как постмодернизм и «конец социального», но предстает как более эвристичное, чем два последних концепта, поскольку открывает перспективу концептуализации не “конца” или “исчезновения” прежнего общества, а процесса формирования нового.

Применительно к обществу в целом, виртуализация предстает не как единый процесс, а скорее – как серия разнородных, но направленных

сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности. Это можно продемонстрировать, описывая симуляцию модернистских институционализированных практик в ключевых институциональных сферах (пост)современного общества: экономике и политике.

Виртуализация экономики отчетливо видна в произошедшей в последние три – четыре десятилетия трансформации главных экономических институтов капитализма: рынка, фирмы, финансов. Экономические институты образуют комплекс норм и правил, определяющих в представлении современных людей социально приемлемые способы создания, распределения и использования богатства. Следование нормативным требованиям превращает хозяйственную деятельность в исполнение социальных ролей «производителя», «потребителя», «предпринимателя», «работника», «кредитора», «заемщика» и т.д. Институты – рынок, фирма, финансы – предстают по отношению к целям индивидов реальностью, с которой необходимо считаться.

Реальность экономических институтов становится виртуальной по мере того, как промышленность (индустрия) перестает доминировать в экономике, перестает определять, что является «экономическим», чем стоит заниматься. Экономика становится постиндустриальной потому, что производство любой вещи после двух столетий технологического прогресса не является больше экономической проблемой. Массовое производство обеспечивает заполнение рынка огромным количеством практически однородных по своим качествам вещей, и само по себе производство является лишь предусловием новой экономики. Проблемой номер один для развитой экономики становится потребление, а точнее – превращение произведенных вещей в предмет потребления. Решить эту проблему производителям удастся, только выделяя свой продукт из череды других, конкурирующих продуктов и привлекая к нему внимание потребителей. В результате, в условиях массового производства и массового потребления в качестве товара выступает брэнд – образ, создаваемый рекламой и маркетингом и ассоциирующийся у потребителей с продуктом или компанией. Производителем выводится на рынок не вещь (шампунь, костюм, автомобиль...), а образ (привлека-

тельности, респектабельности, престижности...).

Физический объект рекламы перестает быть означаемым и становится означающим по отношению к рекламируемому образу. Рекламные ролики и постеры, изображающие счастливую семью, веселую компанию на дискотеке или героя-одиночку, занимающегося экстремальным туризмом, не указывают потребителю на реальные свойства продукта, который может оказаться чем угодно от йогурта и пива до дезодоранта и автомобиля. Зато встреченный после просмотра рекламы такой продукт четко указывает потребителю на привлекательный образ жизни и имидж, виртуально содержащийся в продукте где-то между бифидобактериями и кальцием или между оригинальным дизайном и повышенной проходимостью. В новой экономике продукт служит лишь информационным поводом для продвижения товара и становится алиби для тех, кто развязывает рекламные кампании по продвижению «здоровья-счастья» под знаком йогурта, «сексапильности» под вывеской косметики или «успешности» под маркой автомобиля.

Брэнд определяет, чего стоит та или иная вещь, и брэнд требует большого объема работы с образами. Поэтому собственно экономический процесс, то есть создание стоимости, покидает пашню, шахту, конструкторское бюро и сборочный конвейер и перемещается в офис маркетолога и бизнес-консультанта, в рекламное агентство и студию масс-медиа. Туда же устремляются и тысячи работников, меняя структуру экономики и делая отрасли, раньше относимые к «непроизводственной сфере», наиболее производительными.

Возрастание экономической роли образа наглядно подтверждается данными об опережающих темпах роста рекламной индустрии по сравнению с традиционным производством. На рубеже XX и XXI вв. средний ежегодный рост расходов на рекламу в мире составлял порядка 6%, а прирост мирового ВВП – только 3%.¹ Экономика образов формирует рынок нового типа. Компании и потребители теперь взаимодействуют не в условиях рынка реальных продуктов и их производителей, а в условиях рынка брэндов и правообладателей, контролирующих ис-

пользование брэндов. Независимых производителей становится все меньше, а брэндов все больше. Например, компания P&G, приобретая всего за пять лет права на использование 11 торговых марок, стала в 2005 году держателем 50 брэндов и одна может создавать и поддерживать «конкурентные» рынки стиральных порошков, шампуней, зубной пасты или бритвенных принадлежностей.

Столь же показателен пример рынков автомобилей: на протяжении 1990-х годов число независимых автопроизводителей, оперирующих на глобальном уровне, снизилось с 21 до 13, а число автомобильных брэндов выросло с 63 до 65. Поглощая конкурентов и унифицируя конструкции и технологии производства автомобилей, компании сохраняют конкуренцию за счет образов, определяющих поведение потребителей. Варьирование моделями, различающимися образом, оказывается экономически эффективнее разработки различных конструкций. И в начале XXI в. конкурирующие автомобилестроительные корпорации стали использовать совместные «платформы» для выпуска своих моделей, которые предлагаются потребителю в одном сегменте рынка как варианты «широкого выбора».

Так исполнение диктуемых институциональными нормами ролей агентов рынка – конкурирующих производителей, отвечающих предложением на спрос, становится виртуальным. Если можно изготавливать одно и то же (с функциональной точки зрения), а различия в формальных деталях представлять как многообразие выбора, то рынок как социальный институт, как регулятор экономического поведения – это виртуальная реальность.

Погруженные в виртуальную реальность рынка брэндов потребители кажутся наивными жертвами манипуляторов. Особенно это впечатление усиливают «зонтичные» брэнд-менеджеры, маркетологи и рекламистов выглядит продажа мотоциклов и детской одежды с одним логотипом – Harley-Davidson или туфель, мобильного телефона и гарнитуры Bluetooth с общим логотипом Dolce&Gabbana. Приобретая такую одежду или гарнитуру, потребители платят (и не мало) не за качество кроя или качество

¹ Приводимые здесь статистические данные взяты из журнала The Economist за 2001-06 годы и на сайте компании Advertising Age (www.adage.com).

связи, которые в лучшем случае не хуже, чем у других, а за причастность, пусть иллюзорную, к имиджу «крутых парней» или «богатых и стильных». Приобретение явно виртуально, однако, такая виртуализация потребления – процесс выгодный и даже необходимый самим потребителям. Бренды, несущие больше информации об образе жизни потребителя, чем о продукте, оказываются удобным материалом для создания идентичности, и приобретая символически «нагруженные» товары, потребители действуют вполне рационально. Идентичность – самовыражение и принадлежность к группе, общности и т.п. достигаются человеком через потребление.

Виртуализация производства и формирование рынка брендов меняют отношение к традиционной организации труда, в результате чего происходит виртуализация фирмы как экономического института. Поскольку стоимость создается не на конвейере и не в конструкторском бюро, то зачастую нет больше нужды во многих атрибутах производственной организации: офисах, в которых рабочие места организуются и заполняются работниками по образцу конвейерной технологической цепочки; процедурах контроля трудозатрат; сложной иерархии должностных полномочий и т. д. Тем более что для тех, кто занят в постиндустриальной экономике и работает с виртуальным продуктом – образами, новые информационно-коммуникационные технологии делают возможной организацию рабочего места практически везде: дома, у клиента, в отеле, автомобиле, самолете.

Ответом на этот вызов стало появление в начале 1990-х годов идеи новой организационной формы, которая получила название «виртуальная корпорация».¹ Виртуальная корпорация – это временный альянс независимых компаний или даже индивидуальных агентов для решения стратегической, но единичной задачи. Альянс, по мысли адептов концепции виртуальной корпорации, должен существовать как сетевая структура на базе информационно-коммуникационных технологий, посредством которой компании координируют свои усилия по реализации проекта. Виртуальная корпорация

лишена вертикальной интеграции, центрального офиса, должностной иерархии и прочих атрибутов «реальной» корпорации. После завершения проекта сеть легко может изменить конфигурацию или вовсе распасться.

С середины 1990-х годов крупные промышленные корпорации и банки формируют «одно-разовые» альянсы для создания и продвижения какого-либо продукта и открывают виртуальные офисы в Интернете. Например, гигант компьютерной индустрии IBM все новые проекты развивает на базе временных стратегических альянсов. При этом четверть сотрудников IBM 80% рабочего времени проводят дома или в пути, обмениваясь друг с другом и со штаб-квартирой результатами своей работы через компьютерные сети и образуя виртуальную компоненту организации фирмы. Еще более виртуальны такие корпорации, как Nike или Dell, которые вообще не имеют собственных производственных мощностей, но являются лидерами на рынках, соответственно, спортивной одежды и персональных компьютеров. Эти корпорации довели до совершенства практику аутсорсинга (от англ. *outsourcing*), то есть вынесения управления запасами и производственных функций за пределы компании, и сформировали вокруг своих брендов отлаженную сеть из поставщиков, вовлеченных в бизнес-процессы компании контрактными отношениями. Другой тип виртуальной корпорации представляют компании, создающие сеть малых фирм, действующих на основе лицензий и субподрядов. Так функционируют, например, McDonald's или Benetton, которые большими корпорациями являются виртуально, – они представляют собой сети автономных агентов рынка, объединенных брендом: торговой маркой, концепцией и стилем работы. Таким образом, из экстравагантной организационной формы виртуальная корпорация в начале XXI века превращается в рутинную и распространенную практику.

Организация труда в форме «рабочего дня» как распорядка присутствия в офисе или расписания выполнения технологических операций утрачивает экономическое содержание. Однако полной «дематериализации» компаний и всеобщего ухода в Интернет, как предлагали идеологи корпоративной виртуализации, не происходит. Конечно, есть «образцово» виртуальные органи-

¹ Davidow W., Malone M. The Virtual Corporation: Structuring and Revitalizing the Corporation for the 21st Century. New York, 1992; Byrne J., Brandt R. The Virtual Corporation // Business Week. 1993, February 8.

зации, как, например, компания Dell, которая уже к 2000 году 90% заказов на поставку компьютеров получала и обрабатывала в режиме on-line, поскольку сформировала глобальную сеть поставщиков, которые собственно и собирали заказанные потребителями компьютеры. Но так работающих компаний совсем не много: к 2005 году только 14% компаний в США и 10% компаний в Европейском союзе осуществляли заказы и оказывали услуги клиентам через глобальную компьютерную сеть. Подавляющее же большинство компаний использует Интернет для поддержания коммуникаций и ограничивает свое присутствие в глобальной «паутине» размещением цифрового рекламного буклета – корпоративного сайта.

Виртуализация фирмы не превратилась в «дематериализацию», поскольку образ крупной, «реальной» фирмы во многом обеспечивает успех образу товара/услуги. Поэтому наряду с сетевой, проектно-ориентированной структурой и Интернет-офисами сохраняются и даже растут традиционная корпоративная бюрократия и гигантские штаб-квартиры. И это тоже проявление виртуализации, потому что основной функцией этих армий клерков становится создание и поддержание корпоративного имиджа. Теперь «неэкономические» эстетические и социально-психологические аспекты организации труда и функционирования предприятия – офисный дизайн, корпоративный стиль, культивирование public relations (PR) приобретают непосредственно экономический смысл, так как смысл их заключается в поддержании атрибутов образа работника и работающей организации. Они становятся важными компонентами создания образа фирмы, который предопределяет стоимость предлагаемых ею товаров/услуг. Именно поэтому офисный дизайн, корпоративный имидж, PR-акции превращаются в особого рода продукцию и образуют новые и быстро растущие отрасли экономики.

Образ фирмы не только является фактором стоимости ее продукции, этот образ обладает собственной и даже самодовлеющей стоимостью. Например, бренд Apple в 2015 году был признан самым дорогим в мире и оценен международным рейтинговым агентством InterBrand в 170 миллиардов долларов, а агентством Millward Brown – в 247 миллиардов. При этом все

материальные активы компании – фабрики, офисы, оборудование, транспорт, складские запасы стоят гораздо меньше. «Раскрученный» бренд – это тот виртуальный актив, который и есть главное достояние компании.

Бренд представляет собой виртуальный, то есть не материальный, но весьма ощутимый капитал. В качестве специфического товара образ фирмы выбрасывается на фондовый рынок. Виртуализация фирмы усиливает виртуализацию рынка, создавая абсолютно виртуальный сектор экономики – рынок, на котором котируются уже не столько ценные бумаги компаний, сколько их имиджи: образы, репутации, слухи. В экономически наиболее развитых странах объемы капиталов, обращающихся на биржах, выросли в последние годы XX века настолько, что стали сопоставимы с размерами годового валового внутреннего продукта. Биржевой бум на фоне гораздо менее интенсивного роста производства (на 2–3% в год), а значит и доходности акций, можно интерпретировать как автономизацию рынка корпоративных имиджей по отношению к «реальному» сектору экономики. На бирже в течение дней или даже часов могут при росте котировок «возникать» и при их падении «исчезать» многомиллионные активы, в то время как физические активы компаний, чьи акции котируются, остаются теми же.

Феномен спекулятивного капитала наглядно демонстрирует виртуальность института фирмы: стоимость компании больше зависит от имиджа и коммуникаций, чем от владения физическими активами и от организации их использования. Фирма важна как образ организации. Поэтому, избавляясь от иерархически интегрированной организации и передавая функции по изготовлению физического продукта «производственным партнерам» (так топ-менеджеры в Nike называли работающие для корпорации обувные и швейные фабрики в Юго-Восточной Азии), компании сохраняют сфокусированность бизнес-процессов и корпоративную идентичность за счет формирования сети коммуникаций вокруг бренда. В таких сетевых структурах исполнение заданных институциональными нормами ролей членов организации – четко следующих должностным обязанностям работников и менеджеров – становится виртуальным. Компетенции, характерные для организации индустриального

типа, лишь изображаются, а главной компетенцией становится поддержание эффективных коммуникаций. Эффективность коммуникаций зависит от способности создавать и транслировать образы, привлекающие к продукту и компании внимание целевых аудиторий (включая внутреннюю – своих сотрудников), ежесекундно сталкивающихся с интенсивными потоками альтернативных предложений.

Виртуализация производства, позволяющая поднять цену товара с уровня себестоимости продукта до уровня стоимости бренда, должна была бы натолкнуться на барьер реальности, создаваемый самым символическим компонентом традиционной экономики – деньгами. Платежеспособность, ограниченная количеством имеющихся у потребителей денежных знаков стоимости, должна ограничивать и «продажеспособность» брендов. Но в новой экономике процесс виртуализации захватил и деньги. Функцию денег теперь выполняют не вещественные (металлические, бумажные или пластиковые) эквиваленты стоимости, а права заимствования. Объем потребления в экономически развитых странах определяется не тем, сколько у потребителей денег, а тем, каковы их финансовые возможности.

Система кредитования, распространяющаяся на все более широкий спектр товаров и услуг, выводит финансовые возможности за пределы реальной платежеспособности. К 2001 году объем потребительских кредитов составил в США 74% от ВВП, то есть в среднем более 25000 долларов на каждого жителя, а в странах Евросоюза – 52%, то есть примерно по 10000 евро на каждого жителя.¹ Создавая виртуально платежеспособный спрос со стороны потребителей, одновременно система кредита делает важным «происхождение» этого спроса. «Хорошее происхождение» гарантируется тем образом платежеспособности, который способен создавать потенциальный заемщик. Именно образ платежеспособности определяет финансовые возможности тех клиентов кредитных организаций, которые, обладая одинаковыми объемами реальных денег, но разной финансовой репутацией, получают разные по объему права заимствования.

Деньги персонализируются, они утрачивают свойства безразличной по отношению к индиви-

ду объективной реальности. Отслеживание «кредитной истории» индивидов, электронная подпись, возможность заблокировать потерянную кредитную карточку, нанесение на кредитку фото и образцов отпечатков пальцев превращают платежеспособность в функцию от идентификации личности, а не от обладания анонимными денежными знаками. Кредитование образа и персонализация приводят к тому, что в новой экономике деньги все более замещаются возможностью денег.

Виртуальная платежеспособность индивидуальных потребителей, основанная не на обладании реальными средствами платежа, а на доступе к правам заимствования, проявляет себя в стремительном распространении кредитных карт и столь же стремительном росте задолженности по кредитным картам. Лидирует в этом отношении экономика США, где число кредиток в обращении за десятилетие 1985–95 гг. удвоилось, достигнув примерно 350 млн. штук, а задолженность по ним за тот же период утроилась, превысив рубеж 300 миллиардов долларов. Еще через десятилетие, к 2006 г. количество кредиток достигло 1,5 миллиарда штук,² а задолженность по кредитным картам составила около 600 миллиардов.

Изображая платежеспособность при помощи кредитных карт в магазинах и при помощи поручительств, справок и респектабельного внешнего вида в банках, потребители открывают себе доступ к новым финансовым источникам и могут накапливать долги, превышающие их доходы и потому не возвращаемые в принципе. Однако такая экономика долгов не разрушается, поскольку в условиях виртуализации она сбалансирована: за виртуальные товары производители брендов получают столь же виртуальную плату в виде долговых обязательств потребителей.

Банки также создают образ платежеспособности постольку, поскольку оперируют посредством виртуальных денег – многократно переданных («прокрученных») прав заимствования, которые расширяют денежную массу M_0 (наличные деньги) до агрегата M_3 (наличность + «почти деньги»). Виртуальная часть тотального денежного агрегата M_3 образуется срочными вкладами, депозитами, облигациями и не может единомо-

¹ Данные взяты из журнала «Эксперт» за 2002 год.

² Для справки: население США в 1995 г. составляло 263 млн. человек, а в 2010 г. – около 300 млн.

ментно конвертироваться в наличность по той простой причине, что эта часть – продукт мультипликации. Например, банк, получивший на хранение от клиента некоторую сумму наличных денег, оставляет в сейфе определяемую нормативом центрального банка страны часть суммы как резервную, а на основную часть суммы открывает кредитную линию другому клиенту. В результате, появляются два клиента с правами на одни и те же деньги. И появляются дополнительные деньги, созданные банком, а не государством, и способствующие нарастанию виртуальной массы M_3 .

Таким, образом, виртуализация денег, превращение их в функцию от имиджа приводит к тому, что предписываемое институциональными нормами исполнение ролей «плательщика», «кредитора» и «заемщика» становится виртуальным. Изображение платежеспособности превращает финансы как экономический институт в виртуальную реальность.

Виртуализация производства, организации, денег сформировала постиндустриальную экономику, базовые элементы которой – *образ, сеть, доступ*. Соответственно, наиболее эффективным инструментом новой экономической деятельности являются те технологии, которые обеспечивают работу с образами, построение сетей, организацию доступа. Этими качествами обладают коммуникационные технологии, и поэтому все их разновидности от газет и журналов до радио и телевидения были интегрированы в новую экономику создания образов. Однако символом новой экономики стал новый и универсальный медийный инструмент – персональный компьютер с модемом.

Вообще говоря, первые компьютеры (большие ЭВМ) появились в 1940-х годах, а первые компьютеры для частных лиц – в 1960-х. Но тотальная компьютеризация началась только тогда, когда компьютеры смогли стать инструментом виртуализации, когда они дали возможность работать с образами, строить сети, организовывать доступ. Переломным периодом стали последние два десятилетия прошлого века. В 1981 году компания IBM выпустила компьютер, задавший технологический стандарт “PC” (от англ. personal computer), и через 10 лет в США было уже 200 компьютеров на 1000 человек, а еще через 10 лет 600 на 1000. Когда в самом начале нового века в

США компьютеризация достигла уровня проникновения в повседневную жизнь большинства населения, остальной мир только втягивался в процесс. В 2001 году в странах Европейского союза степень компьютеризации была в среднем в 1,5-2 раза меньше, в России и Бразилии – в 10 раз, а в Индии и Китае – в 20 раз.¹ Столь же быстрыми темпами распространялись в конце XX века компьютерные сети. В 1981 году около 200 компьютеров вошли в только что созданную сеть, названную Интернет, а через 20 лет в сеть входили свыше 100 млн. компьютеров и в ней существовало уже около 400 млн. сайтов.²

Таблица 1.
Коммуникационные возможности различных медиа

сообщение обращение	«плоское»	«многомерное»
по потребности (24/7)	Печатные СМИ	Интернет
по программе	Радио	ТВ

Виртуализация стимулировала столь масштабную компьютеризацию потому, что компьютерные мультимедиа обладают наибольшим коммуникационным потенциалом – способны обеспечивать наиболее интенсивные коммуникации (Табл. 1). К сообщениям печатных масс-медиа читатель может обращаться многократно, перечитывая выпущенный номер газеты или просматривая экземпляр журнала тогда, когда считает нужным. Но сообщения печатных масс-медиа лишь «двумерны»: они предлагают текст и изображение. Телевидение обеспечивает «многомерность» сообщения за счет видеоряда и звука, но обращаться к этим сообщениям телезритель может не тогда, когда хочет, а только по жестко составленному расписанию – программе передач. Радио совмещает слабости печатных масс-медиа и телевидения: «плоское» сообщение, обратиться к которому можно не в любой момент, а лишь по единой для всех слушателей программе.

Все виды коммуникационных технологий в

¹ Данные взяты из журнала The Economist за 1996-2006 годы.

² Данные взяты на сайте организации Internet Software Consortium (<http://www.isc.org>).

одинаковой степени могут обеспечить передачу информации, то есть сведений/данных, повышающих уровень знаний. Но коммуникация как обмен символами, ведущий к поддержанию связей, созданию общности (от англ. community), лучше всего обеспечивается компьютерными мультимедиа. Они позволяют создавать «многомерное» сообщение, комбинируя текст, изображение, видеоряд, звук. Они позволяют осуществлять интеракцию в режиме реального времени и виртуального общего пространства и позволяют иметь доступ в коммуникационную сеть в режиме 24/7. Поэтому компьютерные сети стали наиболее эффективным инструментом виртуализации. И поэтому виртуализацию часто отождествляют с компьютеризацией, хотя виртуализация не сводима к экспансии компьютерных сетей.

Компьютерные мультимедиа до сих пор не вытеснили традиционные коммуникационные технологии. Статистические данные демонстрируют, что пока самым мощным инструментом создания стоимости при помощи трансляции образов остается телевидение. В 2014 году на долю телевидения приходилось примерно 40% мировых расходов на рекламу, реклама в Интернете идет на втором месте (24%), опережая долю печатных СМИ (22,5%). Экономически Интернет лишь догоняет более традиционные медиа, хотя темпы роста этого сегмента рекламы самые высокие. К тому же, образы, транслируемые печатными и электронными масс-медиа, создаются с использованием компьютеров, а многие газеты, журналы, радиостанции и телеканалы создают собственные Интернет-сайты. Так что виртуализация как развитие экономики образов не сводится к коммерциализации Интернета, но порождает растущую необходимость в компьютерных технологиях.

Виртуализация экономики в 1990-х годах вызвала интенсивную коммерциализацию киберпространства, которое возникло в 1970-х как виртуальное место коммуникаций ученых и инженеров. Теперь компьютерные сети превращаются в средство и среду экономической деятельности, где может осуществляться полный цикл сделки и где функционируют виртуальные представительства фирм, виртуальные магазины и виртуальные банки. Операции, совершаемые у виртуальных витрин при помощи виртуального

же кошелька, наглядно демонстрируют, что развивается не так называемая информационная, а совсем иная экономика. Не информация как таковая, не передача данных о свойствах товара/услуги, то есть рациональная денотация, а создание *образа*, мобилизующего аффективные коннотации, приносит прибыль.

Мы живем в эпоху экономики образов и образов экономики. В новой экономике симулируются базовые компоненты экономических практик Модерна – производство товара, инновация, организация труда, обладание деньгами, и, как следствие, виртуализируются институты — рынок, фирма (корпорация), финансы.

Виртуализация – двойной процесс, объединяющий компьютерный и имиджевый компоненты. Но если компьютерной виртуализации еще относительно не много, то имиджевая виртуализация уже в избытке. Такое соотношение двух аспектов виртуализации еще более отчетливо, чем в экономике, заметно в политике, где с конца прошлого века также развернулся интенсивный процесс замещения реальных действий образами. Виртуальная демократия формируется, когда за голоса не особенно умеющих и желающих разбираться в политических программах избирателей борются кандидаты, не имеющие определенной идеологии, но зато имеющие привлекательный образ, созданный имиджмейкерами. Политическая борьба все больше ведется через масс-медиа в стиле шоу-бизнеса и с помощью приемов, заимствуемых из рекламы, брендинга и маркетинга. Когда-то марксисты ввели в оборот формулу: *«Политика есть концентрированное выражение экономики»*. Теперь мы имеем дело с другой экономикой, которая в условиях постиндустриального капитализма создает выразительные средства для политики, чьи традиционные способы выражения – идеология, пропаганда, партийные собрания и митинги заметно слабее брендинга, рекламы, промоакций и бизнес-презентаций.

Борьба за политическую власть сейчас – это не конкуренция программ действий. После двух столетий демократизации как накопления опыта определения воли народа, организации массовых партий, проведения реформ государственного устройства и законодательства во имя либеральных ценностей создание и осуществление программы действий, воплощающей эти ценно-

сти, не является больше реальной политической проблемой. Проблема номер один для развитой демократии – политическое участие, а точнее поддержание интереса к политическим программам и действиям политиков со стороны того большинства населения, которое теперь имеет право голоса, но не имеет способности и/или желания оценивать программы и действия и делать между ними выбор. В начале XIX века даже в тех странах, которые считаются «колыбелью» современной демократии – США, Великобритании, Франции, лишь от 2 до 5% взрослого населения имели право голоса, и политически бесправные бедняки, женщины, молодежь боролись за возможность участвовать в выборах. К началу XX века доля избирателей достигала в среднем 25%: право голоса получили все взрослые (старше 21 года) и состоятельные (имеющие дом и платящие налоги) мужчины. К концу XX века практически 100% взрослого (от 18 лет) населения в развитых странах получили право голоса, но теперь в голосовании участвуют в лучшем случае 50-60% тех, кто так долго добивался права участвовать в политической жизни. В условиях массовой демократии интенсивность конкуренции среди политиков растет, а активность избирателей снижается.

В ситуации избытка политиков и дефицита политического участия граждан виртуализация становится новым и наиболее рациональным режимом функционирования демократических институтов. Политическая борьба превращается в борьбу образов, то есть политических имиджей, которые создают рейтинг – и имиджмейкеры, пресс-секретари и «звезды» шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний.

Реальные личность и деятельность политика необходимы лишь в качестве «информационных поводов», то есть служат своего рода алиби для тех, кто формирует имидж. Более того, чем меньше реальных действий совершает политик, чем больше его биография похожа на гладкий чистый лист бумаги, тем больше свободы действий имеют имиджмейкеры, чтобы создавать тот имидж, который востребован в сложившейся ситуации. Они разрабатывают сценарии, слоганы, спецэффекты, для подачи которых публике проводятся акции, воспринимающиеся как политические. Избирательная кампания становит-

ся кампанией рекламной, а не политической в традиционном смысле слова, что диктует необходимость передачи ключевых функций по ее ведению из рук профессиональных политиков в руки профессионалов рекламной индустрии.

Собственно политический процесс покинул заседания партийных и правительственных комитетов, составляющих программы реформ, распределяющих функции и контролирующих их выполнение. Покинул он и межфракционные переговоры, и партийные митинги. Политика ныне творится в PR-агентствах, в телестудиях и на концертных площадках. Управление и собственно политика в конце XX века разошлись точно так же, как разошлись производство и экономика. Стоимость товара виртуальна и легитимность власти тоже становится виртуальной. Следствием такой виртуализации является изменение характера политического режима – массовой демократии. В ходе выборов больше не происходит сколько-нибудь существенной смены чиновников-экспертов, которые осуществляют рутинную работу по управлению в «коридорах власти». Меняются так называемые публичные политики, то есть те, кто буквально работает на публику. Они, а также сексапильные сотрудники пресс-служб представляют гражданам и всему миру политический образ государства и отдельных его учреждений. Голосование за образ и конкуренция имиджей ведут к виртуализации государства, основанного на системе выборов.

В наиболее развитых странах мира замещение реальных политических программ и действий образами вовсе не является циничной практикой обмана избирателей. Переход от реальной политики к политике образов просто необходим. С одной стороны, институциональные нормы, воплощающие ценности Свободы и Прогресса, требуют перманентного реформирования общества и энергичного столкновения идеологий. С другой стороны, наличие у кандидатов на выборные государственные посты четкой идеологической позиции, попытки следовать заявленным курсом реформ становятся попросту социально опасными в условиях благополучного и стабильного общества. Замена реальных политических программ и действий создаваемыми рекламой образами «новых инициатив», «радикальных реформ», «национальных проектов» сохраняет привычную политику в виде образов и

обеспечивает внимание и успех тем кандидатам, чей имидж, а не программа или действия, зримо воплощает ценности Свободы и Прогресса.

Коллективное политическое действие замещается образами так же, как и действие индивидуальное. Партии, возникавшие как массовые организации – «армии» агитаторов, представляющих классовые, этнические, конфессиональные, региональные интересы, с появлением команд имиджмейкеров, действующих через каналы масс-медиа, утратили свою эффективность в мобилизации избирателей. Политические партии раньше были массовыми организациями, членство в которых было связано с приверженностью идеологии и с участием в регулярной повседневной работе. Теперь они становятся привлекающими электорат брендами, продвижение которых поручается профессионалам из масс-медиа и рекламной индустрии. Партии превратились в «бренды» – эмблемы и рекламные слоганы, традиционно привлекающие электорат. Идея использования приверженности «бренду» движет процессом поддержания образа организации политической борьбы как борьбы партий.

Там, где «бренд» – давняя традиция, атрибуты образа «старых добрых» либералов, социал-демократов или коммунистов старательно поддерживаются, даже если первоначальные идеология и практика принципиально изменились и продолжают трансформироваться. Именно так функционируют, например, республиканская и демократическая партии в США, консервативная и лейбористская партии в Великобритании, христианско-демократическая и социал-демократическая партии в Германии.

Там, где «бренд» отсутствует, партии и движения с калейдоскопической быстротой формируются, объединяются и распадаются в стремлении найти привлекательный имидж. Здесь примерами могут служить созданные в начале 1990-х годов в США и Великобритании как альтернатива ведущим партиям так называемая реформистская партия – плод усилий увлекшегося политикой бизнесмена Росса Перо, и либерально-демократическая партия, возникшая из объединения утративших популярность либералов и социал-демократов. Но наиболее показательна в этом отношении партийная система, возникшая в Италии после одновременного краха всех традиционных партий в начале 1990-х годов, когда

была разоблачена их тотальная коррумпированность. В последующие полтора десятилетия здесь постоянно менялся состав и характер партийных коалиций, а решающую роль играло движение «Вперед, Италия!» (Forza Italia!), которое в 1994 году в одночасье создал медиа-магнат Сильвио Берлускони и которое является перманентной рекламной кампанией группы политиков в большей степени, чем реальной массовой организацией.

Еще один симптом виртуализации институтов массовой демократии – замещение апелляций к общественному мнению манипуляциями с рейтингами. Рейтинги, основанные на выборочном опросе, когда респонденты соглашались с вариантами мнений, сконструированными экспертами, представляют собой лишь модель, образ общественного мнения. Участвуя в опросе, респонденты оживляют эти модели, и тогда образы становятся реальными факторами принятия и осуществления политических решений. Поскольку образы и модели замещают реальные поступки политиков и волеизъявление граждан, постольку исполнение социальных ролей политиков – кандидатов и «государственных мужей», а также роли избирателя становится виртуальным. Виртуализация общественного мнения, которое раньше было выражением настроений реальных социальных групп, заинтересованных в политике, происходит теперь в форме медийной «войны рейтингов», когда интересы и группы, их выражающие, конструируются опросами, инициированными политтехнологами.

Политика образов требует интенсивного использования телекоммуникационных технологий, и поэтому в конце XX века быстро произошло превращение глобальной компьютерной сети в средство и среду политической деятельности. Практически все политические кампании теперь сопровождаются созданием специализированных серверов и веб-сайтов, посредством которых формируется имидж политика (политической акции или организации). Через Интернет ведется агитация, осуществляется коммуникация со сторонниками и т. д. Государственная бюрократия (прежде всего министерства, налоговые и иммиграционные службы) теперь также все чаще представлена в Интернете страницами и порталами, симулирующими взаимодействие граждан (или неграждан) с государственными

служащими. Через сеть возможно получение консультаций, обращение за информацией, подача налоговых деклараций и т. д.

Характерно то, что в сети и функционеры политических партий/движений, и работники государственных учреждений, и граждане осуществляют коммуникацию посредством технологии, которая в принципе позволяет не вести коммуникацию в формате партийной организации или бюрократической процедуры. Однако, здесь потенциал этих технологий используется прежде всего для поддержания образа привычного распределения социальных ролей. Посетителям веб-сайтов предлагаются: регистрация участников, заполнение всякого рода формуляров, голосование по заданной проблеме и т. п. Тем самым в условиях отсутствия реального институционального взаимодействия поддерживается образ «действующей организации» или «работающего государства». Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков избытком образов. Так создаются «киберпротезы» политических институтов массовой демократии.

Логика виртуализации, одинаково захватившая экономические и политические институты, оказала воздействие и на тех, кто стремится этим институтам противостоять или даже их разрушить. Противники экономической и политической систем современного общества сталкиваются с необходимостью подстраивать свои действия под формат масс-медиа и начинают вести войну образов. Акции протеста и даже террористические акты стали практиковаться радикальными движениями так, чтобы они производили тот эффект, который требуется логикой виртуализации. Когда вместо атак на объекты, жизненно важные для экономического и политического функционирования режима, совершаются нападения на имеющие большое символическое значение объекты, то это по сути виртуальные атаки. По числу жертв и материальному ущербу такие атаки, модные на рубеже XX–XXI веков, могли очень сильно варьироваться: от нападений митингующих антиглобалистов на рестораны McDonald's до атаки захваченных боевиками Аль-Каиды самолетов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Но во всех случаях это были акции, ориентированные

не на поражение врага, а на создание эффектного образа в формате, пригодном для масс-медиа. В условиях виртуализации *терроризм – это PR бедных*. В мире виртуализации те, кто лишен прямого доступа к СМИ, идут на любые жертвы, чтобы достичь шоковой мобилизации внимания. И в случае успеха им хотя бы на короткое время удастся пробиться туда, где господствует принцип: *«кто владеет вниманием, тот владеет миром»*.

Мы живем в эпоху политики образов и образов политики. Симуляция базовых компонент политических практик Модерна — идеологии, организации, общественного мнения — ведет к виртуализации институтов массовой демократии — выборов, государства, партий. И эта виртуализация допускает и провоцирует превращение глобальной компьютерной сети Internet в средство/среду политической борьбы. Практически все политические акции и кампании теперь сопровождаются созданием специализированных серверов и web-страниц, посредством которых формируется имидж политика (акции, организации), ведется агитация, осуществляется коммуникация со сторонниками, и др. Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков избытком образов.

Виртуализация общества — это цивилизационный тренд рубежа столетий. Замещение вещей и реальных действий образами и коммуникациями характерно для всех стран, прошедших модернизацию и оказавшихся в социокультурной ситуации Постмодерна. На основе анализа тенденций, характерных для наиболее развитых стран мира, можно сделать вывод, что ориентация практик не на вещи, а на образы ведет к симуляции институтов (виртуальное следование ролям). Институты сами становятся образами, превращаясь в своего рода виртуальную реальность. Однако в странах догоняющей модернизации, где индустриализация, становление общества массового потребления, развитие институтов массовой демократии начались позже, чем в Западной Европе и Северной Америке, виртуализация имеет свои особенности.

Типичным обществом догоняющей модернизации является Россия. Здесь после периода интенсивной индустриализации в XX в. начался

переход к постиндустриальному обществу. Переход этот произошел в специфической форме, существенно отличающей процессы постиндустриализации в России от процессов в странах Западной Европы и Северной Америки. В технологически и экономически развитых странах сокращение доли промышленного производства достигалось за счет экспорта капитала и аутсорсинга материального производства при интенсивном развитии брендов как виртуальных активов, обеспечивающих контроль над рынками и цепями поставок. В России свертывание материального производства сопровождалось импортом западных брендов и наращиванием сектора услуг, связанного с обеспечением функционирования цепей поставок.

Специфика процессов виртуализации общества на постсоветском пространстве создает ситуацию, когда управляемое развитие социальных структур должно быть одновременно подчинено задачам развития технологической и производственной инфраструктур, что характерно скорее для завершения эпохи Модерн, и задачам, диктуемым уже переходом от Модерна к Постмодерну.

Экономика России не составляет исключения из общей для индустриально развитых стран тенденции структурных изменений, когда снижается доля занятых во вторичном секторе (промышленности) и растет доля занятых в третичном секторе (сфере услуг). Однако при взгляде сквозь призму виртуализации на тенденции в России обнаруживаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны относительно большой остается доля традиционного аграрного сектора и добывающей промышленности. С другой стороны, с ростом доли услуг в ВВП и доли занятых в третичном секторе экономики – сфере услуг возрастает роль коммуникаций, технологий создания и поддержания образов и, как следствие, роль ИКТ.

Существенной особенностью экономической ситуации в России остается резкий контраст между столицами и провинцией. Более развитые транспортная, коммуникационная и социальная инфраструктуры стали основой расширения третичного сектора экономики в столицах. Здесь банки, торговля, операции с недвижимостью, индустрия развлечений, рекламный и туристический бизнес становятся новой сферой занято-

сти, компенсирующей, хотя бы отчасти, коллапс промышленного производства. Здесь можно обнаружить становление виртуальной экономики. И сюда идут миграционные потоки из стагнирующих регионов и секторов, что создает дополнительные структурные разрывы между традиционной социальной реальностью и новыми виртуализированными структурами социальной жизни.

Характерным структурным разрывом в обществах догоняющей модернизации стал разрыв между поколениями. Разные поколения живут в разных виртуальных реальностях. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в начале 2012 года Интернетом пользовались 55% взрослых жителей России и 82% пользователей Интернета имели аккаунты в социальных сетях. Но доминирующим инструментом виртуализации общества остается телевидение. 60% взрослого населения назвали телевидение «главным источником новостей о событиях в стране», Интернет – 23% (опрос ВЦИОМ 2013 года). При этом выбрали Интернет главным источником новостей 50% респондентов в возрасте 18-24 лет и только 11% в возрасте 45-59 лет. Телевидение является главным источником новостей для 72% 45-59-летних и лишь для 34% 18-24-летних.

Современные российские политики и политтехнологи активно используют массмедиа для создания и трансляции образов. Виртуализация политики в обществах догоняющей модернизации в некоторых аспектах заходит даже дальше, чем в западных демократиях. Образы политиков выстраиваются целенаправленно с использованием приемов рекламы и шоу-бизнеса, а политические партии функционируют как долгосрочные медийные проекты. Но существование разных поколений в разных виртуальных реальностях, когда одна часть электората живет в мире образов и коммуникаций, создаваемых традиционными СМИ, а другая часть ориентирована на образы и коммуникации, циркулирующих в новых медиа, становится вызовом для политических элит. В первые годы второго десятилетия нового века осознание этого вызова привело к активизации использования возможностей Интернет-ресурсов крупными политическими силами на постсоветском пространстве.

Виртуализация политики приобретает новый характер по мере реализации проектов перевода функций государственных органов на электронные коммуникационные платформы. Внедрение системы государственных закупок и предоставления государственных услуг через Интернет, как это сделано в России, во все большей степени делает взаимодействие граждан с государственными чиновниками частью виртуальной реальности современного общества. Реализация проектов формирования общественных инициатив на специализированных коммуникационных платформах в Интернете ведет к виртуализации еще и социальных движений.

Отмеченных симптомов виртуализации экономики и политики вполне достаточно, чтобы утверждать, что общество в России изменяется в том же направлении постиндустриальной цивилизации, что и общество в странах Запада. Видимо, таким же образом изменяются и способы интеграции общества, разрешения возникающих в нем конфликтов. Дальнейшее, выходящее за пределы уровня эпохи Модерн, развитие традиционных институциональных средств социального контроля станет не только не эффективным, но и отрицательным для консолидации и тем более развития общества фактором. Развитие и консолидация общества будут зависеть теперь от создания привлекательных образов — экономических, политических, этических и т.д.,

а также от развития нового типа инфраструктуры социальных взаимодействий — коммуникационных сетей.

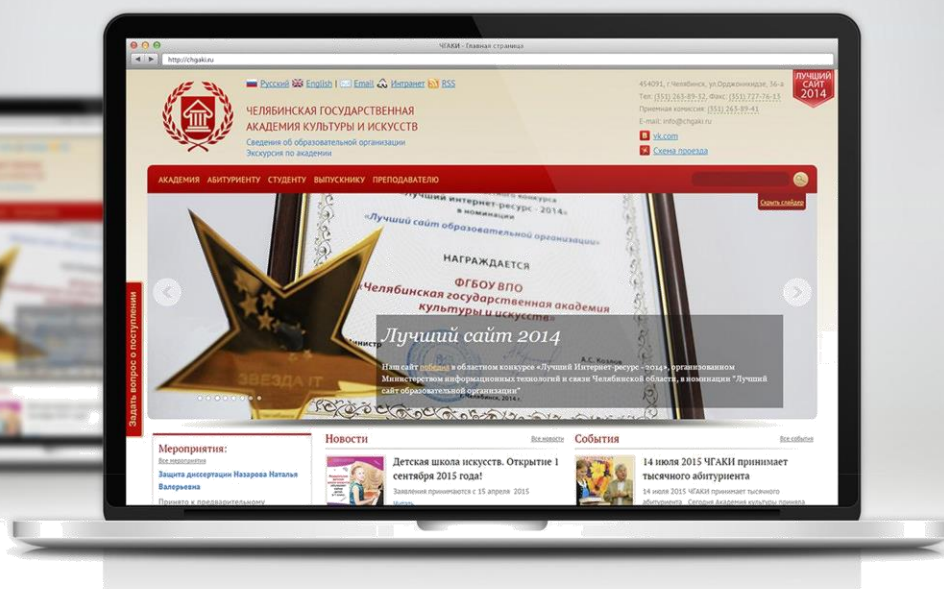
Предпосылки для подобного развития есть, но виртуализация в таких странах догоняющей модернизации, как Россия, заметно опережает компьютеризацию. По отношению к наиболее развитым странам уровень компьютеризации социальной жизни в России ниже в 2-3 раза. Например, в 2008 г. по данным Всемирного банка в США насчитывалось 810 компьютеров на 1000 жителей, а в России 130. В 2010 г. в США по тем же данным было 710 пользователей Интернета на 1000 жителей, а в России 430. Не достаточно высокий уровень развития технической инфраструктуры новой социальной организации чем дальше, тем больше препятствует позитивному использованию тенденций виртуализации.

Приведенные данные отнюдь не являются основанием для тезиса о необходимости ускоренной компьютеризации. Не следует поддаваться, как это уже не раз бывало в истории, обаянию технико-экономического видения общественных проблем. Социологическое видение позволяет отчетливо понимать, что точно так же, как не индустриализация модернизирует, но модернизация индустриализирует общество, *не компьютеризация виртуализирует, но виртуализация компьютеризирует общество.*

Network V.
Питер Грик.

Понятные, функциональные и красивые сайты для образовательных учреждений

Дизайн-студия Рыба-пила

Рыба-пила.рф
895-11111-495
hello@fish-drink.ru

Наша студия имеет большой опыт и множество проверенных решений в сфере модернизации и разработки сайтов образовательных учреждений. Наши решения — это результат плодотворной работы по полной модернизации сайтов крупнейших образовательных вузов Челябинской области, среди которых Челябинская государственная академия культуры и искусств, Южно-уральский государственный университет им. П. И. Чайковского, Уральский государственный университет физической культуры.

Решения, которые мы внедряем в наши проекты, полностью соответствуют законодательным требованиям, предъявляемым к сайтам образовательных учреждений, являются гибкими в функциональном плане и понятными простому пользователю, не имеющему узкоспециальных знаний. Технологии, которые мы используем, творческий подход к делу и нацеленность на результат позволят вашей организации в полной мере развить основные конкурентные преимущества в сети, создать удобную среду для привлечения абитуриентов, сотрудников и партнёров.

ЛУЧШИЙ
САЙТ
2014

Сайт Челябинской государственной академии культуры и искусств, полностью разработанный нами в 2012 году, занял первое место в номинации «Лучший сайт образовательной организации» по итогам областного конкурса «Лучший Интернет-ресурс - 2014»

Действие феномена «спирали молчания»

Белова Л.И. — кандидат культурологи, доцент ЮУрГУ, Челябинск, Россия

Садылко Д.В. — журналист телеканала «Первый областной», Челябинск, Россия

Произошедшая на рубеже XX – XXI вв. компьютеризация всех сфер общественной деятельности и повседневной жизни человека – самый впечатляющий феномен современной цивилизации. Во все времена средствам массовой информации и журналистам, в частности, важно было знать и понимать свою аудиторию, ее настроения, потребности, вкусы. Новые медиа – не исключение. Редакциям онлайн-СМИ как никогда требуется понимание и учет тех изменений: и количественных, и качественных, которые произошли с потребителями журналистской информации.

В соответствии с концепцией Джона Уэбстера существуют 3 модели описания аудитории медиа:

а) аудитория-как-масса (СМИ обращаются к аудитории как к массе, обращаются не к индивиду, а к совокупности, имеющей стереотипный набор интересов),

б) аудитория-как-объект (члены аудитории предстают как медиапотребители, как объект воздействия, испытывающий медиаэффекты),

в) аудитория-как-агент (члены аудитории выступают как личности, обладающие свободой выбора в коммуникативных процессах, являются субъектом коммуникативного процесса)¹.

Третий тип аудитории некоторые исследователи называют «медиапользователями».

Сегодняшняя аудитория СМИ вооружена новыми коммуникативными медиатехнологиями, благодаря которым аудитория-как-агент активно участвует в производстве контента СМИ.

Мы полагаем, что важными критериями оценки эффективности воздействия медиа на аудиторию является не только частота контактов со СМИ, но и насколько опубликованная информация влияет на общественное мнение и на поведение аудитории.

Феномен общественного мнения традиционно привлекает внимание социологов и служит предметом постоянных эмпирических исследований. К тому же, он носит двойственный характер: общественное мнение одновременно и существует, и не существует – пока оно не выражено в какой-либо форме (прежде всего в СМИ), в виде результатов опросов, его как бы нет.

Известный французский социолог Пьер Бурдьё в 1978 году выступил с докладом «Общественного мнения не существует», где на наглядных примерах показал, что общественное мнение не существует, по крайней мере, в том виде, в каком его представляют все, кто заинтересован в утверждении его существования. Есть, с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и определенные группы давления – с другой стороны².

Показать динамику воздействия медиа на процесс формирования общественного мнения и описать их воздействие с помощью опросных техник попыталась немецкая исследовательница Элизабет Ноэль-Нойман.

Основные положения, из которых исходит Э. Ноэль-Нойман:

¹ Краснаярова, О.В. Трансформации статуса аудитории массовой коммуникации: читатель, зритель, медиакоммуникатор / О.В. Краснаярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2. – С. 49-50

² Бурдьё, П. Социология политики / Пьер Бурдьё; пер. с фр. / под. ред. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – <http://bourdieu.name/en/content/obshhestvennoe-mnenie-ne-sushhestvuet>

1. Все люди имеют определенные мнения, однако из опасения оказаться в изоляции, они не склонны их выражать, если оно противоречит мнению большинства.

2. Большинство людей стремится избегать ситуаций персонального выбора, когда им одним приходится отстаивать определенные установки, из-за элементарной боязни остаться в одиночестве, социально изолированными.

3. Поэтому в повседневной жизни они, как правило, ориентируются на господствующие в их окружении мнения. Если окажется, что данное персональное мнение не находит поддержки, то скорее всего, оно не будет выражено открыто.

Ситуация, когда человек, ощущающий себя в меньшинстве, молчит и не высказывает своего мнения, тем самым присоединяясь к большинству, получила название «*спираль молчания*».

Говоря о действии феномена «спирали молчания», Э. Ноэль-Нойман указывает на два внешних выражения его действия на общество:

1) «*Сдвиг последней минуты*» – ситуация, когда электорат в последний момент меняет свое мнение в пользу той или иной партии под воздействием общественного мнения;

2) «*Эффект одной упряжки*» – ситуация, при которой индивид пытается выдать себя сторонником партии-победителя, даже если на самом деле голосовал иначе. Его еще называют «эффект успеха». Результаты опросов, широко освещаемые СМИ, оказывают непосредственное влияние на характер и содержание избирательной кампании, заставляя кандидатов вносить соответствующие коррективы в их позиции. Суть «эффекта успеха» состоит в том, что люди склонны принимать те мнения, которые разделяет большее число людей»¹.

Следует отметить, что еще до исследований Э. Ноэль-Нойман был известен феномен «спирали молчания». Например, в истории Французской революции Алексис де Токвиль описывал динамику воздействия «спирали молчания»: «люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации

казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана».

Главным же основанием для действия «спирали молчания» является феномен *общественного мнения*.

Мнение индивида в обществе по поводу тех или иных вопросов формируется на основании двух основных источников знания: непосредственного наблюдения за окружением и его сигналами об одобрении и неодобрении определенных событий, фактов, мнений². Реальная власть СМИ, по мнению Ноэль-Нойманн, состоит в том, что они могут сделать большинство – меньшинством, и тогда оно замолкает, усиливая тем самым доминирование СМИ и нарастание спирали молчания.

При этом взаимодействие, которое ведет к изменению общественного мнения, можно представить себе именно в образе «спирали молчания», закручивающейся в ситуации, когда индивиды, боясь оказаться в изоляции, наблюдают за своим окружением, подробно регистрируют убывающие, распространяющиеся и усиливающиеся мнения. При этом само понятие «спирали молчания» содержит в себе смысловой оттенок движения, которое расширяется и распространяется и завершается либо закрытием темы, когда никто больше не говорит о ней, и все решено, либо наложением на тему табу, когда у всех остается много вопросов, но обсуждать данную тему прилюдно становится невозможно (чаще всего это происходит в случае неразрешенного конфликта ценностей).

Для примера действия феномена «спирали молчания» мы выбрали несколько резонансных событий, произошедших в Челябинской области, и проанализировали циклы новостей, размещенных на сайте «1obl» в 2014-2015 годах. На примере анализа поведения аудитории, проявленного в комментариях к новостям данных циклов, проследим основные особенности ее действий в тех или иных ситуациях.

Пожалуй, самым ярким событием ноября 2014 года стало убийство Елены Патрушевой – 17-летней жительницы Челябинска. Изучая комментарии к новостям можно проследить, как аудитория воспринимала материал о скандальном деле,

¹ Черных, А.И. Социология массовых коммуникаций: учеб. пособие / А.И. Черных – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 368–372

² Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман; Пер. с нем. / под. ред. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – С. 33–38.

по мере его поступления. Всего с 9 ноября до 24 декабря 2014 года на сайте 1obl.ru появилось 20 новостей, связанных с именем Елены Патрушевой (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Статистика комментариев к новостям о Елене Патрушевой

№	Дата	Заголовок	Число просмотров	Число коммент-в
1	09.11.2014	17-летнюю девушку второй день разыскивают в Челябинске	6210	0
2	11.11.2014	По факту пропажи 17-летней школьницы возбуждено уголовное дело по статье «Убийство»	2531	2
3	12.11.2014	Поиски пропавшей 17-летней Елены Патрушевой продолжатся в Миассе	4088	0
4	13.11.2014	Для поисков 17-летней Елены Патрушевой в СКР создали оперативный штаб	4140	0
5	14.11.2014	Волонтеры просят участников «Битвы экстрасенсов» найти 17-летнюю Елену Патрушеву	4533	2
6	15.11.2014	Поиски 17-летней Елены Патрушевой остановлены, девушку нашли мертвой	31101	19 (8)
7	16.11.2014	Блогеры: подозреваемый в убийстве Елены Патрушевой занимался пикапом и продажей наркотиков	24968	10 (3)
8	17.11.2014	Молодой человек Елены Патрушевой попросил у нее прощения за убийство	15656	14 (6)
9	17.11.2014	Брат Кирилла Планкова, обвиняемый в убийстве Елены Патрушевой, взят под стражу	7449	1
10	17.11.2014	Кирилла Планкова, обвиняемого в убийстве 17-летней Елены Патрушевой, отправили в СИЗО	6665	1
11	18.11.2014	Отчим Елены Патрушевой: «Кирилл Планков пытался меня запугивать»	23853	7 (2)
12	20.11.2014	Завершилась медэкспертиза по делу об убийстве 17-летней Елены Патрушевой	8991	0
13	20.11.2014	Адвокат Кирилла Планкова просит пересмотреть обвинение в убийстве	6622	19 (11)
14	20.11.2014	В Челябинске простились с Еленой Патрушевой	54088	20 (13)
15	25.11.2014	Кирилл Планков знакомился с девушками на поисках Елены Патрушевой	4819	1
16	27.11.2014	В облсуде рассмотрят жалобы на арест обвиняемых в убийстве Елены Патрушевой	1797	6 (1)
17	28.11.2014	Брата Кирилла Планкова, обвиняемого в убийстве Елены Патрушевой, не выпустили из СИЗО	2028	5 (1)

18	28.11.2014	Суд не отпустил Кирилла Планкова под домашний арест	2309	1
19	08.12.2014	Ученый проанализировал переписку Кирилла Планкова в интернете	1892	0
20	24.12.2014	Кирилл Планков пройдет проверку на детекторе лжи	1943	0

За полтора месяца интерес аудитории и их отношение к событию менялось. Можно выявить следующие основные тенденции.

1. Частичное подтверждение гипотезы: «Чем больше читают, тем больше комментируют». Три наиболее читаемые новости цикла стали наиболее обсуждаемыми. Больше всего аудиторию заинтересовала новость о похоронах девушки: ее просмотрели свыше 50 тысяч раз, комментариев на странице читатели оставили 20 – это наибольшее число. Также публику взбудоражило известие о смерти девушки: более 30 тысяч просмотров и 19 комментариев.

Далее по количеству посещений расположилась новость «Блогеры: подозреваемый в убийстве Елены Патрушевой занимался пикапом и продажей наркотиков», на нее пользователи кликнули 25 тысяч раз. Однако комментариев на странице было оставлено только 10. Нужно отметить, что большее количество комментариев при меньшем в несколько раз числе просмотров собрали новости «Адвокат Кирилла Планкова просит пересмотреть обвинение в убийстве» и «Молодой человек Елены Патрушевой попросил у нее прощения за убийство». Массовые обсуждения на этих страницах возникли на почве личности Кирилла Планкова в первом случае и на почве личности адвоката и анализа всей ситуации, в целом, – во втором.

2. Всего к 20-ти рассматриваемым новостям пользователями было оставлено 108 комментариев. 45 из них, что составляет 42% от общего числа, впоследствии были удалены модераторами сайта 1obl.ru, поскольку содержали призывы к совершению неправомерных действий, в том числе, к убийству. Кроме того, в комментариях не раз прослеживались оскорбления, которые были направлены не только на героев материала, но и друг на друга участниками дискуссии. Причина – противоположные друг другу мнения, острая реакция на возникновения которых была обусловлена высоким уровнем накаленности обстановки ввиду волновавшей общество темы.

3. В динамике развития ситуации мы можем наблюдать среди комментирующих подтверждение теории «спирали молчания» Элизабет Нозль-Нойман. Если за догму, которую стоит поддерживать прилюдно, принять осуждение подозреваемых в убийстве, то мы действительно можем наблюдать, что большинство людей в комментариях действуют именно так, причем даже до того, как круг подозреваемых был обозначен следственными органами. Это значит, что в данной ситуации аудитория инстинктивно демонстрирует свою поддержку пропавшей девушке и ее родным. Тем не менее, индивиды, которые придерживаются противоположной точки зрения публично – существуют. Однако, их меньшинство (5 комментариев). Это меньшинство впоследствии оказывается под давлением большинства, что только усиливает, в сохраняющих нейтралитет, страх социальной изоляции, и тенденция к публичной поддержке общепринятой догмы подтверждается.

4. На сайте 1obl.ru достаточно часто появляются публикации о пропавших несовершеннолетних южноуральцах, однако именно история о пропаже Елены Патрушевой изначально привлекла зрительский интерес. Первая новость о Елене Патрушевой собрала более 6 тысяч просмотров, в то время как другие подобные новости обычно просматривают в среднем не более 1 тысячи раз. В течение нескольких дней, пока шли поиски девушки, новости о ней стабильно собирали более 4-х тысяч просмотров, однако их практически никто не комментировал. Всплеск активности произошел на новости о том, что девушку нашли мертвой (30 тысяч посещений и 19 комментариев). Это говорит о выжидательной стратегии поведения аудитории, которая по-настоящему «взорвалась» только после громкой новости, обходя стороной хронику поисков.

Анализ комментариев позволяет выделить несколько основных типов читателей (медиапользователей).

1) «Сочувствующий» – человек, который сожалеет о смерти девушки и соболезнует ее родным.

2) «Искатель справедливости» – человек, который желает для убийц наиболее жестокого наказания, как правило, выходящего за рамки закона. Зачастую данный тип оставляет агрессивные комментарии в адрес убийц с призывами «отомстить за смерть», «наказать» и прочее.

3) «Учитель жизни» – человек, который считает, что девушка сама виновата в своей гибели, поскольку «связалась не с тем человеком», хотя должна была понимать, к какому исходу все приведет. Комментарии данного типа сводятся к морализаторству, жалобам на «распущенность молодежи» и прочее.

4) «Детектив» – человек, который сопоставляет детали, появившиеся в новостях, и пытается найти в них нестыковки, либо вывести иные причинно-следственные связи.

5) «Знаток» – человек, который недавно видел девушку, которую никто не может найти, знает факты, которые не может обнаружить следствие, считает дилетантами журналистов и полицию.

6) «Пофигист» – человек, который утверждает, что ситуация совершенно не интересна, но заходит на страницу и пишет комментарий.

Стоит отметить, что чаще остальных в комментариях представлены два первых типа, что говорит, во-первых, о черно-белом видении ситуации аудиторией, а, во-вторых, объясняет возникновение яростных споров двух противоположных сторон.

За время освещения сайтом «Первый областной» событий, связанных с убийством Елены Патрушевой, дважды возникали новости об исчезновениях несовершеннолетних. Оба этих новостных сообщения просматривали довольно большое количество раз (6 и 5 тысяч посещений), что говорит о возросшем интересе аудитории к подобным темам, что связано с масштабным освещением в СМИ рассматриваемой скандальной истории.

Новость о похоронах девушки собрала рекордную посещаемость в 54 тысячи читателей. После ее публикации мы можем в действии наблюдать проявление социологического феномена «усталость сострадать»¹. Эта новость стала 14-ой из цикла, и дальнейшие шесть заметок собрали в среднем около 2,5 просмотров. Если взять любые другие 6 новостей из цикла, средняя посещаемость не опустится ниже отметки в 5 тысяч. Такое резкое падение зрительского интереса к теме говорит о пресыщении и, возникшей на этой почве, апатии. Также резко снизилось и число комментариев, их суммарное количество за этот отрезок составляет лишь 10-ю долю от общего числа. Это говорит, в том числе, и об отложившемся итоге

¹ Черных, А.И. Мир современных медиа / А.И. Черных – М.: Территория будущего, 2007. – С. 181.

освещаемого события у аудитории (обвиняемые в СИЗО, прошедшие похороны, завершившаяся медэкспертиза). Безусловно, стоит также отметить количество новостей из освещаемого цикла. Аудитория на определенной отметке, в данном случае в 14 сообщений, просто больше не может выражать сострадание жертве. Это также подтверждает и тот факт, что в комментариях после указанной точки, больше не возникало типов комментаторов, которых мы обозначили, как «сочувствующий», они уступили свое место преимущественно типу «искатель справедливости».

Также важной темой, на примере которой можно проследить действие «спирали молчания», являются новости о животных, в частности, затрагивающие издевательства над ними. Последний резонансный сюжет появился в СМИ в начале июня 2015 года. В городе Магнитогорске молодая пара сняла на видео своего кота, закрытого в работающей стиральной машине. Новость об этом вызвала широкий общественный резонанс, вплоть до того, что запечатленным на видео молодым людям угрожали не только в интернете – в их доме разбили окна и несколько раз пытались проникнуть в квартиру. Масштабы новости дошли до федерального уровня, молодые люди даже приняли участие в ток-шоу на «Первом канале».

Отметим также, что наряду с видео, главным героем которого стал кот, в этот же период распространялась видеозапись, на которой малолетнего ребенка замотали в ковер и пинали ногами. Вкупе эти две видеозаписи дали серьезный резонанс, однако, уклон в большей степени шел в сторону ситуации с котом (см. таблицу 2).

Таблица 2
Статистика комментариев к новостям о ситуации с котом и ребенком.

№	Дата	Заголовок	Ис- ло коммен- тариев
1	1.06.2015	Неформалы из Магнитогорска сняли на видео наказание кота в стиральной машине	29
2	2.06.2015	Прокуратура усмотрела признаки криминала в действиях неформалов, наказавших кота в стиральной машине	15
3	2.06.2015	Неформалы из Магнитогорска, наказавшие кота в стиральной машине, не видят в своих действиях преступления	15
4	3.06.2015	После проверки видео магнитогорских неформалов мать изби-	8

		того ребенка могут лишиться прав	
5	5.06.2015	В Магнитогорске возбудили дело об истязании ребенка после проверки скандальных видео	7

Исходя из количества просмотров и комментариев, мы видим, что новость про кота привлекала больше внимания аудитории. Во-первых, это обусловлено тем, что в заголовок редакция сайта 101.ru вынесла именно это – «Неформалы из Магнитогорска сняли на видео наказание кота в стиральной машине», «Неформалы из Магнитогорска, наказавшие кота в стиральной машине, не видят в своих действиях преступления», «Прокуратура усмотрела признаки криминала в действиях неформалов, наказавших кота в стиральной машине».

То есть здесь можно наблюдать действие теории «установления пунктов повестки дня»¹, когда существует иерархия сюжетов и проблем, считающихся наиболее важными в тот или иной отрезок времени, и данный набор активно внедряется в сознание аудитории. По мнению основателей данной теории, американских исследователей Максвелла Маккоумза и Дэвида Шоу, главное воздействие СМИ на аудиторию состоит не во внушении тех или иных взглядов и идей, а в «строительстве повестки дня». Когда СМИ обращаются к освещению тех или иных событий и проблем, эти проблемы начинают восприниматься аудиторией в качестве наиболее важных и заслуживающих внимания. В данном случае, акцент был сделан на ситуации с котом, что и предопределило дальнейшую реакцию аудитории.

Однако данную ситуацию можно рассмотреть и с другой стороны, поскольку выбор редакции сделать акцент на теме, касающейся животного, был сделан, исходя из особенностей аудитории сайта «Первый областной». Согласно статистике, новостные сообщения о животных становятся наиболее читаемыми, нежели аналогичные о людях, в том числе о маленьких детях. Соответственно подобный ход предопределил упор на одной теме и дальнейший отклик аудитории.

В первой новости («Неформалы из Магнитогорска сняли на видео наказание кота в стиральной машине») из 5-новостного цикла пользователи оставили 29 комментариев. При этом 100% из них

¹ McCombs, M.E., Shaw, D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly, 1972. – № 36 (Summer). – pp. 176-187.

были посвящены выражению сочувствия животному и призывом к самосуду в отношении авторов видео. Ко второй новости («Прокуратура усмотрела признаки криминала в действиях неформалов, наказавших кота в стиральной машине») было оставлено 15 комментариев, содержащих призывы к самосуду над неформалами, и преисполненных сочувствия животному снизилось до 70%. К третьей новости («Неформалы из Магнитогорска, наказавшие кота в стиральной машине, не видят в своих действиях преступления») снова было оставлено 15 комментариев, 14 из которых были посвящены тем темам, и в одном было обращено внимание на вторую скандальную видеозапись: «Хотелось бы, чтоб прокуратура рассматривала не только случай с котом, но с и завернутым в ковер ребенком». В четвертой новости были сменены акценты – «После проверки видео магнитогорских неформалов мать избитого ребенка могут лишить прав», сменилась повестка дня, а потом внимание аудитории было обращено на другую проблему, однако характер комментариев остался прежним. Тем не менее, значительно снизилось их число, новость прокомментировали только 10 раз. К пятой новости («В Магнитогорске возбудили дело об истязании ребенка после проверки скандальных видео») пользователи оставили только 7 комментариев, 6 из которых посвящены агрессивным высказываниям в адрес матери.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. На примере развития ситуации можно увидеть действие различных эффектов. Первый из них – «усталость сострадать». Аудитория устает сочувствовать жертве. По мере развития ситуации мы видим снижающиеся темпы комментариев подобного типа.

2. Ярko видно проявление феномена «спирали молчания», поскольку абсолютное большинство комментариев было посвящено выражению именно той догмы, которую принято публично поддерживать в обществе. Первый комментарий, который выражал противоположное большинству мнение, появился предпоследним к пятой новости из цикла.

«Да что за бред? Где они его пинали? Все подобным образом прикалываются над не в меру активными и надоедливymi младшими (братьями, друзьями, соседями). К какой привлечь ответственности? Очередная видимость деятельности

правоохранительных органов. В последнее время какие-то тупые новости выкладывают стали или это специально показывают некомпетентность правоохранителей?»), – прокомментировал пользователь Анатолий.

Однако этот комментарий не вызвал никакой реакции у аудитории, что говорит о возможном страхе социальной изоляции, который заставляет читателей публично поддерживать популярную точку зрения и не выражать согласия с противоположной.

3. Также интересно наблюдать тот факт, что новость про кота привлекла большее внимание пользователей, чем новость про ребенка. Это говорит о специфике аудитории сайта 1obl.ru, которая проявлялась и ранее. Новости о живодерах и издевательствах над животными не собирают менее 15 комментариев, что превышает средний показатель для сайта «Первый областной».

4. Стоит также отметить, что аудитория, прочитав новость в СМИ, стала проявлять активность не только непосредственно в комментариях. После резонанса в СМИ негативный отклик дошел до страниц молодых людей в социальных сетях, а позже – и до места их проживания, что говорит о силе влияния средств массовой информации, изменяющим поведение аудитории, подталкивающим аудиторию к каким-либо действиям.

В итоге, мы можем сказать, что на примере реакции аудитории сайта «Первый областной» на различные новостные сообщения, мы можем наблюдать ряд эффектов. Главный из них – это «спираль молчания» Э. Ноэль-Нойман. Ситуации, когда человек, ощущающий себя в меньшинстве, молчит и не высказывает своего мнения, тем самым присоединяясь к большинству, находят свое отражение в большинстве новостных сюжетов сайта 1obl.ru. Главным основанием для действия «спирали молчания» является феномен общественного мнения. Исходя из того, что мнение индивида в обществе по поводу тех или иных вопросов формируется на основании двух основных источников знания: непосредственного наблюдения за окружением и его сигналами об одобрении и неодобрении определенных событий, фактов, мнений, мы можем сделать вывод, что редакция сайта с помощью механизмов установления повестки дня может влиять на аудиторию: делать большинство – меньшинством, и наоборот, тем

самым усиливая доминирование СМИ и «нарастающие спирали молчания».

Второй эффект – «Усталость сострадать» - с течением определенного периода новость не вызывает сочувствия, аудитория воспринимает дальнейшее развитие ситуации спокойно.

Также в ходе исследования нами было установлено, что аудитория сайта 1obl.ru имеет типическую особенность – не соглашаться с «буквой закона», зачастую выражая свое негодование по поводу тех или иных действий, а также решений органов власти.

Главным выводом по проведенному исследованию можно назвать специфические характеристики аудитории сайта 1obl.ru, которые были выявлены в ходе работы. Нами был исследован один из главных субъектов виртуальной коммуникации в интернет-СМИ – пользователь, читатель. Также нами были выявлены трансформации, произошедшие с читателем, вышедшим в сеть, как одни из самых значительных в виртуальных медиа. Если журналист, как и в традиционных СМИ, остался, прежде всего, производителем текста, поставщиком информации, то читатель перестал быть только ее потребителем. Если раньше речь журналиста была монологом, то теперь это активный диалог с читателем, причем, что важно, диалог на равных.

Список литературы

Бурдьё, П. Социология политики / Пьер Бурдьё; пер. с фр. / под. ред. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

Красноярова, О.В. Трансформации статуса аудитории массовой коммуникации: читатель, зритель, медиакоммуникатор / О.В. Красноярова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2. – С. 41-50.

Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э.Ноэль-Нойман; Пер. с нем. / под. ред. Мансурова Н.С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – С. 33–38.

Черных, А.И. Мир современных медиа / А.И. Черных – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 312 с.

Черных, А.И. Социология массовых коммуникаций: учеб. пособие / А.И. Черных – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 451 с.

McCombs, M.E., Shaw, D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly, 1972. – № 36 (Summer). – pp. 176-187. – http://www.infoamerica.org/documentos_pdf/mccombs01.pdf

Виртуальные медитации

Бредихин С. С. — кандидат философских наук, социолог, Челябинск, Россия

Медитация 1. Онтология виртуального

1. Существование субъекта протекает в опыте переживания мира. Опыт есть отпечаток мира в субъекте¹. Однако, опыт отнюдь не является единственной формой переживания мира: немецкие идеалисты отчетливо зафиксировали иные формы, а именно трансцендентного (сверхопытного) и трансцендентального (доопытного). Мы считаем необходимым добавить к этому еще одну форму – виртуального или ультраопытного.

2. Виртуальное есть пространство переживания мира в его ирреальности (которую мы можем обозначить как киберреальность), являющейся ничем иным как воплощенным фантазмом.

3. Киберреальность как воплощенный фантазм является новой формой реальности, требующей своей собственной теории².

4. Виртуальное есть чисто спекулятивное³ – то есть, говоря иными словами, есть чистое представление без воли.

5. Виртуальное, разумеется, есть нечто неуловимое в реальности. В строгом смысле это образ образов⁴, что делает задачу схватывания самого

virtus почти не решаемой. Тем не менее, косвенные подходы должны быть обрисованы:

– virtus это нечто, что может быть понято как вторичное, а значит его понимание должны быть связано с разгадкой тайны вторичного, двойника, второго порядка.

– в позитивном плане это новое измерение (новое воплощение) реальности, что позволяет

тики диалектики и антидиалектики (идеи антидиалектики имеют давнюю историю, которая начинается еще с идей Парменида об едином бытии и идей недвойственности в восточной философии. Впоследствии элементы антидиалектики мы можем обнаружить в учениях Б. Спинозы, И. Канта, А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше. В современной философии антидиалектические элементы содержатся в учениях А. Бергсона, М. Мерло-Понти, Т. Адорно, Ж.-П. Сартра, представителей структурализма, Ж. Делёза, Ж. Деррида, А. Бадью, М. Лазарата, идеями ассиметрии и пр.) позволяющих глубже познавать проблемы двойственности и недвойственности. В этой же плоскости перспективных исследований лежит и проблематика самореференции: человек всегда бытийствует через исхождение из первичной истины, которое только и делает возможным его существование вообще. Однако это исхождение делает невозможным обращение человека к самому к себе. Эта невозможность сродни другим: невозможно спрашивать о вопрошании, но невозможно и вопрошать, не зная, что есть вопрошание, невозможно разрешить парадокс лжеца и схожие с ним конструкции, невозможно оставаясь в рамках декартовского cogito ergo sum ответить на вопрос о том, что находится за мышлением, что составляет его основу и т.п. Самареференция есть прорыв этих невозможностей, который не ставит вопрос, а раскрывает истины, лежащие за пределами вопрошания. Наконец еще одним методологическим инструментом должна стать онтогносеология. Онтогносеология есть философская дисциплина, которая демонстрируя невозможность построения онтологии и гносеологии как отдельных друг от друга систем знания открывает принципы их единства и вырабатывает методологические приемы мышления исходящие из этого единства. Онтологизация гносеологии: принципиально невозможно обнаружить последних оснований гносеологии в самой гносеологии, но лишь в онтологии. Для конечного, предельного доказательства истинности и для самой истинности гносеология должна быть онтологизирована. Ища основания мысли мы приходим к тому факту, что мысль всегда неразрывно связана с бытием, обращена на него, исходит из него, существует в нем. Гносеология исходит из онтологии и в ней ее основание и обоснование.

¹ При этом, переживание мира обычно не является предельным или исходным, но срединным. Так и всякое систематическое исследование природы вовсе не нужно начинать с истоков, фундамента или, напротив, с поверхности феноменов – подойдет и любое срединное место.

² К сожалению это эссе не предполагает исследование вопроса генезиса виртуального, но в качестве предваряющего эту тему замечания мы предполагаем, что этот бастард имеет своими родителями тех же родителей, что и сам человек – мать-природу и отца-технику. Если техника есть расширение тела человека, то виртуальное есть расширение его сознания.

³ И не к нему ли должны обратиться в своих исканиях «спекулятивные материалисты» такие как К. Мейяссу и др.

⁴ Методологическим орудием в анализе подобных удвоенных (или возведенных в степень) структур должна стать новая методология основанная на идеях двойной диалектики (диалек-

подозревать в virtus потенциал радикального преобразования мира.

- в негативном плане это конкурентное изменение ранее единственной реальности.

- это массовые/деиндивидуализированные/фантазии и образы¹.

Итоги первой медитации: наряду с реальностью существует вторая реальность – ирреальность или киберреальность по сути своей являющейся воплощенным (и существующим по своей собственной логике) фантазмом. Опыт переживания киберреальность есть виртуальное или ультраопытное – чистое представление без воли. Теория виртуального должна строиться на принципах онтогносеологии, двойной диалектики и антидиалектики.

Медитация 2. Картография киберреальности

1. Картография киберреальности:

- Сеть – аноним.
- Вирус – заражение.
- Визус (imago) – мем.

2. Сеть – основное поле виртуального, построенное как двумерное пространство образуемого произвольно движущимися субъектами и узлами их связей и притяжений. Свойства Сети: серийность, шаблонность, кодированность, символичность, играизированность, жестикулярность².

3. Основной Режим Сети – режим цирка – в рамках данного режима человек функционирует не только в закрытой территории под строгим контролем и в условиях клетки, но и вынужден участвовать в представлении; характеристики данного режима следующие: театрализация, территориальная закрытость, клеточность, иждивенчество, регламентация. Для режима цирка наиболее характерны следующие состояния: клоунажность, героизированность, укрощенная дикость, опустошенность.

4. Параметры Сети:

¹ При этом следует четко отличать революционную народную массу – аструктурную естественно-историческую человеческую общность и импозитивные структурные массы – максимально отчужденную структуру социальной организации индивидов в эпоху суперимпериализма (постмодерна) – эпоха предельного отчуждения структурированной социокультурной реальности.

² Жестикулярность – построение по одним и тем же схемам (жестам) указывает и на определенную структурную материальность мышления вообще, своеобразный когнитивный материализм.

- Бессмысленное сообщество – в Сети все оказываются собранными вместе, но эта собранность оказывается бессмысленной так как, во-первых, потеряно дело, ради которого она осуществлялась, во-вторых, потеряна общность – все говорят на разных языках (полидискурсность и микронарративность).

- Глобальное безделие – человек-в-Сети оказывается в ситуации потери своего дела, которое он реализовал ранее несколько столетий в различных формах. Оставшись без глобального дела, человек-в-Сети пребывает в состоянии глобального безделия.

- Разноязыкость – язык приобретает небывалое значение в виду того, что потеряно его единство – сетевое сообщество разделено на множество языков и более никто не может достичь понимания другого. Сеть оказывается, с одной стороны, полностью захваченна софистическими настроениями (все желают лишь говорить), а, с другой стороны, эта захваченность тотально негативна (так как такое говорение приводит лишь к невозможному гулу языков, в котором голос любого человека оказывается неразличимым). При этом софистика захватывает не только коммуникацию в ее непосредственном виде, но и другие формы соучастия и действия человека – всюду начинают преобладать «софистические» формы – всевозможные уловки, нарушения логики и пр.

- Двойственность – всякий успех и прогресс в Сети неизбежно ведут к росту несчастья и недовольства и наоборот – несчастье становится двигательной силой сетевого прогресса.

- Отторгнутая природность – предельно развитая структурность Сети не только отчуждается от человека сама по себе, но и ставит барьер между человеком и природой. В результате человек оказывается лишен природности, что объясняет многочисленные и разнообразные негативные феномены в его существовании (непонимание и боязнь природы, подозрение и боязнь собственной телесности, невротические реакции, связанные с табуированием инстинктов и пр.).

- Скрытый план существования – огромную значимость приобретает совокупность разнообразных условностей, пред-рассудков и умолчаний.

- Великий отказ – невозможность реализовать общее дело ведет к отказу от многочисленных элементов, необходимых для существования, главными из которых являются свобода и разум.

Свобода и разум становятся негативным бременем, которое несет лишь дополнительную тяжесть, не давая никакой пользы, так как применение их в условиях глобального безделья невозможно. Человек-в-Сети, оставаясь без свободы и без разума, желает лишь находиться в безопасности и целиком быть поглощенным чувствами, при этом и безопасность и чувства, разумеется, являются отчужденными и структурированными.

5. Аноним есть основная фигура (субъект сети) – обезличенная (лишенная социальной массы) частица движущаяся с большой скоростью в сетевом пространстве. Аноним есть радикал по своей сути – лишенный детерминированности, личности основа его существования – произвольность. Десубстанцииализировать (субъектность без субъекта, нулевая степень) есть главная примета Анонима и его фигур:

– Первая фигура — зритель перед экраном. Холодная поверхность экрана, на которой одни галлюцинаторные всплески сменяют другие, а перед этой поверхностью – молчаливый зритель, вся жизнедеятельность которого сведена к бессмысленному и бесконечному созерцанию. Зритель ничего не может сказать экрану, он лишь воспримлет то, что ему показывается.

– Вторая фигура — игроман играющий всерьез. Играть в религию, играть в работу, играть в смерть, воспринимать весь мир как игру, а вместе с тем относится к игре, как жизни и вот уже игровая индустрия стремительно теснит киноиндустрию в прибыльности. Но есть ли что-нибудь более патологичное, нежели человек проводящий жизнь в придуманном мире — в нем уже все прописано, все сценарии установлены изначально, Боги — авторы игры уже просчитали каждую эмоцию и каждое действия и в игре нет ничего, кроме холодной машины и человека — ее придатка. Раньше человек стремился отыскать подлинный мир, воспринимая реальность как кажимость, теперь человек стремится попасть в кажимость и сделать ее своим миром.

– Третья фигура — трудящийся без труда. Умерший никому не нужный труд не отошел в мир иной, но стал предметом культа, «иррациональной абстракцией» и как таковой главной тоталитарной силой. Чтобы поддерживать культ умершего труда государственная системы подавления в союзе с Капиталом тратят все средства для поддержания бессмысленной иллюзии труда и

идеологического оправдания через тезис «кто не работает тот не ест».

– Четвертая фигура — выбирающий без выбора. Представители никого не представляют, профсоюзные лидеры никого не защищают, партии отличаются друг от друга только вывеской. Километровые полки товаров — но все они одинаковы — выбор невозможен, выбор уничтожен.

– Пятая фигура — разбойник жертва. Никто более не желает быть честным разбойником, всякий разбойник мнит себя жертвой и хочет казаться ей. Убийца не просто убийца он мстит миру за детство, омраченное Эдипом. Террорист не убивает невинных, но мстит глобальным империям за свою маленькую страну, а эта страна хоть и горячо одобряет кару неверных, но утверждает, что это самые неверные подорвали себя, чтобы обвинить невинных террористов.

– Шестая фигура — бунтарь без бунта. Революционер не только не отрицает чего-либо, напротив его революционный бред является прекрасным коммерческим капиталистическим продуктом.

– Седьмая фигура — неверующий верующий. Человек желает верить, но вера оказывается чем-то абсолютно бессмысленным, легковесным не имеющим никакой силы. В своей Успех вообще является одной из значимых нигилистических идеологием — человеку навязывается идея, что лишь успех определяет его как человека. Причем успех этот должен, как и все, осуществляться напоказ и обставляться соответствующей атрибутикой. В ежедневной практике человек никак не реализует эту веру — он не только не исполняет ни одного обряда ни одной конфессии, он вообще никак не соотносит то, что он делает со своей религиозной верой. Он может обманывать, воровать, оскорблять других, желать богатства, но при этом называть себя «глубоко верующим».

6. Вирус — основной действующий механизм Сети, быстро охватывающий значительные сообщества анонимов и узлы Сети инфекционный агент, заражающий и перестраивающий посредством инфицирования характер действий Анонимов и узлов. Фигура вируса — фрактал. Проявления вируса: эффект моды, эффект толпы, волновой эффект и пр.

7. Визус (imago) — мем — основной язык Сети, уже по своему строению указывающий на скрытую природу Сети — за изображением скрывается

код. Стилусы мема – ирония и остроумие¹. Вирус есть процесс мема, обеспечивающий его выживание за счет репликации – бесконечного воспроизведения самоподобия.

Итог второй медитации: структура киберреальности представляет собой пространство Сети, образованное действующими недетерминированными субъектами – Анонимами. Основным языком Анонимов – мемом, а основной группой процесс – вирус.

Медитация 3. Террор (воля) виртуального

1. Терроризм это виртуальное пришедшее в реальное². Многие столетия разного рода философские учения подозревали, что мы существуем в нереальности (матрице), за которой скрыт подлинный мир. Но всё оказалось куда сложнее и страшнее – не мы живем в матрице (и соответственно можем из нее сбежать), но матрица живет в нас.

2. Ужас виртуального состоит и в мрачной безответственности «холодного экрана». По самому своему определению он «экранирует» все эмоции, желания и страхи.

3. Террор физический представляет собой лишь толику зла в сравнении с террором ментальным.

4. Неизбежный мрачный вопрос рождается при взгляде на холодное безликое отражение скрытое машинерии виртуального – не обладает ли этот спрут, кракен своей волей, волей хтонического зла.

Итог третьей медитации: не смотря на то, что виртуальность есть представление без воли, сама киберреальность не лишена этой скрытой воли проявляющейся в терроре – спонтанном и разрушительном проникновении виртуального в реальное.

Медитация 4. Этика виртуального

1. Связь этики и онтологии до сих пор не была никем удовлетворительно раскрыта. Мы утверждаем, что этика онтологична, а онтология этична или иначе всякая онтология есть одновременно и этика (онтоэтика).

2. Раз это новое измерение, отличное от реальности, то оно нуждается в этике:

- в виртуальном нет истины есть лишь образы и смыслы (постправда и пр.), а значит субъект виртуального должен осуществить радикальный отказ от истины, научиться жить без нее.

- в виртуальном нет справедливости, все возможности присутствуют здесь и сейчас. Если нет бога (а бог по своей сущности есть лишь иное обозначение справедливости), то всё допустимо/возможно – этот тезис онтоэтичен.

- этическое благо виртуального – продуктивность в форме бесконечного воспроизводства.

- два других блага: жертвенность и несогласие. При этом ни то ни другое не может быть простым: так жертвенность заключается не столько в том чтобы принести себя в жертву некому идеалу, но в том, что сознательно отречься от этого йролика героя пострадавшего за правду.

- этика виртуального не знает смерти и бытия-к-смерти. Глобальная одновременность (в которой прошлое никогда не предшествует, а будущее никогда не наступает) относится и ко внутреннему времени существования субъекта.

Итог четвертой медитации: виртуальное этично и эта этика радикально отлична от этики обыденной социальности.

¹ Стоит вспомнить, что согласно З.Фрейду остроумие есть нечто иное как обходной путь получения удовольствия посредством освобождения подавленных суперэго импульсов в вербализированной форме (Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд – М.: АСТ, 1997), а ирония (от *eigoneia* – притворство) не только является потенциальным средством постмодернистского освобождения (Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти), но строится на игре с логикой в сокрытие смысла в расходящемся разломе смыслов.

² Ж. Бодрийяр говорит: «Терроризм не есть какой-то иррациональный эпизод нашей общественной жизни: ему присуща четкая логика ускорения в пустоте» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2006. – С. 113).

ПОМОГИ **ПРИРОДЕ** СЕЙЧАС

ОТПРАВЬ SMS
ПРИРОДА
НА НОМЕР
3443

Реклама

ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ БЕЛЫХ МИШЕК МОЖЕТ СТАТЬ В 3 РАЗА МЕНЬШЕ

Сумма пожертвования - 100 рублей
Обязательно подтвердите ответный SMS-запрос

ВСЕМИРНЫЙ ФОНД ДИКОЙ
ПРИРОДЫ РОССИИ
WWF

помогает сохранить редкие виды животных
защищает моря от загрязнения
охраняет леса от нелегальных рубок

Природе России нужна помощь.
Узнай больше на wwf.ru

vk.com/wwf

0+

РУБРИКА

ИНТЕРВЬЮ

20 лет кружку «Философия истории»: Интервью С.С. Логиновского с основателем и руководителем философского кружка Павлом Борисовичем Уваровым

20 лет кружку «Философия истории»

Интервью С.С. Логиновского с основателем и руководителем философского кружка Павлом Борисовичем Уваровым

В 2015 году исполняется 20 лет Научному обществу (известному среди своих как «кружок») «Философия истории». Научное общество «Философия истории» возникло и существует на базе исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета. Но его участниками являются представители самых разных ВУЗов Челябинска и других городов, как России, так и зарубежных стран. Рассказать о научном обществе «Философия истории», его прошлом, настоящем и будущем мы попросили основателя и бессменного руководителя общества Павла Борисовича Уварова, доктора исторических наук, преподавателя исторического факультета ЧГПУ.

С.С. Логиновский: традиционный первый вопрос: когда и как возникла идея кружка?

П.Б. Уваров: идея такого своеобразного научного объединения, самодельного, возникла, мне кажется, в ситуации конца 80-х – начала 90-х годов, в ситуации конца большой, по своему стильной эпохи, какой было советское общество и советская эпоха. Наступившей после ее постепенного распада ситуации неопределенности. Ситуация неопределенности для научных предприятий, мне кажется, очень по-

зитивна. При этом я совершенно четко представляю, что для людей, живущих эту эпоху эта ситуация очень сложная, даже жестокая. Но, с точки зрения науки (что лишний раз доказывает, что наука – явление неоднозначное), эпоха неопределенности – это «мать родна» (как говорится – «для кого война, а для кого – мать родна»). Она провоцирует людей на поиски нового, пересмотр старого, фактически под девизом «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Особенно если есть склонность к какому-то интеллектуальному труду, к какому-то дискурсивным построениям, размышлениям. Мне кажется, из этого своеобразного «временного гумуса» и вырастают такие проекты. Честно скажу – как и все интеллигентские проекты, этот проект изначально содержал достаточно большую долю эгоистического компонента: это было мне интересно, это было мне нужно и с этого всё и началось. Я не могу сказать, что это было...

С.С. Логиновский: ...объективная потребность?

П.Б. Уваров: Да, не могу сказать, что я в себе как-то аккумулировал нечто насущное... Мне это было очень интересно, и я попробовал. И

уже когда процесс начал зарождаться, я вдруг увидел, что это совпадает с интересами других. В этом нет ничего удивительного: все были в таком же состоянии, как я, состоянии этой новой неопределенности существования. Я увидел, что это действительно как-то резонирует с ощущениями, потребностями студентов, причем резонирует вполне определенно и серьезно. И то, о чем я не думал поначалу, вдруг оказалось плодотворным в плане и моего саморазвития. Без ложной скромности могу сказать: если бы не было кружка, то мое развитие, в том числе и научное, могло бы быть гораздо менее продуктивным и даже могло бы вовсе не состояться, потому что проговаривание для гуманитария очень важно. Если для представителей точных наук важен, прежде всего, эксперимент, протокол, повторение эксперимента и т. д., то для гуманитария все-таки очень важно проговаривание, даже не письмо, а проговаривание. И вот если бы кружка не было, мне кажется, я мог бы гораздо раньше замкнуться, самому себе что-то доказать и на этом остановиться. А аудитория, которая своим интересом тебя зажигает, тебе вызов бросает – это очень хороший импульс. Поэтому, конечно, когда я в своей монографии написал, что я благодарен студентам и особенно студентам, которые состоят в обществе «Философия истории» – это было абсолютно искренне. Я действительно считаю, что без них моя научная биография (так уж напыщенно скажу для краткости) могла бы не состояться. А уже по ходу появлялись новые направления и смыслы, появлялись люди, которые выходили за пределы ученического отношения к происходящему, многие шли своим путем, и я почувствовал, что это очень интересно, когда люди делают что-то по-другому. И это нравится не меньше, чем когда ты что-либо делаешь сам. Это для науки очень интересные вещи: исследование зарождающихся научных и художественных сообществ. Это тема, которая могла бы быть интересна даже для социальной философии. И дело здесь не только в предмете, дело в том, как зарождаются позитивные социальные инновации, что для них нужно, чтобы они получились. Изучение таких явлений может и для общества многое дать. Здесь я отвле-

каюсь, конечно, но это тоже интересная тема. Если же подводить краткий итог, то можно сказать, что причины создания кружка – это, прежде всего, вызов времени, вызов, от которого нельзя было отвернуться, потому что остаться в ситуации непродуманности даже страшновато несколько, не только для меня, но и для многих людей. Далее, это отклик, которой поучила моя идея и большое количество людей, которые участвовали в этом в рамках собственных интересов, собственной работы, собственного научного творчества. Благодаря всему этому, проект и состоялся. Причем, хочу подчеркнуть, это проект до сих пор действующий, причем без всякого финансирования, без какой-либо серьезной, тем более, направляющей поддержки – проект, существующий сам по себе. В этом плане кружок есть, как мне кажется, очень позитивный опыт, который можно изучать и использовать как пример реальной инновации в науке.

С.С. Логиновский: собственно с похожих инноваций начиналась и сама новоевропейская наука? независимые академии эпохи раннего нового времени...

П.Б. Уваров: да, я согласен. Здесь же можно вспомнить и протомасонские общества. Если отбросить скандальную мифологическую часть масонства, то это тоже был своеобразный профсоюз интеллигенции, где она чувствовала себя уютно и пыталась делать что-то интересное для себя и одновременно производя новое общество. Хотя тема эта неоднозначная, тем не менее, единство механизмов здесь, безусловно, просматривается.

С.С. Логиновский: Теперь, после вступления, уместно задать главный, на мой взгляд, вопрос: лично я считаю, что кружок уже давно перерос формат кружка, и уже можно говорить о научной школе со всеми ее атрибутами. В этой связи и возникает вопрос: в чем суть теории, развиваемой школой, то есть Вашей теории, поскольку именно Вы ее основатель и руководитель. Может быть, этот вопрос Вам уже порядком поднадоел,

но, как Вы сами сказали, проговаривание для гуманитариев важно.

П.Б. Уваров: В этой теме для меня, как для человека, очень важно, что я до сих пор чувствую некоторое смущение, когда говорят «основатель», «научная школа». Не потому, что я приbedняюсь, наверное, я не могу до конца привыкнуть. Для меня это значит, что я до сих пор сохраняю некоторую адекватность, социальную и научную. Мне кажется, что человек, который занимается наукой, которая есть весьма своеобразный, странный вид деятельности, всегда должен сохранять хотя бы небольшую дистанцию от того, что он делает, хотя бы немного самоиронии и т. п. Думаю, мне пока это удается.

Что касается школы, мне кажется, что это наследие советского, такого заорганизованного, слишком заорганизованного научного процесса, когда школа мыслилась как своего рода венец научного развития. Вообще, мне кажется, что научная школа начинается не с человека, а с идеи: если идея есть, то и школа есть. А если есть только руководитель, и за ним просто идут какие-то люди, пусть и аспиранты, то это вовсе не означает наличия научной школы. Понятие школы подчеркивает некое отличие, а это отличие коренится не в руководителе, а в какой-либо идее. И в этом плане при любом отношении к тому набору идей, который культивируется в нашем сообществе, вряд ли кто-то откажет нам в том, что они есть. Идеи есть, и они во многом не похожи на другие, уже существующие идеи. С этой точки зрения, с точки зрения наличия идеи, можно, наверное, говорить. И об идее мне легче говорить, чем о себе. Конечно, сохраняя адекватность, глупо говорить о том, что я – единоличный творец этой идеи, но когда я отвечал на первый вопрос, мне кажется, я достаточно явно подчеркнул, что если не было бы окружения в виде участников кружка, то многое бы недоразвилось, многое, наверное, вообще бы не развилось. Ведь идеи не появляются сразу в законченном виде. Я думаю, что те люди, которые меня знают, прекрасно понимают, что когда мы говорим о наличии идеи, то можно говорить о человеке-

создателя, но все равно идея росла и росла, она в сообществе.

С.С. Логиновский: хорошо, но в чем же все же суть этого коллективного продукта, идеи в ее ставшем виде?

П.Б. Уваров: Суть заключается в том, что, на наш взгляд, большая проблема гуманитарных наук заключается в том, что их природа исключительно фиктивна. То есть гуманитарные науки пытаются копировать науки точные, но при этом они не смогли решить проблему обособления своего предмета от точных наук. Если вы посмотрите, то все равно в глубине любой гуманитарной науки лежит привязка к тому, что собственно является основой точных наук – представления о мире, природе, спор о материальном и идеальном и т. д. В данном случае, то, что мы делаем, начиналось с того, что мы считали, что в гуманитарных науках и в истории, в первую очередь, должен быть четко выделен свой предмет, которым является не просто природная среда (как в естественных науках), а это мир, с включенным в него человеком. Я бы даже сказал – осложненным человеком. Если разбираться дальше, то выясняется, что человек существует не в природном пространстве, а в особом пространстве, которое можно назвать воспринимаемым пространством. Именно в этом пространстве человек и осуществляет себя как актер гуманитарной науки. Если его помещать только в природное пространство как животное, то мы впадем в большое количество заблуждений. Я всегда шушу (и в каждой шутке есть доля истины), что известное выражение, приписываемое Марксу – «бытие определяет сознание» – является верным или почти верным. Маркс ошибся только в том, что не сказал еще одного слова – «представление». Именно представление о бытии есть то, с чего мы начинаем. У каждого человека есть представление о бытии, и именно оно определяет его сознание. Здесь и находится то, что формирует предмет гуманитарного знания, в том числе, предмет исторической науки. Далее, рассматривая все возможные варианты представлений о бытии, мы столкнулись с тем,

что если говорить о допущениях (о бытии) предельных, не разрушаемых, то оказывается, что их существует всего лишь два варианта устройства своей жизни. Первый вариант (исторически первый наиболее долгий по времени и существования) – это то, что мы можем назвать религиозностью, то есть когда человек упорядочивает мир через религию. Второй вариант – безрелигиозный. Это если говорить кратко. Необходимо подчеркнуть, что подобный подход является сугубо научным. Он не отрицает религию.

Когда мы говорим об этих двух базовых, не опровергаемых представлениях о бытии, то необходимо заметить, что человек, общество пробовали себя и в том и в другом плане. И все остальные вещи, которые человек в этом мире создавал, так или иначе, связаны с одной из этих стратегий. Нам кажется, что это довольно стройная система, которая позволяет не просто даже выстраивать о предмете гуманитарных наук, но и позволяет более активно использовать, например, дедуктивные методы познания. Почему-то в историческом знании это считается зазорным, хотя все точные науки содержат не только индуктивный, но и дедуктивный компонент. Наш подход позволяет вернуть науку в состояние нормального исследовательского проекта, когда индуктивная и дедуктивная методология соседствуют и дополняют друг друга. Таким образом, если подводить краткий итог, то речь идет об определенном видении предмета гуманитарного знания и логике, которая из этого видения вытекает. Все это завершается в том методологическом формате, с этой логикой совпадает и позволяет работать с любым конкретным материалом.

С.С. Логиновский: Спасибо. Следующий вопрос такой: не секрет, что нередко кружковцев называют традиционалистами, поскольку им больше импонирует первый, из названных Вами, типов общества – общество традиционное. В этой связи интересно, в какой связи идеи кружка находятся с идеями европейских традиционалистов XX века, самым ярким представителем которых, пожалуй, является Рене Генов?

П.Б. Уваров: Можно сказать, что наше представление о самих себе поначалу было близко к образу традиционного общества как своеобразной антитезы современному обществу. При этом сам термин «традиционное общество» может быть легко заменяем. Можно назвать это общество обществом предания или древним, восточным, несовременным. Я в последнее время часто употребляю вариант «религиозностное общество», тем самым, настаивая на том, что главное отличие этих обществ заключается в том, что в них религия играла ту роль смысло- и структурообразующего элемента, роль, которую в современном обществе она утратила или выполняет не в той мере, как ранее. В современном обществе при наличии религиозности она не является смысло- и структурообразующим началом. На мой взгляд, термин в данном случае не принципиален, его можно заменить, но верно то, что наше общество интересуется данной проблематикой и интересуется одновременно на стыке с этой проблематикой и современным обществом. При этом и последний интерес для нас очень важен, поскольку позволяет знанию о древних эпохах становиться знанием, которое работает и в современном обществе. К сожалению, гуманитариям кажется, что раз они гуманитарии, то они могут быть не такими точными, для общего развития, просто хранить какие-то знания о прошлом. Другими словами, чаще всего у нас гуманитарная наука мыслит себя как мемориальный проект. Конечно, сохранение памяти необходимо, но ограничение себя только этим – это очень узкая задача, к тому же мало интересная обществу. Это интересно, это занимательно, но к реальной жизни, к проблемам общества имеет весьма косвенное отношение. В этой ситуации историку не стоит жаловаться на то, что общество к нему невнимательно. Я считаю, что историки могут выполнять и более важные для общества экспертные функции. Понимание древнего общества способствует лучшему пониманию современного общества. Это могут быть совершенно неожиданные вещи. Это касается любой сферы жизни общества. Скажем, многие вещи, которые происходят с нами в сфере коммуникации, очень завязаны

на тот тип поведения, который преобладает в современном обществе – на ситуативный тип поведения. И понимание логики этого поведения очень многое объясняет в современном обществе. Это гораздо эффективнее работает, чем привычные объяснения. То же самое можно говорить и про различные аспекты личной жизни человека. Буквально в любой сфере современной жизни, исходя из нашей теории, можно дать очень интересные рекомендации. В этом случае историк оказывается не только лишь хранителем памяти, а оказывается еще и экспертом, который обладает неким серьезным знанием, которое помогает развивать и даже (наверное, это можно сказать) улучшать жизнь общества. Это конечно непросто, это не действует автоматически, но при определенном внимании к этой тематике, при определенном развитии этой тематики, при определенной поддержке общества (причем не мегаглобальной, а простой, можно сказать, минимальной поддержке) может дать обществу серьезные инновационные прорывы. Мне кажется, что современные представления об инновациях как чисто техническом развитии ошибочно. Ведь если мы говорим о первенстве сейчас, так называемых, западных обществ, то я готов утверждать, что их первенство, в первую очередь, сложилось на базе совершенно инновационного отношения к ментальной идейной реальности. Все остальное есть результат этого первичного изменения. Именно инновация мировоззрения позволила этим странам захватить (причем, сравнительно быстро по историческим меркам) лидирующие позиции в современном мире и их сохранять, пока у этих людей не будет какого-либо исторического интеллектуального конкурента, который сможет их уточнить или даже может быть исправить

С.С. Логиновский: Вы считаете, что такой конкурент, такая альтернатива реально возможна?

П.Б. Уваров: Конечно. Представление о новых смыслах может скорректировать представление как об отдельных сторонах жизни, так и о жизни в целом. Ведь если представление о

бытии определяет сознание, то если мы разумно (а не за счет подтасовок) скорректируем представления о бытии, появятся новые мировоззренческие феномены, на основе которых складывается определенная практика поведенческая.

С.С. Логиновский: Если, как Вы сами сказали, таких мировоззренческих альтернатив всего две, и одну из них (нерелигиозную) уже воплощает современный Запад, то получается, что речь идет о второй альтернативе, религиозной?

П.Б. Уваров: Совершенно верно. К сожалению, эту мысль очень часто неправильно понимают. Спекуляции на эту тему меня просто поражают. Часто говорят: «вы что, хотите отказаться от таблеток или хотите ездить на телеге?». Никто из нас об этом не говорит, и никогда не говорил. Это абсурд, который возник у людей, которые не понимают о чем идет речь...

С.С. Логиновский: путают предание и эпифеномены, порождаемые им?

П.Б. Уваров: Да, конечно. Тем более, что даже в смысле мировоззренческих инноваций речь идет не о том, что «железной рукой загоним к счастью». Но, обратите внимание, как в современном обществе, например, психологи работают с проблемами людей. Как они учат его менять отношение к ситуации. Современная психология базируется на представлении о том, что любая проблема современного человека (а значит и современного общества) фактически решается некоторым переключением сознания человека. И как ни странно, с ними можно согласиться в некотором отношении, они не так далеки от истины. Представьте, если такие локальные изменения на уровне отдельного человека, связанные с небольшой корректировкой сознания, могут дать такой результат, то представьте себе какой результат может быть, если сознание человека откроется всей сложности бытия, его полноте, когда он поймет, в какой ситуации он существует, по каким правилам, по каким возможным вариантам может протекать жизнь... Чем больше, чем

сильнее определенность, конструктивная «корректировка» сознания, то представьте, какие тогда возможны прорывы. При этом, ни по каким направлениям, связанным с устоявшимися культурными ценностями, никакого разрыва не будет. Я не вижу ни по одному направлению, по которому формируется нормальный человек, никакого противоречия, которое его изуродовало бы. Например, мы сейчас пониманием, что в современном обществе отношение к моральным ценностям гораздо более прагматичное, нежели в традиционном. Но никто же ведь не отрицает, что мораль необходима. Скорее наоборот, современное общество готово к возвращению морали, просто оно боится, что под видом возвращения к морали будет протаскиваться какая-либо воинственная идеология, которая опять будет подчинять людей достаточно узкому, агрессивному и обскурантистскому взгляду на мир. Можно привести подобные примеры и из других сфер социального бытия.

Впрочем, необходимо понимать, что изменение общества – это долгая перспектива. Я большой противник каких-то резких, категорических, тем более насильственных исправлений человека – ничего хорошего из этого не получается.

С.С. Логиновский: Последний вопрос. Как и первый, достаточно традиционный: вопрос о перспективах. Двадцать лет – это не маленький срок, многое уже сделано, может быть даже все сделано? Шучу, конечно.

П.Б. Уваров: (смеется)

С.С. Логиновский: Безусловно, есть какие-то планы, проекты?

П.Б. Уваров: Скажем так: есть то, что движется, причем уже почти самостоятельно. Что касается изменений, которые желательны, они также не требуют чрезвычайных усилий. Мне кажется, что какие-то принципиальные моменты, на которые я был способен, мне уже удалось. Можно даже образно сказать, что корабль уже спущен на воду и может обходиться

без меня. Это меня очень радует. Постоянно ассоциировать некую идею с собой – это признак тоже не очень хороший в психологическом плане. Поэтому я здесь очень скромно обозначу свое видение будущего. Пока в целом всё получается.

С.С. Логиновский: Большое спасибо за интересный содержательный разговор.

П.Б. Уваров: Спасибо Вам.

19 октября 2015 года

Реклама

в Гене́зисе

+7 (950) 739-89-00

genesis@genesis-magazine.ru

Спасибо, что дочитали нас до конца!

Если вы просто перелистнули на эту страницу, то мы рады, что вам интересно чем всё закончится! Для вас старались авторы:

Абсалимов Константин Константинович — религиовед, магистрант Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Абсалимова (Огаркова) Полина Владимировна — религиовед, магистрант Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

Белова Людмила Ивановна — кандидат культурологии, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия)

Бредихин Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, социолог (Челябинск, Россия)

Вертушинский Александр Сергеевич — философ, преподаватель Московского государственного университета (Москва, Россия)

Евдокимова Людмила Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

Иванов Дмитрий Владиславович — доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Лаврова Анна Георгиевна — кандидат культурологии, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

Логиновский Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

Павлова Екатерина Юрьевна — религиовед, ведущий специалист Управления общественных связей Правительства Челябинской области (Челябинск, Россия).

Садылко Дмитрий Владимирович — журналист телеканала «Первый областной (Челябинск, Россия).

Хейм Майкл — Ph.D., философ, профессор Университета им. Св. Марии (Лос-Анджелес, США).

Хоружий Сергей Сергеевич — советский и российский ученый, философ, доктор физико-математических наук, профессор Московского государственного университета (Москва, Россия)

Щетинина Елизавета Витальевна — религиовед, директор АНО «Центр культурно-религиоведческих исследований, социально-политических технологий и образовательных программ» (Челябинск, Россия).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Прогрессивный журнал «Генезис» является регулярным научным изданием.

Структура журнала состоит из трех частей. Первая часть включает редакторский раздел, где редколлегия представляет собственный взгляд на тему актуальных событий, происходящих в обществе и мире и тенденций научных исследований. Вторая часть состоит из четырех основных разделов: человек, религия, культура, общество. В последней части журнала расположены дополнительные рубрики, например, переводы на русский язык работ западных исследователей.

Журнал выходит раз в полугодие. Форма выпуска: электронный журнал с возможностью выпуска печатных номеров в ограниченном количестве.

У авторов есть два варианта для публикации в нашем издании. Первый путь — включение публикации по согласованию с редакцией в конкретный номер журнала, посвященный той или иной теме. Вторым — отправка в редакцию материала по любой интересующей автора теме с рассмотрением редколлегией возможности включения материала в следующий номер с подходящей тематикой. Все присланные публикации проходят рецензирование силами редколлегии или привлеченных извне экспертов. В случае необходимости редколлегия всегда готова оказать помощь и поддержку в доведении автором публикации до печати. Все публикации для авторов бесплатны и не вознаграждаются гонораром. Предоставляемые статьи должны являться оригинальными неопубликованными ранее в других печатных или электронных изданиях (исключение возможно лишь по специальной договоренности с редакцией). Статья предоставляется в электронном виде как файл «Microsoft Word» (на электронном носителе или по электронной почте) на русском или английском языке. Объем текста статьи должен быть от 20 000 до 60 000 знаков, включая пробелы и сноски (от 0,5 до 1,5 п.л.)

Технические требования: шрифт: Times New Roman, размер шрифта — 12, положение на странице — по ширине текста; поля — по 2 см. со всех сторон; междустрочный интервал — «Множитель» 1,15; интервал между абзацами «Перед» — нет, «После» — «Авто»; отступ «Первой строки» — 1,25; текст — одна колонка на странице.

Первая (титульная) страница статьи должна содержать следующую информацию: Заглавие

(Times New Roman), прописные буквы, размер шрифта 16, полужирный, положение по центру страницы; Ф.И.О. автора (Times New Roman), размер шрифта 14, полужирный курсив, положение на странице по правому краю, через строку после «Заглавия»; сведения об авторе — ученая степень, должность, место работы, город, страна размещаются под Ф.И.О. автора, (Times New Roman), размер шрифта 14, полужирный курсив, положение на странице по правому краю; аннотация к статье. Слово «Аннотация»: (Times New Roman), размер шрифта 14, полужирный, положение по центру страницы, через строку после «Сведений об авторе». Текст аннотации: не более 1200 знаков с пробелами, (Times New Roman), размер шрифта 12, курсив, положение по ширине текста, отступы слева и справа — по 4 см., отступ «Первой строки» — 1,25; ключевые слова (от 1 до 10), размещаются под «Аннотацией», фраза «Ключевые слова»: (Times New Roman), размер шрифта 14, полужирный, положение по левому краю страницы, отступы слева справа — по 4 см., после фразы ставится двоеточие; сами ключевые слова указываются после фразы «Ключевые слова» в той же строке, через запятую; контакты автора, размещаются в сноске к Ф.И.О. автора на титульной странице, содержит фамилию и инициалы автора(-ов) адрес электронной почты.

Сам текст статьи начинается со второй страницы.

На последней странице необходимо предоставить перевод титульной страницы на английский язык (имя и фамилия автора, ученая степень, должность, место работы, город, страна, заголовок статьи, аннотация, ключевые слова).

Разделы статьи должны быть пронумерованы. Оформление заголовков разделов — шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, полужирный, положение по левому краю страницы.

Нумерация **сносок** – автоматическая, с нарастающей нумерацией до конца текста статьи, шрифт — Times New Roman, размер — 10, положение текста на странице по ширине текста. В случае цитирования части книги или статьи указывают необходимые страницы. Ссылка на источник оформляется в виде сноски.

Каждая **таблица** должна быть пронумерована и иметь заголовок. Номер таблицы и заголовок размещаются над таблицей. Номер оформляется как «Таблица 1», шрифт — Times New Roman, курсив, размер — 12, положение текста на странице по правому краю. Заголовок размещается на следующей строке, шрифт — Times New Roman, размер — 12, положение текста на странице по центру.

Графические материалы должны быть представлены «Microsoft Graph» или «Excel» без использования сканирования. Графические объекты должны быть в виде рисунка или сгруппированных объектов. Графические объекты не должны выходить за пределы полей страницы и превышать одну страницу. Каждый объект должен быть пронумерован и иметь заголовок. Номер объекта и заголовок размещаются под объектом. Номер оформляется как «Рисунок 1», шрифт — Times New Roman, курсив, размер — 10, положение текста на странице по левому

краю. Далее следует название — шрифт Times New Roman, размер — 10.

Математические формулы оформляются через редактор формул «Microsoft Equation». Их нумерация проставляется с правой стороны в скобках. При большом числе формул рекомендуется их независимая нумерация по каждому разделу.

Список литературы приводится в конце статьи и озаглавляется «Список литературы» —

шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14,

полужирный, положение по левому краю страницы. Сам список литературы оформляется как общий список без нумерации, размер шрифта — 12, отступ 1 см. Сначала указываются русскоязычные источники, затем иностранные, затем электронные ресурсы. Список строится по алфавиту.

Редколлегия журнала оставляет за собой право не включать в сборник статьи, не соответствующие указанным требованиям и превышающие установленный объём.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, проходят рецензирование и утверждаются на заседании Редколлегии. Решение о публикации сообщается автору в течение недели после утверждения статьи на Редколлегии. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку. Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих материалов не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Прогрессивный журнал Генезис является проектом Центра культурно-религиоведческих исследований, социально-политических технологий и образовательных программ. Журнал выходит с периодичностью 2 раза в год. Журнал распространяется бесплатно. Если вы хотите посодествовать развитию журнала - мы будем рады вашей поддержке, ваши средства вы можете направить на яндекс-кошелёк: **410015758179409**